

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2025 Том 20 № 2 (46)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)

Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)

М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)

А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)

Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)

В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)

О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)

Т. И. Стеклова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)

Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)

Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)

Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff (Berkeley, USA)

Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>

Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>

Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Valery V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>

Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>

Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Уланова Е. Э., Катермина В. В. Краснодар, Россия	Жанровый аспект реализации языковой личности синхронного переводчика 110
--	---

Исследования отдельных жанров

Леонтович О. А. Москва, Россия	«Риторика насилия» и политическая корректность в жанре политических дебатов в американском электоральном дискурсе 118
Новикова Э. Ю. Волгоград, Россия	Жанр «мастер-класс» в структуре полижанрового и полимодального садоводческого дискурса 128
Дементьев В. В. Саратов, Россия	Научно-популярные статьи о космосе: опыт интегрального описания речевого жанра (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) 139

Жанры в художественном творчестве

Темиргазина З. К., Гаранина Е. П., Матаева А. К. Павлодар, Казахстан	Прозиметрум: синкретизация жанров в казахстанской русскоязычной поэзии 152
Прозоров В. В. Саратов, Россия	Внутренняя немая сцена в автокоммуникации 161
Карасик В. И., Китанина Э. А. Москва, Россия	Жанровые характеристики «Записных книжек» И. Ильфа 171
Александров А. С. Санкт-Петербург, Россия	Юбилейная статья в литературно-критической практике А. А. Измайлова 178

Интернет-жанры

Щипицина Л. Ю., Казяба В. В. Архангельск, Россия	Медийный формат vs. жанр в социальных медиа 185
Дреготень Е. А. Саратов, Россия	Прецедентные феномены в постах сетевых блогов 196

Рецензии. Обзоры. Хроника

Бочкарева Т. А., Кошечкина О. В., Крючков В. П. Саратов, Россия	Жанры речи, жанры научной жизни: конференция памяти профессора К. Ф. Седова 204
---	--

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Ulanova E. E.,
Katermina V. V.**
Krasnodar, Russia
- Genre aspect of a language personality of an interpreter 110

Studies of Individual Genres

- Leontovich O. A.**
Moscow, Russia
- “Violent rhetoric” and political correctness in the genre
of electoral political debates in American electoral discourse 118
- Novikova E. Yu.**
Volgograd, Russia
- Genre “master-class” in the structure of polygenre
and polymodal gardening discourse 128
- Dementyev V. V.**
Saratov, Russia
- Popular science articles about outer space:
an experience of integral description of a speech
genre (based on the material of the Soviet press
of the 20th century and publications in the Runet
of the 21st century)..... 139

Genres in Art

- Temirgazina Z. K.,
Garanina Y. P.,
Matayeva A. K.**
Pavlodar, Kazakhstan
- Prosimetrum: Syncretization of Genres in Kazakh
Russian-language Poetry..... 152
- Prozorov V. V.**
Saratov, Russia
- An inner silen scene in autocommunication..... 161
- Karasik V. I.,
Kitanina E. A.**
Moscow, Russia
- Genre characteristics of “Notebooks” by I. Ilf 171
- Aleksandrov A. S.**
Saint Petersburg, Russia
- Anniversary article in the literary critical practice
of A. A. Izmailov..... 178

Internet Genres

- Shchipitsina L. Yu.,
Kaziaba V. V.**
Arkhangelsk, Russia
- Media format vs. genre in social media..... 185
- Drevoten E. A.**
Saratov, Russia
- Precedent phenomena in online blog posts..... 196

Reviews. Chronicle

- Bochkareva T. A.,
Koshcheeva O. V.,
Kryuchkov V. P.**
Saratov, Russia
- Speech genres, genres of scientific life:
Conference in memory of professor K. F. Sedov..... 204

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 110–117

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 110–117

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-110-117>, EDN: EVOLUL

Научная статья

УДК [811.161.1+811.111]’253’42

Жанровый аспект реализации языковой личности синхронного переводчика

Е. Э. Уланова, В. В. Катермина✉

Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Уланова Екатерина Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, katermina_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Аннотация. В статье рассматривается проблема жанра в переводе. Гипотезой исследования послужила идея о возникновении жанровых смещений в момент осуществления синхронного перевода, относящегося к жанру телевизионного интервью. Авторы рассуждают о способах выражения речевого жанра в синхронном переводе. В соответствии с функционально-лингвистическим подходом к анализу речевого жанра, авторы рассматривают способы вербального регулирования перевода жанра языковой личностью синхронного переводчика. Исследователи структурно описывают материал, методы и результаты проведенного анализа. Цель исследования включает в себя лингвистический анализ жанровых смещений, способы их преодоления и описание речевых средств реализации жанра языковой личностью синхронного переводчика. Авторы аргументированно обосновывают логику выбора исследуемого жанра, перечисляют характерные особенности жанра телевизионного интервью портретного типа. Используя методику сравнительно-сопоставительного анализа речевой «проекции» жанра, лингво-когнитивный анализ стилистических параметров текстов переводов, авторы изучают способы сохранения жанра в синхронном переводе. С позиции лингвистического анализа рассматриваются переводческие решения (трансформации) на лексико-семантическом и грамматическом уровнях; способы выражения жанра путём использования фоновых знаний и экстралингвистического контекста; способы перевода жанровых конвенций (ключевых жанровых условий). Анализируется переводческая ошибка как способ реализации жанрового аспекта. На основании выполненных синхронных переводов приводятся отличительные особенности англоязычного и русскоязычного жанра телевизионного интервью. Результаты исследования демонстрируют перспективу дальнейших исследований жанра с учётом анализа проявлений сознательного и бессознательного сохранения/нарушения жанра в устном переводе.

Ключевые слова: жанр, синхронный перевод, языковая личность переводчика, жанровое смещение, жанровая компетенция

Для цитирования: Уланова Е. Э., Катермина В. В. Жанровый аспект реализации языковой личности синхронного переводчика // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-110-117>, EDN: EVOLUL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre aspect of a language personality of an interpreter

E. E. Ulanova, V. V. Katermina✉

Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia

Ekaterina E. Ulanova, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Veronika V. Katermina, katermina_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Abstract. The article deals with the problem of genre in translation studies. The hypothesis of the study is the idea of the genre shifts emerging at the moment of interpreting within the genre of a TV interview. The authors discuss the ways of interpreting the genre. In accordance with the functional-linguistic approach to the analysis of speech genre, the authors consider the ways in which the linguistic personality of the interpreter verbally regulates the translation of the genre. The authors structurally describe the material, methods and results of the study. The aim of the study includes the linguistic analysis of genre shifts, ways of overcoming them and description of speech means of realization of a genre by the linguistic personality of a conference interpreter. The authors substantiate the logic of choosing the genre type, list the characteristic features of the genre of the television interview of portrait type. The researchers use the method of comparative analysis of the genre' "projection" and linguocognitive analysis of the stylistic parameters of the scripts of interpretation and consider the ways of genre preservation in interpreting realized by conference interpreters. The linguistic analysis hereby considers translation solutions (transformations) at the lexico-semantic and grammatical levels; ways of expressing the genre through the use of background knowledge and extra-linguistic context; ways of translating genre conventions (the key condition of a genre). They analyse translation mistakes as a way of a genre expression. The distinctive features of the English- and Russian-language genre of the TV interview are listed on the grounds of the performed simultaneous translations. The results of the study demonstrate the future prospects of genre research, including the analysis of the of conscious and unconscious genre preservation/breakage in interpreting.

Keywords: genre, conference interpreting, genre shift, interpreter's language personality, genre competence

For citation: Ulanova E. E., Katermina V. V. Genre aspect of a language personality of an interpreter. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-110-117>, EDN: EVOLUL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема жанра и жанрового своеобразия как в устном, так и в письменном переводе остается актуальной и до конца не решенной. Исторически её изучение соприкасается с вопросами художественного перевода, перевода сакральных текстов, сопоставительным литературоведением и межкультурными исследованиями.

Переводческие подходы к исследованию жанра стали возникать по мере развития функционально-лингвистического направления в лингвистике и осознанием того, что «язык не может быть отделен от ситуативного и культурного контекста» [1: 149]. Наиболее значительными теоретическими работами по проблематике жанра в переводе стали труды К. Райс, скопос-теория Г. Фермеера, работы К. Норд, нарратологическая концепция перевода М. Бейкер, теория речевой вариативности М. А. К. Хэллидея и Д. Мартина.

Отталкиваясь от основ функциональной лингвистики, мы предположили существование жанровых смещений (вариаций) в пределах устного переводного текста, относящегося к конкретному жанру. Данная гипотеза была выдвинута нами с учётом комплексного изучения языковой личности (далее – ЯЛ) синхронного переводчика в ситуации синхронного перевода интервью жанра массмедиа [2].

Актуальность данного исследования обусловлена активным развитием жанроведения, уточнением терминологического аппарата речеганрового исследования речи,

методологическими идеями развития профессиональных компетенций в работе устных переводчиков на предмет использования переводческих трансформаций, обусловленных требованиями жанра.

Цель нашего исследования заключается в анализе и лингвистическом описании некоторых речевых средств реализации жанрового аспекта в синхронном переводе телевизионного интервью.

Сама природа спонтанной устной речи говорящего оратора определяет характер синтактики речевого жанра (далее – РЖ). Следовательно, задача переводчика сводится не только к корректной интерпретации эксплицитных высказываний, отношений между отдельными высказываниями, но и к способности интерпретировать глубинное содержание высказываний, отношения между говорящими, т. е. осуществлять перевод с учётом картины мира языка источника (далее – ЯИ) субъектов разговора на языке перевода (далее – ЯП).

Опираясь на идеи М. М. Бахтина о готовых формах речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [3: 181], мы намереваемся изучить способы выражения РЖ в синхронном переводе при контрастном анализе РЖ на ЯИ и ЯП.

Типичными способами выражения для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) [3: 181], концепция адресата и «адресанта» [4: 305].

При анализе жанрового аспекта ЯЛ переводчика считаем важным рассматривать её с позиции социально-диалогической природы РЖ, т. е. коммуникативной природы (функции) исследуемого жанра и языковых средств выражений. Г. И. Богин справедливо полагал, что модель ЯЛ служит основанием для построения не только типологии понимания текстов, но и типологии самих текстов по критерию их приспособленности к разным типам понимания [5]. По его мнению, в конце XX века увеличивается доля художественных и научных текстов, в оптимальном освоении содержательности которых собственно понимание, основанное на рационально протекающих рефлексивных техниках, играет значительную роль, часто не уступающую роли нерелексивного смыслового восприятия. Это ставит перед переводчиком задачу учиться рефлексии с целью достижения надёжной готовности правильно, глубоко и всесторонне понимать текст [5].

С точки зрения лингвистических особенностей ЯЛ синхронного переводчика в ситуации перевода, важным представляется изучение разножанровых фактур речи. Мотивом для исследования жанрового аспекта ЯЛ синхронного переводчика в жанре телевизионного интервью послужило особое разнообразие текста данного жанра: сочетание публицистического и разговорного стилей, эллипсис, модальность, синтаксические и лексические повторы. «Вопросы и ответы часто составляют единое смысловое, а иногда – и синтаксическое целое, и переводчику приходится держать в памяти содержание и структуру предшествующей реплики» [6: 104], что существенно усложняет процесс синхронного перевода. Исследуемый жанр телевизионного интервью интересен для изучения ввиду его гибридности и особой подвижности жанровых границ.

Материалом настоящего исследования послужили видеозаписи синхронных переводов телевизионных интервью (М. Этвуд и Дж. Мартин), выполненных четырьмя профессиональными синхронными переводчиками (два синхронных переводчика осуществляли перевод своего интервью) в рамках участия в конкурсе CosinesPi 2020 г. Синхронные переводчики, носители русского языка, осуществляли синхронный перевод с английского языка на русский язык.

Главная теоретическая сложность при определении методологии и обработки конкретного практического материала – выделение релевантных параметров исследования [7].

Основные методы исследования жанрово-релевантных параметров включают

сравнительно-сопоставительный анализ речевой «проекции» жанра, анализ речевых актов, лингвокогнитивный анализ стилистических параметров, предполагающий прагматическую интерпретацию языковых средств, метод лингвистического наблюдения, определяющий семантическое значение (декодирование) средств вербальной коммуникации, а также анализ коммуникативных смыслов, фактор адресата, целей и установок ЯЛ синхронного переводчика.

Практическая значимость исследования даёт возможность более глубокого понимания процессов, происходящих в сознании синхронного переводчика в момент перевода, что способствует совершенствованию методологической базы комплексного анализа языковой личности устного переводчика. Представленный в данной статье опыт анализа способов реализации жанра ЯЛ синхронного переводчика может получить широкое применение в последующих лингвистических исследованиях.

Основная часть исследования

Частью концепции профессиональной языковой личности переводчика нам представляется способность мастерски владеть разными функциональными разновидностями языка, а также интегрировать жанровую принадлежность оригинального текста, обосновывая переводческие решения на всех уровнях текста перевода.

Мы предполагали найти жанровые смещения (термин Б. Хейтима и Я. Мейсона) и изучить способы перевода жанра в целом, путем анализа применения синхронными переводчиками переводческих трансформаций, которые обеспечивают успешную речевую интеракцию при взаимном достижении целей коммуникативной ситуации или, напротив, видоизменяют способы реализации жанра и, в конечном счете, жанровый статус переводного текста.

В структурном отношении жанр представляет собой бесконечное количество потенциально возможных текстов, обусловленных социокультурным контекстом [8].

Исследуемый жанр телевизионного интервью можно отнести к портретному типу интервью на следующих основаниях: диалогичность высказываний; вопросно-ответный стиль повествования; центральный объект интервью – человек, его личностные качества, взгляды на жизнь; оценочная лексика при выражении собственного мнения собеседника-интервьюера; языковые средства выразительности; исторические факты биографии объекта интервью; публичный характер разговора.

Регистровые характеристики текста оригинала соответствуют плану выражения жанра телевизионного интервью: самопредставление и представление собеседника с перечислением наиболее значительных его/её достижений (*My name's Grace Deen, and last week I was lucky enough to meet the great man himself*); эмоционально-окрашенная лексика (*the great man himself; the only man alive; incredibly gripping; great prose writer; lucky enough and etc.*), превосходная степень прилагательных (*best known; most famous*), выраженная диалогичность по отношению к массовой аудитории (*today, it's a global TV phenomenon, and we're all playing the game now. But whose side are you on?*).

Предметом нашего внимания в анализе телевизионных интервью Дж. Мартина и М. Этвуд являются способы вербального регулирования жанровых смещений и реализации жанра в синхронном переводе.

Очевидно, что перевод всегда индивидуально обусловлен и зависит от личности, знаний, герменевтического понимания идеи самим переводчиком. Следовательно, перевод жанра должен реализовываться на уровне эквивалентности жанра языка оригинала. С другой стороны, каждая ЯЛ владеет индивидуальным пониманием жанровых конвенций и личным набором фатических конструкций, свойственных жанру. Вслед за В. В. Дементьевым, под фатическими речевыми жанрами мы понимаем «высказывания, интерпретация которых не задана правилами языка, но более или менее осознанно регулируется говорящим, будучи осуществляема в рамках соответствующего речевого (коммуникативно-го) жанра с нежёсткой композицией» [7: 195].

В анализируемом нами практическом материале встречаются следующие типы фатических речевых жанров: похвала, комплименты, светская беседа, разговор по душам, иронические высказывания.

По мнению Дж. Хаус, «эквивалентность на уровне жанра является обязательным условием перевода независимо от типа перевода» [9: 151].

На вербально-семантическом уровне имеется ряд переводческих решений, выражающих способы реализации жанра в синхронном переводе:

(1) *Оригинал: As the only man alive who knows how to play the Game of Thrones and win...*

Перевод-1: ¹Единственный человек, который действительно знает, как выиграть в Игре...

Перевод-2: Единственный живой человек, который знает, как играть в Игру Престолов...

В примере (1) опущение однородного сказуемого (*win*) влияет на реализацию эмоционально-стилистической функции, уменьшая коммуникативный эффект. Тем не менее, подобное переводческое решение не является жанровым смещением, так как не ведет к деформации жанровой структуры.

(2) *Оригинал: George R. R. Martin is the best-selling author in the English language right now.*

Перевод-1: Джордж Мартин сейчас – это самый популярный писатель, который пишет книги на английском языке.

Перевод-2: Сегодня Джордж Мартин самый успешный писатель, который пишет на английском языке.

Пример (2) иллюстрирует вербально-семантическую вариацию концепта «успешный писатель», выраженную в оригинальном тексте на английском языке как “best-selling” (см. определение из словаря www.dictionary.cambridge.org “best-selling – extremely popular and that has sold in very large numbers” – наиболее продаваемый – очень популярный писатель, чьи произведения продаются большими тиражами) [10]. Оба переводчика обоснованно используют лексическую замену для оптимального отражения содержания концепта «успешность» в языке перевода с учётом адекватного перевода коммуникативной цели.

Как справедливо замечает в своей докторской диссертации А. Б. Бушев, устными переводчиками разграничиваются факторы, определяющие выбор варианта перевода, и причины использования определённых переводческих стратегий и трансформаций [11]. Во-первых, важно учитывать объективные различия между системами ЯИ и ЯП, смыслы передаваемого сообщения с учетом коммуникативной цели, возможности восприятия аудитории (индивидуальные особенности, мировоззрение, мировосприятие). Во-вторых, использование переводческих трансформаций зависит от фоновых знаний самого переводчика и экстралингвистического контекста. Рассмотрим пример переводческой трансформации, регулируемой фоновыми знаниями и экстралингвистическим контекстом:

(3) *Оригинал: ... the most famous of which is epic story of Ice and Fire series better known these days as Game of Thrones.*

Перевод-1: ... самой известной книгой является песнь Льда и Пламени, которая сейчас известна нам как Игра Престолов.

¹Здесь и далее в переводе-1 и переводе-2 приведены оригинальные скрипты видеофайлов с учётом лексических повторов, грамматических нарушений, самоисправлений и оговорок синхронных переводчиков.

Перевод-2: сегодня наиболее известное творение Джорджа Мартина – это **песнь Льда и Пламени**, лучше известная по всему миру как *Игра Престолов*.

Оба переводчика использовали стратегию адаптации путём лексической замены для перевода оригинального названия цикла романов “story of Ice and Fire series”, известного российской аудитории как «Песнь Льда и Пламени». Подобная адаптация напрямую зависит от фоновых знаний переводчика, которому было заранее неизвестно о теме и жанре оригинального видеофрагмента и, разумеется, об участнике интервью, так как важнейшим условием конкурса для переводчиков, который послужил источником практического материала, является неопределённость тематики перевода до непосредственного начала записи оригинального текста. Более того, экстралингвистический контекст ситуации устного перевода позволяет реализовать переводческие решения, которые не всегда могут отвечать требованиям эквивалентности. В свою очередь, именно жанр интервью, будучи регулируемым, но заранее неподготовленным процессом, ярко отражает переводческие решения и проявления ЯЛ синхронного переводчика [12].

Причиной переводческой ошибки в переводе-2 является частотный случай возникновения интерференции по грамматическому признаку, который часто встречается при выполнении синхронных переводов. В данном примере (3) очевидно нарушение функции сравнительной степени прилагательного «лучше». Рассматриваемый жанр отличается большей степенью неожиданности как для участников беседы, так и для переводчиков, поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает в разы. Согласимся с Н. В. Хорошевой и А. Д. Банниковой, которые в своем практическом исследовании синхронного перевода замечают, что корректный перевод вопросов журналистов является определяющим фактором хода беседы, потому что ошибки на этом уровне могут «изменить всю логику хода встречи» [13: 62]. Профессиональная «способность к прогнозированию, вычленению прагматической составляющей, активизации фоновых знаний» являются основным вызовом для синхронного переводчика [14: 206–207].

(4) *Оригинал: My name's Grace Deen, and last week I was lucky enough to meet the great man himself and get an exclusive insight into what makes him tick.*

Перевод-1: Меня зовут Грейс и на прошлой неделе я встретила с этим потрясающим писателем и взяла у него интервью,

в котором он **рассказал мне о своих произведениях**.

Перевод-2: Меня зовут Грейс Дин и недавно я пообщалась с самим Джорджем Мартином, **чтобы узнать, что его вдохновляет**.

При анализе перевода примера (4) можно заметить перенос жанровых конвенций из оригинального текста в текст перевода. Говоря о жанровых конвенциях, мы понимаем ключевые жанровые условия, набор присущих жанру интенций и последовательность их реализации. Так, жанровая конвенция «самопредставление журналиста» (*My name's Grace Deen*), личностная оценка события (*I was lucky enough to meet*) и краткий обзор предстоящего коммуникативного события (*and get an exclusive insight into what makes him tick*) реализуются в речи синхронных переводчиков № 1 и № 2. Тем не менее, оба синхрониста при переводе опустили личностную ремарку журналиста (*I was lucky enough*), что, на наш взгляд, является жанровым смещением, так как характерной особенностью жанра телевизионного интервью в западной традиции масс-медиа выступает яркая демонстрация эмоционально-оценочного, личного мнения журналиста. В тексте перевода характерная демонстрация эмоционально-оценочного мнения отсутствует.

Пример вариантов перевода телевизионного интервью М. Этвуд (пример (5)) интересен с позиции нормы выражения жанра.

(5) *Оригинал: But I was in high school and and I just didn't really know what it would involve. I knew that I would have to have another means of support. I didn't expect to somehow burst into bestseller. Damn right away.*

Перевод-1: я действительно училась в старших классах, и я не совсем понимала какие какие будут последствия, и я не понимала не понимала, что мне понадобится еще какая-то... Я думала, что мне понадобится еще какая-то деятельность я не ожидала что мои книги станут бестселлером.

Перевод-2: Я училась в школе в старшей школе, и я еще не знала, что стоит за карьерой писательской писателя. Я думала, что я сразу напишу бестселлер.

Переводческое решение (см. пример (5)) обоих синхронистов опустить ненормативное идиоматическое выражение (*damn right away*) обусловлено личной «жанровой компетенцией» ЯЛ, т. е. сознательным решением избежать перевода ненормативного выражения с целью соответствия жанровой формы высказывания цели речевой коммуникации в языке перевода.

Термин «жанровая компетенция» определяется в общем смысле как «способность языковой личности сознательно прогнозировать

жанровую организацию речи, понимать и порождать тексты ... в зависимости от ситуации общения» [15: 8]. Мы склонны рассматривать жанровую компетенцию как одну из базовых профессиональных компетенций ЯЛ профессионального переводчика, определяющую глубину когнитивной осознанности переводчика в момент формирования жанрово-стилевого содержания и речевого выражения.

В этом отношении лингвистический интерес представляет следующий пример (6) как вариант проявления «жанровой компетенции» ЯЛ синхронного переводчика.

(6) *Оригинал: М. Этвуд: My parents, of course, didn't weren't in favor of this plan at all. They wanted me to be a scientist.*

Журналист: Which they were. Your mother was a nutritionist. Your father was an entomologist. And your brothers were were scientists.

М. Этвуд: There's only one of them. But he would be pleased to be plural.

Журналист: Pardon me for that.

Перевод-1: сначала мои мои родители, конечно, были не в восторге от того, что что я сделала, потому что мои родители были учеными./И ваши родители и ваш брат они все были все были учеными.

Перевод-2: конечно, мои родители не хотели поддерживать меня. Мои родители хотели, чтобы я стала ученым./Да я знаю ваша мама занимается биологией. Ваш отец, ваш двоюродный брат тоже занимается наукой.

В примере (6) один из говорящих во время интервью с М. Этвуд допускает фактическую ошибку. Журналист комментирует ответ оратора (*Your mother was a nutritionist. Your father was an entomologist. And your brothers were were scientists*), говоря о единственном брате гостя во множественном числе. Далее следует реплика М. Этвуд, в которой она иронично поправляет журналиста (*There's only one of them. But he would be pleased to be plural*). Как можно заметить, происходит смена коммуникативных отношений: от линейного интервью, разворачивающегося по сценарию, к иронии гостя, извинению журналиста за допущенную ошибку. Интересно, что оба синхрониста осознанно исключают из перевода высказывания, выходящие за рамки жанровой конвенции и подтвержденные базовыми интенциями говорящего. Данное переводческое решение определяет персональную жанровую компетенцию ЯЛ и ограничивает жанровое смещение, связанное со способом реализации жанра. Напротив, полная эквивалентность оригинала и перевода на уровне языковых средств, не мотивированная конвенцией жанра языка перевода, привела бы к отклонению

от цели коммуникации и, следовательно, к деформации жанра.

В ходе анализа фактического материала на языке оригинала определены характерные особенности жанра телевизионного интервью для западных СМИ:

- 1) наличие числовой лексики и прецедентной информации;
- 2) фактическая информация;
- 3) диалогическое единство (последовательная смена реплик);
- 4) монологичность высказываний основного гостя;
- 5) эмоционально-оценочное личное мнение модератора интервью (возможна вульгарная лексика);
- 6) самопредставление журналиста;
- 7) краткий обзор предстоящего коммуникативного события;
- 8) ироничные высказывания.

Для отечественного жанра телевизионного интервью можно определить схожие жанровые особенности. Тем не менее, исходя из анализа переводов, выполненных русскоязычными синхронными переводчиками, мы определили отличительные жанровые особенности телевизионного интервью, которые были учтены при переводе с учётом личной жанровой компетенции:

- 1) отсутствие вульгарной лексики;
- 2) опущение косвенных речевых жанров (спора/уточнений/пояснений), не имеющих прямого отношения к основному событию (отклоняющихся от жанровой конвенции);
- 3) опущение эмоционально-оценочного личного мнения модератора интервью.

Подобные наблюдения позволяют сделать вывод, что именно категория жанра объясняет выбор переводческого решения в соответствии с коммуникативной функцией и требованиями жанровой конвенции.

Заключение

Результаты исследования отражают объективно существующую тенденцию к сознательному/бессознательному использованию переводческих стратегий при сохранении жанра в условиях синхронного перевода. На основе анализа синхронных переводов, выполненных с английского языка на русский язык, можно определить речевой механизм реализации жанрового аспекта ЯЛ: переводческие трансформации на различных уровнях текста перевода; стратегии адаптации текста перевода; опущения нерелевантных жанру единиц; лексические замены; переводческие добавления. Безусловно, жанр телевизионного интервью западных СМИ отличается некоторыми

девиантными формами, в частности, наличием фактических ошибок в речи модератора интервью, наличием лексики со сниженным регистром. В подобной ситуации синхронный переводчик сталкивается с проблемами сохранения жанровой эквивалентности и адаптации текста перевода под жанровые конвенции русскоязычной аудитории.

Данные, полученные в результате анализа, дают убедительные основания также учитывать жанровую компетенцию как один из компонентов ЯЛ при оценке качества переводов на предмет жанровой эквивалентности.

Условия оценки проявлений ЯЛ синхронного переводчика могут быть признаны объ-

ективными, поскольку эмпирический материал представлял собой нефиксированный, неизвестный заранее материал, позволяющий провести оценку объективного уровня жанровой осведомленности синхронного переводчика.

Перспективой подобного исследования считаем дальнейшее развитие функционально-лингвистического подхода к анализу сознательного/бессознательного проявления ЯЛ с точки зрения сохранения или нарушения жанровой структуры, проведения масштабного исследования, охватывающего языковые и ситуационные аспекты функционирования жанра и особенности устного перевода жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Saldanha G. P. Linguistic approaches // *Encyclopedia of Translation Studies* / eds. M. Baker, G. Saldanka. London ; New York : Routledge, 2009. P. 148–152.
2. Уланова Е. Э. Исследование языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022. Т. 9, № 1. С. 159–166. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.20>
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5 : Работы 1940–1960-х гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с. (Сер. : Из истории советской эстетики и теории искусства).
5. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 354 с.
6. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
7. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. (Коммуникативные стратегии культуры). М. : Знак, 2010. 600 с.
8. Halliday M. A. K., Hasan R. Language, context and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 1989. 467 p.
9. House J. Translation quality assessment. Past and present. London ; New York : Routledge, 2015. 170 p.
10. Электронный словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/best-selling> (дата обращения: 11.03.2024).
11. Бушев А. В. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 368 с.
12. Мажура А. В., Тимофеева Е. Д. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве // *Наука и школа*. 2019. № 3. С. 47–53.
13. Хорошева Н. В., Банникова А. Д. Проблема переводческой ошибки в ситуации синхронного перевода выступлений политических лидеров // *Евразийский гуманитарный журнал*. Научный журнал. 2020. № 2. С. 61–69.
14. Barik H. C. A description of various types of omissions, additions and errors of translation encountered in simultaneous interpretation // *Meta: Translators' Journal*.

1971. Vol. 16, № 4. P. 199–210. <https://doi.org/10.7202/001972ar>

15. Сотова И. А. Жанрово-ориентированный подход, жанровая грамотность и жанровая компетентность как категории лингводидактики // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. № 4. P. 427–446. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2017-14-4-427-446>

REFERENCES

1. Saldanha G. P. Linguistic approaches. In: Baker M., Saldanka G., eds. *Encyclopedia of Translation Studies*. London, New York, Routledge, 2009, pp. 148–152.
2. Ulanova E. E. Study of language personality of a conference interpreter in a moment of interpretation. *Humanities and Law Research*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 159–166 (in Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.20>
3. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sbornik sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960-kh gg.* [Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 5 : Works 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206 (in Russian).
4. Bakhtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva. Serija: Iz istorii sovetskoj jestetiki i teorii iskusstva* [Aesthetics of verbal creativity]. Series: From the History of Soviet Aesthetics and Theory of Art. Moscow, Iskusstvo, 1979. 424 p. (in Russian).
5. Bogin G. I. *Model of Linguistic Personality in its Relation to Varieties of Texts*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Leningrad, 1984. 354 p. (in Russian).
6. Alekseeva I. S. *Professional'noe obuchenie perevodchika: uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej* [Professional training of a translator: Training manual on interpreting and translation for translators and teachers]. Saint Petersburg, Soyuz, 2001. 288 p. (in Russian).
7. Demyetev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov (Kommunikativnye strategii kul'tury)* [Theory of Speech Genres (Communicative strategies of culture)]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).
8. Halliday M. A. K., Hasan R. *Language, context and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1989. 467 p.
9. House J. *Translation quality assessment. Past and present*. London, New York, Routledge, 2015. 170 p.

10. *Cambridge Online Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/best-selling> (accessed March 11, 2024).

11. Bushev A. V. *Russian Linguistic Personality of a Professional Translator*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2010. 368 p. (in Russian).

12. Mazhura A. V., Timofeeva E. D. To the question of the genre classification of interviews in journalistic creativity. *Science and School*, 2019, no. 3, pp. 47–53. (in Russian).

13. Khorosheva N. V., Bannikova A. D. Problem of translation error in the process of simultaneous interpre-

tation of speeches political. *Eurasian Humanities Journal. Scientific Journal*, 2020, no. 2, pp. 61–69 (in Russian).

14. Barik H. C. A description of various types of omissions, additions and errors of translation encountered in simultaneous interpretation. *Meta: Translators' Journal*, 1971, vol. 16, no. 4, pp. 199–210. <https://doi.org/10.7202/001972ar>

15. Sotova I. A. Genre-oriented approach, genre awareness and genre competence as categories of linguistic didactics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 427–446 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2017-14-4-427-446>

Поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 13.05.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 13.05.2024; published online 30.05.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 118–127

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 118–127

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-118-127>, EDN: EWEKES

Научная статья

УДК [342.849.2(73):811.111(73)'42][2023/2024]

**«Риторика насилия» и политическая корректность в жанре
политических дебатов в американском электоральном дискурсе**

О. А. Леонтович

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград,
пр. им. В. И. Ленина, д. 27

²Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 117485, г. Москва, ул. Академика
Волгина, д. 6

Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, ¹профессор кафедры
межкультурной коммуникации и перевода; ²главный научный сотрудник лаборатории
филологических исследований департамента научной деятельности, olgaleo@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Аннотация. Статья посвящена «риторике насилия» (*violent rhetoric*) как виду ораторской практики, используемому в жанре политических дебатов, и написана на материале электоральной кампании США 2024 г. Данные отбирались из речей американских политиков, их высказываний в СМИ и твиттере, российских и зарубежных публикаций и новостных передач в период с января 2023 г. по август 2024 г. В качестве основных методов исследования выступали риторический анализ и критический дискурс-анализ, в качестве вспомогательных – семиотический и контекстуальный анализ. Рассмотрены особенности американской президентской риторики: простота речи, размытость семантики ключевых понятий, наличие малого количества фактической информации, высокая степень пафосности и агрессивности, использование незамысловатого юмора. Выявлены основные характеристики «риторики насилия», а именно использование конфронтационных стратегий, яростные нападки на противников, метафорика войны и агрессии. При этом показано, что в центре внимания находятся проблемы политической корректности, которые непосредственно связаны с основными противоречиями между демократами и республиканцами. «Риторика насилия» создает социальную напряженность, ведет к радикализации политических взглядов и создает опасность реального физического насилия.

Ключевые слова: жанр предвыборных политических дебатов, «риторика насилия», политическая корректность, американский электоральный дискурс, конфронтационные стратегии, метафорика войны и агрессии, словесные угрозы

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00238), <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>.

Для цитирования: Леонтович О. А. «Риторика насилия» и политическая корректность в жанре политических дебатов в американском электоральном дискурсе // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 118–127. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-118-127>, EDN: EWEKES

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**“Violent rhetoric” and political correctness in the genre of electoral political
debates in American electoral discourse**

O. A. Leontovich

¹Volgograd State Pedagogical University, 27 V. I. Lenin Ave., Volgograd 400005, Russia

²Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

Olga A. Leontovich, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Abstract. The article is devoted to “violent rhetoric” as a type of oratory practice used in the genre of political debates and is based on the material from the 2024 U. S. electoral campaign. The data were collected from speeches of American politicians, their statements in the media and on Twitter, as well as from Russian and foreign publications and TV news broadcasts from January 2023 to August 2024. The research methods include rhetorical analysis, critical discourse analysis, semiotic and contextual analyses. The article examines the characteristics of American presidential rhetoric, such as simplicity of speech, semantic vagueness of key concepts, a small amount of factual information, a high degree of pathos and aggressiveness, and the use of simplistic humor. The main features of “violent rhetoric” identified in the course of the research are the use of confrontational strategies, fierce attacks on opponents, as well as war and aggression metaphors. The study also shows that the central focus is on issues of political correctness, which are directly related to the main contradictions between Democrats and Republicans. “Violent rhetoric” creates social tension, leads to the radicalization of political views, and poses the risk of real physical violence.

Keywords: genre of electoral political debates, “violent rhetoric”, political correctness, American electoral discourse, confrontational strategies, war and aggression metaphors, verbal threats

Acknowledgments. The work was funded by Russian Science Foundation (project No. 23-18-00238), <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>.

For citation: Leontovich O. A. “Violent rhetoric” and political correctness in the genre of electoral political debates in American electoral discourse. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 118–127 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-118-127>, EDN: EWEKES

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Высокий градус американской политической риторики, отсутствие ограничений на употребление инвективной лексики и агрессивных высказываний в адрес оппонентов всегда обращали на себя внимание исследователей и в свое время резко контрастировали с характером политических дискуссий в странах с более жесткой цензурой, например, в СССР. В настоящее время американский коммуникативный стиль, стратегии и тактики оказывают значительное влияние на политическую риторику других государств. Данная статья написана на материале политических дискуссий в ходе электоральной кампании США 2024 г. и посвящена «риторике насилия» (*violent rhetoric*), которую мы определяем как вид ораторской практики, характеризующийся использованием эмоциональных языковых средств и содержащий угрозы либо призывающий к насилию. При этом мы показываем, что в центре внимания находятся проблемы политической корректности (ПК), которые непосредственно связаны с основными противоречиями между демократами и республиканцами. Нам не известны лингвистические работы, специально посвященные данному виду риторики, что обуславливает актуальность исследования.

Материал и методы

Материал исследования включает 29 речей американских политиков, их высказывания в СМИ и твиттере, ежедневные публикации в изданиях «Лента», *BBC*, *CNN*, *Guardian*,

Bloomberg, *Reuters*, ежедневные новостные передачи как российских (*ОРТ*, *Первый канал*), так и зарубежных (*BBC*, *CNN*, *Fox News*, *Europenews*) телеканалов в период с января 2023 г. по август 2024 г. Критерий выбора – наличие агрессивных высказываний на политические темы, прямо или косвенно относящихся к американской электоральной кампании 2024 г.

В качестве основных методов исследования выступали риторический анализ и критический дискурс-анализ, в качестве вспомогательных – семиотический и контекстуальный анализ. Критический дискурс-анализ проводился по следующим параметрам: 1) участника общения (адресант, адресат); 2) прагматический контекст (речевой контекст, или ко-текст, экзистенциальный, ситуационный, акциональный и психологический контекст); 3) форма коммуникации (виды коммуникативной деятельности, тема дискурса, регистр, тональность, стиль, использование языковых средств, пресуппозиции, интертекстуальность); 4) социально-интерактивная составляющая (характер взаимосвязи высказываний в дискурсе, мена коммуникативных ролей, типы коммуникативного обмена, коммуникативная инициатива, коммуникативные стратегии); 5) эмоциональная составляющая (подробнее см. [1]).

Задачи статьи: 1) проанализировать «риторику насилия» (*violent rhetoric*) как вид ораторской практики, используемой в жанре политических дебатов, ее историю и основные дискурсивные характеристики; 2) выявить связь между «риторикой насилия» и политической корректностью; 3) исследовать языковые

особенности данного вида ораторской практики и его влияние на население.

Результаты и их обсуждение

«Риторика насилия»: определение и история понятия

Проблемы политической риторики с давних пор привлекают внимание исследователей. Назовем лишь некоторые работы, например, кембриджскую антологию *Political Rhetoric in Theory and Practice* [2], включающую наиболее значительные публикации по риторике со времен Аристотеля до наших дней, а также труды, посвященные различным проблемам внутри данной темы, таким как политическое лидерство [3, 4], электоральный дискурс [5], связь риторики с внешней политикой [6], политическая корректность [7, 8]. Также обращают на себя внимание многочисленные попытки составить речевые портреты американских президентов Д. Трампа [9–12] и Дж. Байдена [13–15].

В настоящей статье обсуждается специфический вид ораторской практики, используемой в политическом дискурсе, — «риторика насилия». Сразу отметим, что понятие *violent rhetoric* неточно передается соответствующим русским термином. В английском языке слово *violence* определяется как «*extremely forceful actions that are intended to hurt people or are likely to cause damage*» (Cambridge Advanced Learner's Dictionary). Это может быть как физическое, так и психологическое воздействие: 1. *violent behavior that is intended to hurt or kill someone* 2. *physical or emotional force and energy* (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Традиционно слово *violence* переводится на русский язык как *насилие*, в свою очередь определяемое как: 1. *Применение физической силы к кому-н.* 2. *Принудительное воздействие на кого-н., нарушение личной неприкосновенности.* 3. *Притеснение, беззаконие (книжн.)* (Толковый словарь Ожегова и Шведовой).

При общем сходстве денотативного содержания прилагательные *violent* и *насильственный* имеют коннотативные различия. В русском языке синонимический ряд к слову *насильственный* включает прилагательные *силовой, принудительный, карательный, репрессивный* и т. д. *Violent*, в свою очередь, предполагает более высокую степень эмоциональности: *emotionally agitated to the point of using harmful physical force* (Merriam-Webster) и синонимично таким лексемам, как: *fierce, wild, hot-tempered, vehement, raging, ferocious, blood-thirsty* (жестокий, неистовый, яростный, свирепый, кровожадный и т. д.). Это слово также чаще, чем в русском языке, употребляется

по отношению к коммуникативным действиям: *violent outburst/ conflict/ dispute/ reaction/ confrontation*.

Термин *violent rhetoric* широко используется в американской политике, пропаганде, СМИ, социальных сетях. В качестве характерных признаков этой ораторской практики называют подстрекательство к агрессивным действиям, оправдание и прославление насильственных действий, дегуманизацию и враждебные высказывания в адрес оппонентов. Рассмотрим его языковые особенности и специфику реализации в политическом дискурсе, в частности электоральном.

Место «риторики насилия» в жанре предвыборных политических дебатов

При рассмотрении жанра политических дебатов мы опирались на общие труды по жанроведению [16, 17], а также на исследования, посвященные жанровому своеобразие политического дискурса [18, 19 и др.]. Е. И. Шейгал относит предвыборные дебаты к агональным жанрам, цель которых — управление человеческим поведением [20]. «Риторика насилия» подталкивает слушателей к агрессивным действиям против политических противников.

Агрессивный политический дискурс и «язык ненависти» неоднократно становились объектом научного анализа. В настоящее время ученые проявляют особый интерес к этой теме [21, 22], поскольку напористость и непримиримость становятся лицом современных политиков (см., например, [23, 24]).

Проблеме насилия в политическом контексте посвящены труды: [25–28]. После покушения на Д. Трампа 13 июля 2024 г. вопрос о влиянии «риторики насилия» на общую атмосферу американского общества встал особенно остро. Сторонники Трампа заявили, что в покушении виноват не столько тот, кто нажал курок, сколько политики и журналисты, которые писали о Трампе как угрозе демократии (Washington Post, 19.07.2024). Это событие заставило историков, политологов, журналистов обратиться к истории политических покушений и убийств в США (Politico, 14.07.2024).

К известным актам политического насилия последних лет также относят штурм Капитолия сторонниками Трампа в январе 2021 г., в результате которого погибло 5 человек и 140 получили ранения, а также нападение на мужа спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси (которая была целью преступника) в октябре 2022 г. (CNN, 14.07.2024).

Профессор Университета Дж. Вашингтона Дж. Тэрли утверждает: «Мы живем в эпоху ярости (*an age of rage*). Это не первый,

но, возможно, самый опасный период нашей истории». Он высказывает мнение, что покушение на Трампа неслучайно – это следствие современной политической риторики, ответственность за которую несут как демократы, так и республиканцы (The Hill, 13.07.2024).

В известном британском издании "The Telegraph" (02.02.2024) соперничество между Трампом и Байденом назвали «гроздьями гнева» (*grapes of wrath* – аллюзия к известному произведению Дж. Стейнбека). Американский политик Ч. Дент характеризует современное состояние американской политики как «жалкое» и «уродливое». «Одна сторона говорит, что выборы сфальсифицированы и у нас не будет страны, если мы не победим, – пишет он. – Другая утверждает, что демократия прекратит существование и страна скатится в фашистское авторитарное общество <...>. Обе стороны считают друг друга порочными и нелегитимными» (Time, 18.07.2024).

Особенности американской политической риторики

Рассмотрим особенности американской президентской риторики, которые служат предпосылками к возникновению и развитию «риторики насилия». В целом для речи американских политиков характерны простота речи, размытость семантики ключевых понятий, наличие малого количества фактической информации (цифр и конкретных данных), высокая степень пафосности и агрессивности. Простота речи (уровень 6–8-х классов средней школы) предполагает использование достаточно примитивной лексики (например, *begin* вместо *commence*, *end* вместо *terminate*), упрощенной грамматики, коротких предложений, а также риторических вопросов и многочисленных повторов.

Отсутствие четкой семантизации понятий *democracy*, *fascism*, *justice*, *prosperity*, *freedom* приводит к тому, что слушатели не особо вникают в их содержание, усваивая лишь то, что одни их них «хорошие», а другие «плохие». Приведем пример совершенно бессодержательного, полностью десемантизированного высказывания Камалы Харрис: *So, here's the thing. To your point, when it comes down to all of the things that are important about this, I think the most important thing – one of the things that I know brings us all out today and always is we love our country. (Applause)*¹.

При этом как демократы, так и республиканцы делают акцент на определенных понятиях, вкладывая в них разный смысл.

Например, те и другие подчеркивают, что они оплоты демократии, в то время как их противники являют собой угрозу для демократического устройства общества. Байден осудил нападение на демократию (*assault on democracy*) со стороны Трампа, утверждая, что свобода американцев зависит от исхода выборов. Трамп, со своей стороны, заявил: «Они говорят, что я угрожаю демократии <...>. На прошлой неделе я получил пулю за демократию. Что я сделал против демократии?».

Приемы повтора и параллелизма служат тому, что одни и те же фразы повторяются, как заклинания, застревают в головах слушателей и выступая как эффективное средство «промывки мозгов»:

Д. Трамп: *And together, we will make America powerful again. We will make America wealthy again. We will make America strong again. We will make America proud again. We will make America safe again. We will make America free again. And we will make America great again.*

По нашим наблюдениям, повторы особенно часто встречаются в речи **К. Харрис:** *And the beauty of our democracy – the beauty of our democracy: We each have the power to answer that question. We each have the power to answer that question.*

We're doing this! (Applause.) Oh! (Applause.) We're doing this. (Applause.) We're doing this. (Applause.)

This campaign, our campaign is not just a fight against Donald Trump. (Applause.) Our campaign, this campaign is a fight for the future. (Applause.) It's a fight for the future.

Для усиления воздействия политики часто применяют прилагательные в превосходной степени:

Д. Трамп: *the four greatest years in the history of our country; I have been the best president for the Black population since Abraham Lincoln; I'm the one that had the safest border in the history of our country.*

Дж. Байден: *the boldest housing plan in a generation; we're blessed to live in the greatest country on Earth; America is <...> the most powerful idea in the history of the world.*

К. Харрис: *the United States military is the greatest fighting force the world has ever seen; the oldest, greatest democracy in the world.*

Широко используется коннотативно насыщенная лексика, в частности для высказывания обильных комплиментов своим сторонникам и характеристики своей предвыборной программы:

¹Здесь и далее выдержки из речей президентов приводятся по транскриптам их выступлений, размещенным на сайтах: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/>, <https://www.rev.com/blog/transcripts>, а также на сайтах изданий CNN, ABC News, The New York Times, USA Today и т. д.

Д. Трамп: *tremendous / incredible / amazing people; we will have an incredible victory; a magnificent future for our people.*

Дж. Байден: *We are a nation of promise and possibilities, of dreamers and doers, of ordinary Americans doing extraordinary things.*

К. Харрис: *extraordinary leaders.*

Специфично также просодическое оформление речи – с использованием торжественных интонаций и драматических модуляций:

Д. Трамп: *Together we will fight, fight, fight, right! And we will win, win, win.*

Американцы привыкли к этой пафосной риторике и воспринимают ее как должное. Для установления контакта с аудиторией политики используют не слишком изысканный юмор. Так, Байден нередко высказывался по поводу прически Трампа: *Remember when he was trying to deal with COVID, and he said just inject a little bleach in your vein? He missed, it all went to his hair.*

Трамп также нередко шутит на эту тему: *It's my hair. May not be great, but I will say it's better than most of my friends' who are the same age.*

Однако основные (недобрые) шутки Трампа направлены против его политических соперников. Например, во время одного из выступлений он пародировал Байдена, изображая его как немощного старика, который не может найти выход со сцены после короткой речи.

СМИ много пишут о том, что во время встреч с избирателями Харрис много смеется, и объясняют это тем, что она пытается придать своей кампании оптимистическую тональность в противовес никогда не смеющемуся Трампу. Последний неоднократно саркастически комментировал ее смех: *Harris has the laugh of a lunatic. I call her Laughing Kamala. You ever watched her laugh? She's crazy.* В результате в сети появились многочисленные мемы смеющейся Харрис.

«Слова имеют значение»: дискурсивные характеристики «риторики насилия»

Мысль о том, что язык играет важную роль в «риторике насилия», не нова – именно он служит катализатором, побуждает, подталкивает к агрессии. Ниже рассматриваются ключевые особенности «риторики насилия» с точки зрения лингвистики и теории дискурса.

Конфронтационные стратегии. Для исследуемого вида ораторской практики характерно использование жестких конфронтационных стратегий, реализуемых с помощью тактик критики, обвинения, очернения, оскорбления, угрозы, провокации, сарказма, иронии и т. д. 6 января 2021 г. после победы Байдена на выборах Трамп использовал тактику угрозы, призывая своих сторонников собраться

у Капитолия и помешать утверждению голосов коллегии выборщиков. «Мы боремся из всех сил, и если вы не будете бороться из всех сил, у вас больше не будет страны», – сказал он (The Guardian, 11.06.2023). Примером риторической атаки является высказывание Трампа в адрес Харрис: «Теперь она хочет повышения по службе, а я думаю, пора сказать Камале Харрис: ты уволена».

Яростные нападки на противников.

Участники предвыборной кампании дают друг другу самые нелестные характеристики с использованием коннотативно насыщенной лексики. Трамп известен как автор уничижительных прозвищ в адрес Х. Клинтон (*Crooked Hilary, Crazy Hillary*), Дж. Байдена (*SleepyCreepy Joe*), К. Харрис: (*the worst border czar in the history of the world*), а также их сторонников (*Angry Democrat Thugs*).

Байден, со своей стороны, в 2018 г. сказал, что хотел бы «отвести Трампа за спортзал и избить его до полусмерти» (*take [Trump] behind the gym and beat the hell out of him*). Во время президентской кампании 2020 г. он назвал Трампа «клоуном» и требовал, чтобы он «заткнулся» (*shut up*). Также известно, что в кулуарах он высказался о нем нецензурно: (*a «sick f---» and a «f---ing asshole»*). В 2024 г. он характеризовал Трампа как «осуждённого преступника, который думает только о себе».

После выхода Байдена из предвыборной кампании Харрис, занявшая его место, высказалась о «типе людей, к которым принадлежит Трамп», назвав их хищниками, мошенниками, жуликами. Трамп, в свою очередь, охарактеризовал Харрис как «худшего вице-президента в истории страны»: *She's acknowledged to be the worst vice president in the history of our country. She doesn't have a clue. She's a horror show. She'll destroy our country.*

Как это ни парадоксально, соратник по президентской кампании Трампа и кандидат в вице-президенты Дж. Д. Вэнс долгое время являлся одним из его самых яростных противников. Вот лишь небольшой список его высказываний в адрес Трампа: *“America's Hitler”, “moral disaster”, “total fraud”, “reprehensible”, “cynical asshole”, “cultural heroin”, “an authoritarian fascist who must be stopped”*. Однако в 2021 г. Вэнс извинился, сказав, что сожалеет о своих словах и что ошибался в отношении Трампа. В июне 2024 г. он заявил, что горячо его поддерживает и гордится быть его сторонником. Он также отметил, что его скорее отталкивал риторический стиль Трампа, нежели его политические убеждения (Reuters, 15.07.2024). Тот факт, что, несмотря на оскорбления, Трамп пригласил его в напарники по президентской кампании, говорит о том, что токсичная

риторика уже стала нормой в США и не воспринимается как нечто неприемлемое.

В августе 2024 г. соратник Харрис по предвыборной кампании Т. Уолз употребил по отношению к Трампу прилагательное *weird* (странный, чужаковатый), которое радостно подхватили и стали многократно повторять сторонники демократов: *These guys are creepy and yes, just weird as hell; Trump is old and quite weird; a bunch of weirdos*. Республиканцы посчитали это оскорблением и в ответ решили действовать тем же оружием. Например, в *Fox News* (08.08.2024) появилась статья под названием *Harris VP pick Tim Walz's top five 'weird' moments in the spotlight*.

Метафорика войны и агрессии. После предъявления Трампу обвинения в судебном разбирательстве аризонский конгрессмен Э. Биггз писал в твиттере: «Мы в состоянии войны. Око за око». П. Сантilli, крайне правый ведущий ток-шоу, потребовал задержать Байдена, посадить его в кузов пикапа и вывезти из Белого дома. Ранее он призывал казнить Б. Обаму и его сподвижников. Байден также неоднократно использовал военные метафоры, такие как *wage a war*. Недаром к политической риторике нередко применяется термин *weaponize*, обозначающий использование языка в качестве оружия.

В связи с этим профессор Дартмутского колледжа Дж. Шарлет отмечает, что с каждым днем «риторика насилия» усугубляется и подрывает надежду на демократию (*The Guardian*, 11.06.2023). Журналисты также утверждают, что она разжигает культурные войны и доводит политическую поляризацию до опасных пределов (*HighCountryNews*, 17.07.2024).

Словесные угрозы воспринимаются как призывы к физическим действиям. В свое время Трамп клялся, что «искоренит коммунистов, марксистов, фашистов и паразитирующих леворадикальных отмороzków» и предупреждал, что если он не будет избран, «это будет кровавая бойня для всей страны».

Организатор республиканцев в Палате представителей США С. Скэлис, который был ранен в результате нападения в 2017 г., позднее возложил вину за это на яростную риторику демократов, утверждавших, что избрание Трампа ознаменует собой конец демократических норм в США. «Этой подстрекательской риторике надо положить конец», заявил он².

8 июля 2024 г., оправдываясь за свое провальное выступление в дебатах, Байден произнес судьбоносную фразу: «Пора взять Трампа на прицел» (*It's time to put Trump in the bullseye*) (*Reuters*, 14.07.2024). Это

тот случай, когда слова «материализуются» – 13 июля было совершено покушение на Трампа, после которого на непродолжительное время пришло понимание того, что взаимные оскорбления и словесное воздействие на избирателей приводят к необратимым событиям и поступкам.

«Слова имеют значение (*Words matter*)», – заявил спикер Палаты представителей М. Джонсон, призвав демократов и республиканцев снизить градус риторики (*Time*, 18.07.2024). Байден также обратился к нации с просьбой успокоиться (*to cool it down*). «В Америке нет места подобному насилию – любому насилию, – сказал он. – Точка. Без исключений» (*19th News*, 15.07.2024).

Трамп, появившийся после покушения на Национальном съезде республиканской партии, также пообещал смягчить свою риторику. «Я подготовил очень жесткую речь <...> об этой коррумпированной, ужасной администрации. Но я её выбросил», – сказал он (*19th News*, 15.07.2024).

Однако намерения оказались непродолжительными: уже спустя несколько дней демократы и республиканцы начали ожесточенно спорить о том, кто именно в большей степени виноват в раздувании враждебной риторики.

Связь «риторики насилия» с политической корректностью

Почти все ключевые положения американской предвыборной президентской риторики касаются болевых точек социальной жизни и завязаны на политическую корректность. С риторической точки зрения ПК первоначально воспринималась как разновидность вежливости, направленная на защиту дискриминируемых групп [29], но постепенно изменила векторность и переросла в явление, которое само по себе в значительной мере определяет общественные этические нормы, американскую политику, социальные практики и, соответственно, задает тон политическому дискурсу [30, 31].

Традиционно считается, что демократы стоят на позициях ПК, в то время как республиканцы ее не приемлют. Это отражается на характере дискурса. Во время предвыборной кампании 2016 г. Х. Клинтон называла Трампа и его сторонников «жалкими» (*deplorables*), обвиняя их в расизме, сексизме, гомофобии, ксенофобии и исламофобии. Сегодня раскол между демократами и республиканцами касается аналогичных проблем: прав чернокожих, гендера, аборт, религиозных верований и т. д. Нетрудно догадаться, что обсуждение всех этих вопросов вылива-

²<https://19thnews.org/2024/07/political-violence-extremism-trump-biden/>.

ется в яростные споры, в которых каждая сторона проявляет разную степень политической (не)корректности.

Существует и ряд других противоречий по линии ПК. Например, Трамп называет иммиграционную политику Байдена *Biden migrant crime*, активно использует термин *illegal immigrants* – нелегальные иммигранты, требуя их депортации, и заявляет, что Харрис боится использовать это выражение, считая его неpolitкорректным. Трамп также обещает сократить финансирование школ, продвигающих либеральную гендерную повестку, и восстановить «вечную истину, что Бог создал два пола: мужской и женский» (USA Today, 13.03.2023). Он яро защищает христианство и иудаизм и выступает против аборт, а также обещает создать федеральный орган, который будет заниматься расследованием незаконной дискриминации христиан.

Эйджизм как разновидность дискриминации можно считать лейтмотивом кампании 2024 г. в связи с возрастом Байдена и изменениями в его поведении. В свое время Я. Ю. Хлопотунов обратил внимание на то, что фраза *Joe's going to be in a home and he'll be watching television* – это насмешка Трампа над возрастом и здоровьем его оппонента, позволяющая «создать в сознании реципиентов образ пенсионера-обывателя, вместо которого страной управляет его команда» [21: 22]. Байден безуспешно пытался отшутиться, уподобляя себя взрослому, который общается с неразумным ребенком: *I'm a grown man running against a 6-year-old*. Но Трамп не унимался, называя его *a demented tyrant, insane or suffering from late-stage dementia* и утверждал, что Байден потерял рассудок: *Joe Biden's mind is gone*.

После того, как демократы охарактеризовали республиканцев словом *weird*, Дж. Д. Вэнс обвинил Харрис в том, что она имитирует южный акцент США, хотя выросла в Канаде. Это высказывание относится к широко обсуждаемой теме расовой и этнической принадлежности Харрис. На встрече с журналистами в Чикаго в августе 2024 г. Трамп высказал мнение, вызвавшее негодование демократов, о том, что Харрис всегда подчеркивала свое индийское происхождение, а вступив в президентскую гонку, вдруг стала чернокожей. Журналисты задали ему провокационный вопрос – поддерживает ли он мнение одного из своих сторонников, что Харрис – DEI hire (сокращение от *Diversity, Equity and Inclusion* – терминология сторонников ПК), то есть что ее выдвигают в президенты лишь из-за того, что она имеет негритянские корни. Суть от-

вета Трампа заключалась в том, что Харрис на этом спекулирует.

Следует отметить, что демократы действительно активно разыгрывают карту расовой и этнической принадлежности Харрис. В частности, бурно обсуждается даже произношение ее имени. Сама Харрис неоднократно поясняла, что ее имя следует произносить не «Камала», а «Комала» с ударением на первый слог (*«my name is pronounced 'comma-la', like the punctuation mark»*), утверждая, что это индийское имя (Marie Claire, 22.07.2024). В современных условиях акцентирование своего «небелого» происхождения может дать ей дополнительные очки. Когда Трамп заявил, что ему безразлично, как произносить ее имя, на него и его сторонников посыпались обвинения в женоненавистничестве и расизме, целенаправленном искажении ее имени с целью унижения.

Кроме того, обсуждается физиологическая идентичность политиков, что считается недопустимым с точки зрения канонов ПК. Комментируя фото Харрис в одном из глянцевого журналов, Трамп заявил: *I say that I am much better looking than her*.

После объявления Вэнса партнером Трампа по предвыборной кампании в сети неправильно указали его рост (5 футов 7 дюймов = 170 см), в связи с чем в сети начались бурные дискуссии между пользователями, увидевшими в этом политическую подоплеку. Стала муссироваться идея «комплекса коротышки» и «энергии чихуахуа». Пошли спекуляции на тему того, что для американцев рост мужчины имеет значение и это могло бы привести к потере сотен тысяч голосов. Говорили, что если бы у Трампа рост был не 6 футов 3 дюйма (193 см), а 5 футов 7 дюймов, он бы так далеко не продвинулся. Как выяснилось, рост Вэнса почти такой же, как у Трампа (6 футов 2 дюйма = ок. 190 см), что несколько успокоило республиканцев.

Харрис также выражала недовольство тем, что в Википедии ее рост указали как 5 футов 2 дюйма (157 см). «Это совершенно неправильно, – написала она. – Мой рост 5 футов 4 дюйма (162 см). Они хотят всячески принизить нас (*They just want to make us smaller in every way*)» (The Times of India, 18.07.2024).

Таким образом, ПК играет важную роль в противостоянии демократов и республиканцев, выступая как средство конструирования социальной действительности и соответствующей картины мира.

Влияние на общий тон политических дискуссий в стране

Риторика ведущих политиков не может не оказывать влияния на публичный дискурс

в среде рядовых американцев. Проведенные в США исследования показывают, что в 2023 г. число словесных угроз в адрес конгрессменов в десять раз превышало цифры 2015 г. В 2021 г. было зафиксировано более 9600 угроз в адрес членов Конгресса – почти в десять раз больше, чем в 2016 г. Также многочисленные угрозы были адресованы федеральным судьям, работникам здравоохранения (особенно в период эпидемии ковида), сотрудникам образовательных учреждений и членам избирательных комиссий (Time, 04.11.2022). Согласно опросу, проведенному в 2024 г., за последние три года более 40% сотрудников законодательных органов штатов подверглись угрозам и нападениям, 90% испытали на себе разного рода агрессию и оскорбления (Time, 18.07.2024). В качестве адресатов, как правило, выступают сторонники противоположных политических взглядов. По мнению аналитиков, эта тенденция угрожает самому американскому государственному строю.

Угрозы чернокожим с использованием *N-word*, обещания «охотиться на иммигрантов», сравнение тех, кто выступает за право на аборт, с нацистами, словесные атаки на оппонентов по проблемам гендера или религии стали повседневностью. Суть словесных угроз заключается в намерении покалечить или убить оппонента: «разбить молотком коленные чашечки» (*to break the kneecaps with a hammer*), «повесить за предательство» (*hang for treason*), «пустить пулю в голову» (*put a bullet through your skull*), устроить аварию (*a very unfortunate incident*), «медленно убивать семью» (*you and your family will be killed very slowly*), «выволочь на улицу, избить до смерти и поджечь» (*be dragged into the street, beaten to death, and set on fire*) (по материалам Time, 04.11.2022).

Как это ни парадоксально, многие из этих «эпизодов» подпадают под конституционное право на свободу слова, в результате чего служащим закона в высшей степени трудно выявить угрозы, за которыми могут

последовать реальные насильственные действия. Арестованных за словесные угрозы, как правило, освобождают. Политики и государственные служащие вынуждены нанимать вооруженную охрану, устанавливать пуленепробиваемые стекла в офисах, выделять время и ресурсы на мониторинг электронных писем и телефонных звонков. Согласно опросам, проведенным газетой *Washington Post* совместно с Университетом Мэриленда, в настоящее время треть американцев считают, что насилие в отношении правительства в ряде случаев оправдано. Призывы к насилию стали мейнстримом. Эксперты утверждают, что большинство авторов угроз не прибегнут к реальным насильственным действиям, однако слова оказывают действие на политиков и госслужащих, которые опасаются за свою жизнь и благополучие своих близких, а это влияет на их политические решения.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет считать «риторику насилия» специфическим видом ораторской практики, используемым в жанре политических дебатов, содержащим подстрекательство к агрессивным действиям, дегуманизацию и враждебные высказывания в адрес оппонентов. Предпосылками его возникновения являются особенности американской президентской риторики: размытость семантики ключевых понятий, пафосность, агрессивность, а также нормализация токсичного языка. Основные характеристики «риторики насилия» – это использование конфронтационных стратегий, яростные нападки на противников, метафорика войны и агрессии. Важную роль играют проблемы политической корректности, отражающие основные противоречия между демократами и республиканцами. «Риторика насилия» создает социальную напряженность, ведет к радикализации политических взглядов, а также создает опасность реального физического насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис, 2011. 224 с.
2. Political Rhetoric in Theory and Practice: A Reader / eds. Robert C. Bartlett, Nasser Behnegar. Cambridge University Press, 2023. 376 p.
3. Касаткин П. И., Романенко А. В. Риторика политических лидеров России и США: сравнительный анализ. // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 167–180. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.12>
4. The Rhetoric of Political Leadership. Logic and Emotion in Public Discourse / ed. Ofer Feldman. Cheltenham : Edward Edgar Publisher, 2020. 264 p.
5. The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion / ed. J. Fisher. New York : Routledge, 2020. 570 p.
6. Lusk A. Rhetoric, Media, and the Narratives of US Foreign Policy. Making Enemies. New York : Routledge, 2023. 218 p.
7. Debasing Political Rhetoric. Dissing Opponents, Journalists, and Minorities in Populist Leadership Communication / ed. Ofer Feldman. Springer, 2023 (Electronic book). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1058>
8. Eshbaugh-Soha M., Juenke E. G., Silva A. The Presidency and Immigration Policy. Rhetoric and Reality. Routledge, 2023. 278 p.

9. Морозова Н. Н. Речевой портрет Дональда Трампа в предвыборной кампании 2016 года // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1058> (дата обращения: 15.04.2024).
10. Филиппова С. В. Языковая репрезентация образа Дональда Трампа в американских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78), ч. 3. С. 182–185.
11. Маслова В. А., Гурина Т. С. Речевой портрет политика на материале твитов Д. Трампа // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 58–62. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63>
12. Сумарокова Н. А. Языковой портрет президента Д. Трампа в заголовках англоязычных СМИ // Этнопсихоллингвистика. 2020. № 3. С. 197–209. <https://doi.org/10.31249/epl/2020.03.14>
13. Маник С. А., Якимук Ю. С. Коммуникативные стратегии президента Байдена как представителя американской политической элиты // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 62–69. https://doi.org/10.26170/1999-2629_22021_05_07
14. Масалова М. А. Риторические персуазивные стратегии в инаугурационной речи Джо Байдена: критический дискурс-анализ // The Scientific Heritage. 2021. № 67. С. 65–70. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-67-4-65-70>
15. Чабанная А. Г. «Новая искренность» как инструмент речевого манипулирования в политических речах Джо Байдена // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 106–114.
16. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
17. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с.
18. Детинко Ю. И., Куликова Л. В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.
19. Алимджанов А. А. Диалогические жанры Белого дома // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 15–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21>
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
21. Хлопотову Я. Ю. Риторика ненависти в американском политическом дискурсе (функционально-лингвистический анализ) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2, вып. 2. С. 20–30. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-2-20-30>
22. Спиридовский О. В. Использование стратегий конфликтно обусловленной коммуникации в целях сохранения президентской власти в США // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 85–90.
23. Ступина Е. С. Речевая агрессия как форма реализации риторического кода в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 91–95.
24. Космодемьянская В. И., Лисенко М. В., Радюшкина А. А. Стратегии непрямого речевого агрессии в американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 70–75.
25. Graham H. D. The paradox of American violence // Violence in America: Historical and Comparative Perspectives. Sage Publications, 1979. P. 480–481.
26. Scheidel W. The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton, 2018. 528 p.
27. Jackson K. C. The story of violence in America // Daedalus. 2022. Vol. 151, no. 1. P. 11–21. https://doi.org/10.1162/daed_a_01884
28. Conteh-Morgan E. Collective Political Violence. An Introduction to the Theories and Cases of Violent Conflicts. Routledge, 2021. 346 p.
29. Леонтович О. А. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // Русский язык за рубежом. 2023. № 5. С. 16–21. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.002>
30. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 194–220. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>
31. Леонтович О. А. Сенситивность, политическая корректность и новые коммуникативные практики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 6 (848). С. 83–92. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_83

REFERENCES

1. Leontovich O. A. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of communication studies]. Moscow, Gnozis, 2011. 224 p. (in Russian).
2. Bartlett R. C., Behnegar N., eds. *Political Rhetoric in Theory and Practice: A Reader*. Cambridge University Press, 2023. 376 p.
3. Kasatkin P. I., Romanenko A. V. Rhetoric of the political leaders of Russia and the U.S.: Comparative analysis. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 5, pp. 167–180 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.12>
4. Feldman O., ed. *The Rhetoric of Political Leadership. Logic and Emotion in Public Discourse*. Cheltenham, Edward Edgar Publisher, 2020. 264 p.
5. Fisher J., ed. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. New York, Routledge, 2020. 570 p.
6. Lusk A. *Rhetoric, Media, and the Narratives of US Foreign Policy. Making Enemies*. New York, Routledge, 2023. 218 p.
7. Feldman O., ed. *Debasing Political Rhetoric. Dissing Opponents, Journalists, and Minorities in Populist Leadership Communication*. Springer, 2023 (Electronic book). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1058>
8. Eshbaugh-Soha M., Juenke E. G., Silva A. *The Presidency and Immigration Policy. Rhetoric and Reality*. New York, Routledge, 2023. 278 p.
9. Morozova N. N. A speech portrait of Donald Trump in the election campaign of 2016. *Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal)*, 2016, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1058> (accessed April 15, 2024) (in Russian).
10. Filippova S. V. Linguistic representation of the image of Donald Tramp American media. *Philology. Theory and Practice*, 2017, no. 12 (78), pt. 3, pp. 182–185 (in Russian).
11. Maslova V. A., Gurina T. S. A politician's speech portrait: A case study of D. Trump's tweet material. *Humanitarian Vector*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 58–62 (in Russian).

Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63>

12. Sumarokova N. A. Language portrait of president D. Trump in English-language mass media headlines. *Ethnopsycholinguistics*, 2020, no. 3, pp. 197–209 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/epl/2020.03.14>

13. Manik S. A., Yakimuk Yu. S. Communicative strategies of president Biden as a representative of American political elite. *Political Linguistics*, 2021, no. 5 (89), pp. 62–69 (in Russian). https://doi.org/10.26170/1999-2629_22021_05_07

14. Masalova M. A. Rhetorical persuasive strategies in Joe Biden's inauguration address: Critical discourse analysis. *The Scientific Heritage*, 2021, no. 67, pp. 65–70 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-67-4-65-70>

15. Chabannaja A. G. "New sincerity" as a verbal manipulation tool in Joe Biden's political speeches. *Political Linguistics*, 2024, no. 1 (103), pp. 106–114 (in Russian).

16. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LCR Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

17. Dementyev V. V. *Integral'noe opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).

18. Detinko Yu. I., Kulikova L. V. *Politicheskaja kommunikatsija: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza* [Political communication: Essay of multimodal and critical discourse analysis]. Krasnojarsk, Siberian Federal University Publ., 2017. 168 p. (in Russian).

19. Alimdzhanov A. A. Dialogical genres of the White House. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 15–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21>

20. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena, 2000. 367 p. (in Russian).

21. Khlopotunov Ya. Yu. Hate speech in American political discourse: Functional-linguistic analysis. *Professional*

Discourse and Communication, 2020, vol. 2, iss. 2, pp. 20–30 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-2-20-30>

22. Spiridovskij O. V. Strategies of conflict communication employed by American presidents for retention of power. *Political Linguistics*, 2024, no. 1 (103), pp. 85–90 (in Russian).

23. Stupina E. S. Verbal aggression as a form of realization of the rhetorical code in political discourses. *Political Linguistics*, 2024, no. 1 (103), pp. 91–95 (in Russian).

24. Kosmodem'yanskaya V. I., Lisenko M. V., Radyushkina A. A. Strategies of indirect verbal aggression in American political discourse. *Political Linguistics*, 2024, no. 1 (103), pp. 70–75 (in Russian).

25. Graham H. D. The paradox of American violence. In: *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives*. Sage Publications, 1979, pp. 480–481.

26. Scheidel W. *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton, 2018. 528 p.

27. Jackson K. C. The story of violence in America. *Daedalus*, 2022, vol. 151, no. 1, pp. 11–21. https://doi.org/10.1162/daed_a_01884

28. Conteh-Morgan E. *Collective Political Violence. An Introduction to the Theories and Cases of Violent Conflicts*. Routledge, 2021. 346 p.

29. Leontovich O. A. Magic of politeness or dictate of political correctness? Correlation of concepts. *Russian Language Abroad*, 2023, no. 5, pp. 16–21 (in Russian). <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.002>

30. Leontovich O. A. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 194–220 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>

31. Leontovich O. A. Sensitivity, political correctness and new communication practices. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, iss. 6 (848), pp. 83–92 (in Russian). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_83

Поступила в редакцию 24.08.2024; одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 09.10.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 24.08.2024; approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 09.10.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 128–138

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 128–138

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-128-138>, EDN: GZEWGF

Научная статья

УДК 634:811.161.1'42

Жанр «мастер-класс» в структуре полижанрового и полимодального садоводческого дискурса

Э. Ю. Новикова

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград,
просп. Университетский, д. 100

Новикова Элина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, nov-elina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра «мастер-класс» в структуре садоводческого дискурса. Предпринимается попытка выявить дискурсообразующие признаки жанра в двух коммуникативных формах: устное непосредственное живое общение и онлайн-коучинг, а также проанализировать эмпирический материал исследования на предмет языковых особенностей данного типа дискурса и жанра. В работе использовались общенаучные методы, метод интерпретативного, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа. Цель исследования заключается в выявлении языковых, структурных и невербальных сходств и различий заявленного жанра в различных коммуникативных формах. Анализируются дискурсообразующие признаки полидискурсивного коммуникативного пространства в сфере садоводства, описывается тематическая специфика жанра, коммуникативные тактики, выявляются дискурсивно релевантные языковые средства. Предлагается описание конститутивных признаков заявленного жанра садоводческого дискурса: участники, хронотоп, цель, стратегии, ценности. В исследовании изучаемый садоводческий дискурс рассматривается как институциональный гибридный, полидискурсивный феномен, в котором жанр «мастер-класс» занимает одно из значимых мест и обнаруживает конвергентный характер. Проводится подробный анализ жанра «мастер-класс» на материале русского языка, рассматриваются вербальные и невербальные особенности. Предпринятое исследование позволило определить жанровое своеобразие садоводческого дискурса, роль и место жанра «мастер-класс», его языковые особенности в институционально ориентированной и личностно ориентированной формах. Перспективы исследования предполагают изучение лингвокультурной обусловленности садоводческого дискурса в русской и других неблизкородственных лингвокультурах, а также проведение фокусного анализа транслатологических особенностей.

Ключевые слова: жанр, садоводческий дискурс, языковые средства, полидискурсивность, конвергентность, поликодность

Для цитирования: Новикова Э. Ю. Жанр «мастер-класс» в структуре полижанрового и полимодального садоводческого дискурса // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 128–138. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-128-138>, EDN: GZEWGF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre “master-class” in the structure of polygenre and polymodal gardening discourse

E. Yu. Novikova

Volgograd State University, 100 prospect Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Elina Yu. Novikova, nov-elina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Abstract. The article deals with the genre of “master class” within the structure of gardening discourse. The author attempts to identify the discourse forming features of the genre in three different communicative forms: spoken live communication, online coaching, and to analyze the researched empirical material focusing on the linguistic features of the discourse. The proposed analysis is carried out using general scientific methods, incorporating interpretive method, contextual analysis, and comparative analysis. The aim of the research is to

identify the linguistic, structural, and non-verbal similarities and differences of the declared genre in two communicative forms. The author analyzes discourse forming features of the polydiscursive communicative space in gardening discourse, describing the thematic specificity of the genre, communicative strategies, identifying discourse relevant linguistic means. The analysis also includes the description of the constitutive features of the declared genre of gardening discourse: its participants, chronotope, purpose, strategies, and values. In the article, gardening discourse is considered an institutional, hybrid, polydiscursive phenomenon, in which the genre of “master class” occupies a significant place and displays a convergent nature. A detailed analysis of the “master class” genre is based on Russian gardening discourse and examines its verbal and non-verbal features. The research has allowed to define the genre peculiarities of gardening discourse, the role and place of the “master class” genre, its language features in distantly related linguocultures. The study opens up prospects for further focused consideration of linguocultural conditioning of gardening discourse and detailed analysis of its linguistic and translational features.

Keywords: genre, gardening discourse, linguistic means, polydiscursivity, convergence, polycode

For citation: Novikova E. Yu. Genre “master-class” in the structure of polygenre and polymodal gardening discourse. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 128–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-128-138>, EDN: GZEWGF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире технологий, коммуникации специалистов – представителей различных языков и культур особую роль играют специализированные отраслевые дискурсы как индикаторы экономического развития общества, с одной стороны, и межкультурного взаимодействия, с другой. Интересным феноменом является в этой связи садоводческий дискурс, который сочетает в себе различные модусы общения, жанры, коммуникативные ситуации и прагматику коммуникации – институционально направленную и личностно ориентированную, что формирует его полидискурсивный и гетерогенный характер.

Рассмотрение отраслевого дискурса можно инициировать с разных ракурсов. С позиций делового дискурса [1–3] садоводческий дискурс представляет собой совокупность коммуникативных событий в рамках садоводческого предприятия как бизнес-структуры. В фокусе профессионального дискурса [4–6] садоводческий дискурс фигурирует как дискурс специалистов, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере садоводства. В проекции личностно ориентированного дискурса [7–12] мы видим садоводческий дискурс как текстопорождение на тему садоводства в деятельности обыденного человека (специалиста или любителя), которая не регулируется институционально. Описание личностно ориентированной коммуникации в рамках теории речевых жанров встречаем в работах В. В. Дементьева, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, К. Ф. Седова и др.

В предыдущих исследованиях мы обратили внимание на садоводческий дискурс в русле концепции В. И. Карасика и обозначили

его как «институциональный тип коммуникации, совокупность письменных и устных текстов, порождаемых в профессионально-ориентированных коммуникативных ситуациях в сфере садоводства» [13: 45]. Принимая во внимание институциональность коммуникации в сфере садоводства, мы трактуем садоводческий дискурс с позиции социолингвистики В. И. Карасика, который ввел понятие «институциональный дискурс», акцентируя внимание на цели и участниках дискурса [7]. Институциональность садоводческого дискурса объясняется его принадлежностью к профессиональному дискурсу агрокультуры – конгломерата множества сельскохозяйственных дискурсов и дискурсивных практик, которые реализуются в конкретных производственных компаниях, научно-учебных, исследовательских учреждениях. Агентами дискурса выступают специалисты-садоводы, клиентами – потребители продукции садоводства. Цель дискурса заключается в обеспечении отраслевой коммуникации по созданию, уходу, переработке и реализации садовых культур. Хронотоп дискурса детерминирован спецификой садоводческой деятельности, т. е. временем и местом работ в саду. Жанровые особенности дискурса заслуживают отдельного пристального рассмотрения ввиду многообразия коммуникативных ситуаций, которые формируют системообразующие устные, письменные и компьютерно-опосредованные жанровые формы.

Полиmodalный и полижанровый садоводческий дискурс представляет собой богатый материал для исследований и позволяет выявить и описать специфику современной отраслевой коммуникации в ее интердискурсивном проявлении. Рассмотрим жанр «мастер-класс» в структуре садоводческого

дискурса, опираясь на подходы к исследованию жанра В. И. Карасика [7], В. В. Дементьева [14].

Материал и методы исследования

Предпринимаемое исследование нацелено на выявление жанровых и собственно языковых особенностей жанра «мастер-класс». Материалом исследования выступают мастер-классы садоводов по обрезке плодового сада, размещенные на канале YouTube¹. Для анализа привлекалось десять русскоязычных видеозаписей отличительных по форме реализации мастер-классов садоводов, значимость, популярность и профессиональная принадлежность которых детерминирована сферой деятельности. Приведенные в работе текстовые фрагменты иллюстрируют результаты проведенного анализа – коммуникативные приемы и тактики обучения, жанровые особенности. Общий объем эмпирического материала (аудиовизуального контента) составил 3 часа звучащего текста / 115 тысяч знаков; общее количество проанализированных текстовых фрагментов – 80 единиц.

Для достижения цели исследования наряду с общенаучными методами применялись интерпретативный метод, компонентный, дискурсивный, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный анализ.

Жанр «мастер-класс» в структуре садоводческого дискурса

В общепринятом понимании мастер-класс – это жанр педагогического и/или дидактического дискурса [15–19], который подразумевает передачу знаний и умений, обмена опытом, обучения и воспитания, демонстрацию авторских методов. Мастер-класс является востребованной формой обучения, в особенности при овладении иностранными языками. Несмотря на интерес лингвистов к данному интерактивному дидактическому методу, его жанровая природа в отраслевых дискурсах описана недостаточно.

Анализируя жанровую природу мастер-класса, Е. Л. Фрейдина и М. Ю. Сейранян предлагают его рассматривать как «разновидность педагогического (образовательного), академического, научного, массмедийного дискурсов, сквозь призму структурного, функционального или тематического подходов» [20: 410]. С. С. Безукладникова концентрирует внимание на мастер-классе как ядерном жанре инженерно-дидактического дискурса [16].

Представим схематично структуру институционального садоводческого дискурса (рисунк).

Институционально ориентированное полидискурсивное коммуникативное пространство в сфере садоводства (цвет онлайн)

Institutionally-oriented polydiscursive communication in the horticulture (color online)

Обращает на себя внимание полидискурсивная природа профессиональной коммуникации в сфере садоводства, в которой ядерные и периферийные дискурсы имеют интегративный конвергентный характер.

Ядро дискурса составляет аграрный дискурс (садоводство), который сопряжен ввиду комплексного производственного цикла с множеством других профессиональных дискурсов: агротехническим (техника, ремонт, техобслуживание), экономическим (бизнес-процессы, финансы), производственным (производство сока), строительным (строительство опорных конструкций) и др.

В полидискурсивном пространстве садоводства присутствуют и смежные периферийные дискурсы, которые так или иначе связаны с деятельностью в садоводческой отрасли: маркетинговый, рекламный, экологический, медицинский, экскурсионный, переводческий и т. д.

Научный интерес вызывает характер взаимодействия перечисленных дискурсов в рамках одного садоводческого предприятия, что позволяет говорить о синкретичности дискурса в целом:

¹Роскомнадзор: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

- 1) ядерный и смежные дискурсы реализуются одновременно, в равном объеме в гибридной форме;
- 2) ядерные и смежные дискурсы развиваются одновременно в гибридной форме, при этом ядерный дискурс по объему коммуникации доминирует над смежными;
- 3) ядерные и смежные дискурсы реализуются одновременно в гибридной форме, смежные дискурсы значительно превышают объем задействованной коммуникации по сравнению с ядерным дискурсом;
- 4) одномоментное и обособленное проявление ядерного и смежных дискурсов;
- 5) коммуникация происходит лишь в пределах ядерного дискурса без интегрированных элементов смежных дискурсов.

Описанное интердискурсивное взаимодействие в рамках институциональной коммуникации в сфере садоводства позволяет говорить о неоднородном характере основных дискурсообразующих признаков.

1. Каждый из интегрированных дискурсов имеет *целевые установки*, которые актуализируются в ядерном или смежных дискурсах, в зависимости от доминирующего характера дискурса.

2. *Участники* каждого из перечисленных дискурсов могут быть как равностатусными (агент-агент), так и разностатусными (агент-клиент); при этом обращает внимание различный уровень знаний и компетенций, опыт межкультурного общения, стереотипные представления участников коммуникации.

3. *Хронология дискурса* неоднородна – сад, офис, производственная площадка, цех, автомастерская. При этом коммуникация возможна в устном очном и дистанционном, письменном и компьютерно-опосредованном форматах.

4. *Многообразие жанров и сценариев коммуникации*: беседа; инструкции; договор / спецификация; обучающий тренинг (семинар) по работе в саду / работе с оборудованием; переговоры по закладке / оптимизации / уходу сада / покупке оборудования; мастер-класс по работе в садах; наладка оборудования; экскурсия и др. Каждый жанр подразумевает особые коммуникативные тактики, виды интеракции, продолжительность речи, возможность ведения переводческой записи, условия переключения с языка на язык и перекодирования информации. К примеру, экскурсия проходит в движении, без использования вспомогательных средств, имеет развлекающий характер и тональность общения, напротив, переговоры проходят в офисе, за столом, допускают наличие вспомога-

тельных материалов, имеют официальный стиль общения.

5. *Дискурсивно детерминированные ценностные установки* коммуникации. В каждом из интегрированных дискурсов доминируют ценности, релевантные для участников ядерного или смежных дискурсов – защита растений, исправность оборудования, экономия ресурсов и т. д.

6. *Отраслевая терминология и профессиональная лексика* ядерного и смежных дискурсов. Каждый из дискурсов обладает, с одной стороны, узко специальной терминологией, с другой стороны, профессиональной лексикой (профессиональными жаргонизмами), которой владеют участники конкретного дискурса.

В институциональной коммуникативной парадигме жанр «мастер-класс» наблюдается в рамках ядерного дискурса и подразумевает встречу со специалистами-садоводами, которые передают актуальные знания, опыт и технологии по выращиванию, уходу, хранению растений. Также мастер-класс осуществляют специалисты смежных дискурсов (строительного, производственного, инженерно-технического) по узко специализированным вопросам строительства опорных конструкций для сада; монтажа и обслуживания сельскохозяйственной техники и т. д. Принимая во внимание диффузный характер жанрообразования [21] в современном дискурсе любой коммуникативной области, а также склонность дискурсов, в том числе садоводческого, к жанровой конвергенции, мы рассматриваем мастер-класс как самостоятельный жанр институционального садоводческого дискурса.

Параллельно с институциональным садоводческим дискурсом активно развивается личностно ориентированный садоводческий дискурс / дискурсивная практика, который характеризуется нами как ядерный, тематически гомогенный дискурс конкретного человека – профессионального садовода или садовода-любителя. В фокусе классификации И. В. Тубаловой мы относим личностно ориентированный садоводческий дискурс к повседневному дискурсу практической направленности [12].

Рассмотрим дискурсивно обусловленные сходства и расхождения в формировании и реализации жанра мастер-класс в двух формах: институционально ориентированное живое общение (далее ИОЖО) и личностно ориентированное компьютерно-опосредованное общение (далее ЛОКОО).

Жанр «мастер-класс»: особенности, признаки, доминанты

Цель

Цель мастер-класса вне зависимости от формы и канала коммуникации – показать на основе собственного опыта специфику определенных видов работ (обрезка, посадка, прививка, опрыскивание и др.). Для достижения цели используются глаголы в настоящем или будущем времени:

- глаголы местонахождения – *находимся, стоим и др.*:

мы находимся на 2 летнем саду новейшего сорта, который у нас на 38:42 испытании. Это Амброзия – североамериканский сорт (АСП);

- глаголы динамического типа с семантикой выполнения – *обрезать, прививать, удобрять и др.*:

... будем обрезать грушу для тех, кто в этом ничего не понимает (УМ);

- глаголы со значением манеры изложения – *показать, объяснить*:

сейчас мы покажем мастер-класс, как 0:49 обрезать уже посаженный однолетний 0:52 саженец (Саженьцы); Я объясню все ошибки, допущенные ранее (Кравец);

- глаголы речи – *говорить, объяснять*:

здесь нам поможет, как всегда, главный агроном цветущего сада, сейчас мы заедем, и там уже скажет Вам, обновит 1:20 знания по обрезке (Садовод-огородник).

При этом в качестве дополнительной цели мастер-класса ЛОКОО можно расценивать маркетинговый потенциал – привлечение подписчиков и расширение аудитории пользователей канала, увеличение отзывов, популяризация себя как профессионала, самовыражение. Активными языковыми средствами в этом случае выступают глаголы в повелительном наклонении, например: *спасибо, что вы смотрите нас, подписывайтесь на канал (Умное хозяйство).*

Участники

Мастер-класс ИОЖО подразумевает два типа активных участников: 1) агент дискурса – профессиональный эксперт-садовод и 2) клиенты дискурса – ситуативно сформированная группа садоводов-учеников. Организаторы мастер-класса представляют экспертов или эксперты кратко представляет себя сами, общаясь о накопленном опыте и уровне знаний

для установления доверительных отношений с участниками коммуникации:

Уважаемые коллеги! 0:01 Извините за 0:04 уставший вид, потому что это уже второй 0:07 сад у нас 0:09 на консультации, только что прямо утром 0:13 рано с 6 утра были мы в Подольске (Саженьцы).

Сегодня 0:28 в нашем хозяйстве встреча с профессионалом 0:33, как раз обменяемся опытом, он скажет, так, покажет 0:39 мастер-класс по обрезке, и мы хотели бы начать как раз с матчасти 0:49. Я хочу представить нашего собеседника – Григорий Федорченко (Садовод).

В процессе проведения мастер-класса эксперты часто обращаются к адресату, фокусируя внимание на их подготовленности и опыте (если участники мастер-класса опытные садоводы) или неподготовленности (если участники начинающие садоводы без опыта), задавая вопросы о наиболее оптимальных способах и видах действий, комментируя полученные ответы и выражая собственную позицию, например, *Вы же и сами так делаете.... Что Вы думаете о состоянии дерева? Итак, начинаем подходим и 0:56 начинаем думать (Саженьцы).*

...что сейчас мы 1:34 делаем? мы сейчас эти вот веточки все 1:39 укорачиваем на 2–3 почки, вот эти слабые 1:44 веточки укорачиваем на 3–4 почки (Саженьцы). Рассказал, но в принципе я думаю 5:13, уважаемые коллеги, что вы поняли 5:16, о чем я говорил (Саженьцы).

Важным отличием мастер-класса ИОЖО от ЛОКОО заключается в интерактивном взаимодействии участников, при котором обучающиеся активно задают вопросы и сразу получают наглядные ответы.

В случае ЛОКОО в кадре, как правило, один участник мастер-класса, это профессиональный садовод или любитель, имеющий практический опыт, знания, собственные апробированные методы и технологии выращивания растений, с одной стороны, и потенциальная аудитория пользователей интернет-канала (профессионалы и непрофессионалы), с другой. Их присутствие вербализовано в форме комментариев к видеоролику. Коммуникативные роли участников в этом случае не имеют статусного иерархического профиля, формируются в каждой конкретной ситуации условиями общения и инициальной спецификой коммуникации. Несмотря на отсутствие стабильной социально-ролевой модели, участники по-

зиционируют себя знатоками и экспертами в вопросах садоводства.

Видеомастер-класс обычно начинается с приветствия автора канала и презентации темы выпуска и конкретных действий:

0:01 Здравствуйте! Меня зовут Светлана Налетова 0:03, я рада что вы заглянули на канал 0:05 «Сад без секретов». В сегодняшнем видео речь 0:07 пойдет о ранневесенний и очень важной 0:10 об-работке сада от вредителей и 0:12 бо-лезней. (Сад без секретов).

Для актуализации образа адресата эксперты задают риторические вопросы, адресованные адресату, при этом тут же дают на них ответ, не комментируя образ адресата:

Что мы делаем в первый год после посадки неразветвленной однолетки? Мы должны срезать верхушку На какой высоте? На высоте груди. Для чего это делается? Мы делаем закладку скелетных ветвей (Проще всего).

Хронотоп

В обоих случаях ИОЖО и ЛОКОО хронотоп, как правило, представляет собой сад (промышленный сад или личное приусадебное хозяйство), в котором эксперт проводит различные манипуляции по уходу, обработке или выращиванию растений, используя садовые инструменты.

В некоторых случаях это может быть помещение, где ведётся повествование с опорой на макеты, схемы и рисунки, а также возможна беседа между садоводами. Важно отметить, что общение может быть публично ориентированным и непубличным.

Ценности

Отражают профессиональную направленность дискурса садоводства: выращивание растений, получение экологически чистой продукции, безопасность обработки, близость к природе, сохранение биологических видов.

Нужно направление, да и остальные дай Бог чтоб она выросла и вам будет проще, довольно хорошо вы срезали, далее 14:59 дали возможность развить леса саженцы 60 сантиметров вам вполне достаточно 15:11 чтобы 60 сантиметров, не трогай отрежьте 15:21 и тогда у вас будет сад более или менее ровный не будет они отсюда отсюда (Садовод-огородник).

Наряду с базовыми ценностями аграрного дела в данном типе дискурса реализуются также индивидуальные ценности – дело своими руками, отдых и расслабление, избегание одиночества и др.:

Помните о том, что 18:13 обрезка – это творческий процесс, 18:15 поступайте с деревьями разумно, всё, у 18:18 меня на сегодняшний день всё. Я очень 18:20 надеюсь, что я вам понятно 18:22 объяснила (Садовый гид).

Языковые особенности

Жанр «мастер-класс» имеет особый нарративный характер. Согласимся с И. В. Тубаловой в трактовке текстов данного жанра как объемных нарративных структур с собственно-информативными и оценочными субъектными интенциями [12: 94]. Мастер-класс характеризуется практико-ориентированным нарративом по выращиванию и уходу за растениями. По сути данный жанр можно рассматривать как отдельную дискурсивную практику с интердискурсивным характером.

В ходе сопоставительного анализа установлено, что обе формы мастер-класса ЛОКОО и ИОЖО обнаруживают схожие языковые особенности, т. е. на уровне текста и используемых языковых средств наблюдается размытие институционально ориентированных дискурсивных границ и преобладание черт, свойственных для личностно ориентированного дискурса, и наоборот. Рассмотрим языковые особенности подробнее, выделяя наиболее показательные и обязательные для обеих анализируемых жанровых форм, обнаруженные в ходе анализа.

Текст мастер-класса имеет поликодовый характер, поскольку говорящий эксперт дополняет речевое поведение конкретными действиями (показом вида садоводческой манипуляции на растении или на макете, рисунке). Показ является неотъемлемым компонентом мастер-класса ЛОКОО и ИОЖО, формирует его семиотическую гетерогенность, с одной стороны, и коммуникативную гомогенность, с другой. Поликодовость обеспечивает целостное восприятие мастер-класса как законченного коммуникативного акта, дискурсивного события.

Стиль повествования ЛОКОО и ИОЖО содержит компоненты официально-делового и разговорного стилей, т. е. тендирует к разговорно-официальному. Черты официально-делового стиля проявляются на уровне реализуемых функций: **информирования** (указание на специфику процесса, состояние растения, действия, которые предполагаются в рамках мастер-класса): *в сегодняшнем*

видео речь 0:07 пойдет о ранневесенний и очень важной 0:10 обработке сада от вредителей и 0:12 болезней (Сад без секретов); предписания (указание на необходимость совершения тех или иных действий): ну тут практически 0:28 нечего ослеплять, но вырезать те ветки, 0:31 которые 0:32 не нужны то есть мы просто 0:37 срезаем; констатации (указание на совершенные действия до или во время мастер-класса, на состояние растения): я нахожусь вот в таком вот облачении, 0:15 потому что с первой весенней ранней 0:18 обработки сада, как правило, используют 0:21 химические средства защиты (Сад без секретов), была обрезка месяца назад, пошел повторный рост (Сингента).

На фоне очевидно долженствующе-предписывающего характера изложения, как маркера официально-делового стиля, в обучающем тексте наблюдается совокупность традиционных способов изложения – повествование, рассуждение, описание, не свойственных данному стилю. При этом отмечается стереотипность, стандартизованность изложения ввиду специфики выполняемых действий садовода. Отнесенность к официально-деловому стилю обеспечивает, в первую очередь, **садоводческая специальная лексика** (термины, терминоиды, профессионализмы, номенклатурные обозначения).

Обучающий нарратив по обрезке деревьев вне зависимости от формы (ИОЖО или ЛОКОО) отраслевого дискурса содержит терминологические номинации основных свойственных дискурсу понятий, которые обеспечивают его коммуникативное содержание и категориальный аппарат. Эксперты, проводящие мастер-класс, активно используют основную дискурсивно релевантную терминологию и профессиональную лексику. К наиболее частотным (% показатель терминологических словоупотреблений из 100%) тематическим группам специальной лексики в рамках мастер-класса по обрезке сада, которые коррелируют с дискурсом в целом, мы относим следующие:

- структура дерева / почки, например: *проводник, штамп, конкурент, боковые ветки, подвой, пенек, поросль, розовый бутон, мушиное ухо* и др. (50%);
- виды сада, например, *интенсивный, промышленный, шпалерный* и др. (5%);
- виды болезней, например, *бактериальный ожог, парша* и др. (3%);
- виды обрезки, например, *ручная, механизированная, весенняя, зимняя, на книп, на боковую почку* и др. (5%);

- средства защиты и борьбы, например, *фунгициды, гербициды, садовый вар* и др. (7%);
- виды садовых инструментов / техники, например, *секатор, ножницы, кусторез, ножовка, пила, трактор, комбайн* и др. (10 %).
- вредители, например, *бабочка, плодоярка, цветоед, тля* и др. (7 %);
- период созревания, например, *вегетация, набухание почки, завязывание плодов* и др. (10%);
- другие термины (3%).

Специальная лексика обеспечивает реализацию тактик информирования и экспертного знания:

Мы приступаем к обрезке молодого интенсивного шпалерного сада на карлике, высота, здесь интересный сорт. (АСП). Под рукой должна быть 0:26 замазка, будь это садовый бальзам, садовая 0:29 краска с фунгицидами или традиционный 0:32 садовый вар, он уже должен стоять у вас 0:35 рядышком с инструментом (Процвето).

В условиях дискурсивно детерминированного делового общения ИОЖО или ЛОКОО, участники которых находятся в официальных отношениях, мастер-класс имеет черты разговорного стиля: непринужденность, непоследовательность и прерывистость, эмоционально-оценочная информативность. При этом речь эксперта мастер-класса ИОЖО неподготовлена, спонтанна, сбивчива:

А кто сможет определить, эта ветка надо будет 4:02 или не надо будет? Только то.... никто не знает 4:05 тебя нет только. Так ну то надо нанимать! (Сингента).

Участники такой формы мастер-класса могут говорить одновременно друг с другом или с экспертом, выясняя наиболее проблемные вопросы.

Текст эксперта мастер-класса ЛОКОО подготовлен заранее, отрепетирован, здесь допустима перезапись видеоролика; речь эксперта линейна, композиционно грамотно оформлена, синтаксис нормирован.

Обе анализируемые формы жанра мастер-класс характеризуются наличием **разговорной лексики** (лексемы с суффиксами стилистической модификации, лексемы в переносном значении, просторечная лексика) и **разговорного синтаксиса** (неполные, инверсивные предложения, специфический порядок слов), которые придают общению естественность и «живость», обеспечива-

ет коммуникативный баланс мастер-класса и тактику коммуникативного смягчения:

...остаточно тут можно еще меньше. Ну как правило 4:34 жадность человеческая беспредельная, поэтому это 4:43 примерно где-то в этой зоне делаем 4:48 делаем срез, яблоки тут уже не прокатят (Садовод-огородник).

...ведро яблок будет, но мы не имеем права сейчас получать, нам главное здесь что? 18:13–хороший рост, убираем, убираем лишнее (АСП).

...и немножко тут сделать ей вот эта зона спящих почек сделать рост ну вроде бы 5:17 для того чтобы открыть кран что тут не на кольчатку (Садовод-огородник).

Вот такая 9:34 рогатина, то есть вот эта ветка (Садовый гид).

вот пошла, все, эту коротим посиленей 7:07, эту хвостик вниз, это сушняк, сушняк соответственно (Садовод-огородник).

Садоводы, как профессиональные опытные, так и любители, с любовью и вниманием относятся к растениям, поэтому в речи часто используют диминутивы, придающие обучающему мастер-классу игривый характер и актуализирующие тактику «мягкого» обучения:

Кстати маленький секрет, после того, как Вы срезали верхушечку, нам необходимо в зародыше удалить конкурента (Процветок).

...вот здесь вот я создал вот эту веточку (АСП).

Еще одной характерной особенностью жанра мастер-класс является изложение с элементами описания и/или рассуждения в **вопросно-ответной форме**. При очевидно доминирующей форме монолога для установления контакта с аудиторией, доверительных отношений и координации рефлексии и стимулирования интереса слушающих эксперт, проводящий мастер-класс, реализует тактику взаимобщения и взаимобмена мнениями, задает по ходу рассказа вопросы, на которые участники или сам обучающий дают ответы, в ряде случаев вопросы характеризуются как риторические:

Вот такая! 7:05 Как сделать её плодоносящей? – Мы её первое 7:08, что делаем, или же пригибаем, или 7:10 подвязываем ветку ближе к 7:12 горизонтальному состоянию. Такая ветка! 7:15 Она сразу же перерождается в плодоносящее. 7:17 Или же делаем обрезкой, то есть

7:19 заставляем её из ростовых процессов 7:21 перейти в плодоносящее. 7:24 Это основные правила. (Садовый гид).

Маркером разговорной речи мастер-класса, по нашему наблюдению, служат также **обращения**, которые используются в данном случае не как элемент делового этикета, а как форма проявления коммуникативного контакта. Тактика контактоустановления реализуется за счет доверительного тона общения, а также за счет обращенности к аудитории. Обучающий использует риторические обращения, повелительную форму глаголов:

Это 6:45 вот, друзья, очень-очень важно, поэтому 6:47 первый ярус самый большой (Садовый гид).

Дорогие коллеги, сегодня 18 февраля и мы находимся в мичуринском районе (АСП).

Прекрасные, смотрите, с какой кольчаткой это вот на снегу посмотрите, вот это вот это 18:07 (АСП).

Вербальные обращения в мастер-классе ЛОКОО используются чаще, чем в ИОЖО, поскольку нет возможности прямого контакта с аудиторией. Эксперт прибегает к вербальным средствам обращения для удержания внимания, в то время как в рамках «живой» коммуникации привлечь внимание слушающих эксперт может с помощью жестов, взгляда, паузации.

Следует также подчеркнуть, что для мастер-класса характерна экспликация субъективного начала в тексте, выражение результата деятельности эксперта, цель которого – научить. Обучение имеет назидательный характер, специалист дает рекомендации, наставления, координирует действия, предупреждает об опасностях, ошибках, используя **средства выражения модальности долженствования и необходимости** – глаголы долженствования, инфинитивные группы, наречия необходимости, которые входят в арсенал тактики убеждения:

Самое главное, мы должны аккуратненько 3:22 срезать ей верхушку (Процветок). Здесь главная задача заставить его 2:56 плодоносить (АСП).

Модальность мастер-класса выступает точкой соприкосновения семантики и прагматики официально-разговорного модуса коммуникации.

Выводы

Прокомментируем результаты проведенного исследования. Садоводческий дискурс

представляет собой полидискурсивное коммуникативное пространство, интегрирующее множество дискурсов: ядерный (собственно садоводческий) и смежные дискурсы, коммуникативный потенциал которых пересекается с садоводством.

Обращает на себя внимание двойственная природа садоводческого дискурса как институционального и как личностно ориентированного, в каждом из которых наблюдается активное дискурсивное событие «мастер-класс». Жанрово-дискурсивные расхождения установлены для каждого дискурсообразующего признака – цель, участники, ценности, хронотоп, тип коммуникации, канал коммуникации – за исключением языковых особенностей и коммуникативных тактик. Для ИОЖО и ЛОКОО выявлено семь основных коммуникативных тактик: контактоустановление, убеждение, взаимообщение и взаимообмен мнениями, коммуникативное смягчение, «мягкое обучение», информирование и экспертное знание.

Жанрово-обусловленные языковые особенности в двух анализируемых дискурсив-

ных формах идентичны и вариативны. Выявленные и описанные обязательные языковые средства (садоводческая специальная лексика; диминутивы; вопросно-ответные конструкции; средства выражения модальности долженствования и необходимости; обращения; разговорная лексика и разговорный синтаксис) в равной степени маркируют формы мастер-класса ИОЖО и ЛОКОО, что говорит об их междискурсивной схожести. Выбор языковых средств детерминирован тематикой общения, языковой личностью говорящего, ситуативным контекстом и коммуникативным событием, а также конвенциями ядерного институционального и личностно ориентированного садоводческого дискурсов.

Таким образом, предпринятое исследование позволило определить жанровое своеобразие садоводческого мастер-класса. Перспективы исследования также видим в определении транслатологических особенностей жанра «мастер-класс», учитывая меж- и транскультурный характер садоводческого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафурова Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. 108 с.
2. Ширяева Т. А. Деловой дискурс: сущность, признаки, структура // Вестник Пензенского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 118–122.
3. Стеблецова А. О. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 76–86. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>
4. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
5. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 32–35.
6. Зорина Ю. В. К вопросу о профессиональном дискурсе // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 149–150.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 389 с.
8. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. 356 с.
9. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 3–21.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
11. Тубалова И. В. Институциональные речевые модели в личностноориентированных дискурсах раз-

личного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

12. Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.

13. Новикова Э. Ю. Дискурсивные и транслатологические особенности садоводческого дискурса (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 42–54. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.4>

14. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

15. Булгакова Е. Т. Педагогический дискурс как разновидность институционального дискурса // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 15. С. 105–109.

16. Безукладникова С. С. Жанровая природа мастер-класса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 8. С. 2583–2591. <https://doi.org/10.30853/phil20230405>

17. Гуртова Г. Л. Мастер-классы – форма передачи профессиональных навыков // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2013. № 1. С. 162–165.

18. Редькина О. Ю. Функциональный подход к типологии жанров дидактического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2017. 202 с.

19. Романова О. В., Коротченко И. С. Мастер-класс «Сити фермер» в профориентационной работе // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 19–21 апреля 2022 г.). Красноярск :

Красноярский государственный аграрный университет. 2022. С. 132–134. EDN: VUOLOI

20. Фрейдина Е. Л., Сейранян М. Ю. Мастер-класс на английском языке как жанр онлайн дискурса в сфере образования: риторический и фонетический аспекты // Преподаватель XXI век. 2020. № 4, ч. 2. С. 404–413. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-4-404-413>

21. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

ИСТОЧНИКИ

1. Умное хозяйство. Обрезка деревьев для начинающих. Первые шаги. С чего начать? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UZE7dbbQHTE>

2. Сад без секретов. Обработка сада ранней весной. Мощный удар по вредителям и болезням. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=znrpqZdT0s0>

3. Процветок. Как обрезать молодые деревья в саду? Самое простое и понятное видео об обрезке для начинающих. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I8x1Og nbqmc>

4. АСП. Мастер-класс по промышленной обрезке яблони Обрезка 01. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hKJftVhTGS8>

5. Обрезка яблони в интенсивном саду. Часть 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QrqAp-RCcCI>

6. Саженьцы. Как обрезать сливу после посадки в сад. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LmbFARbgSHk>

7. Кравец. Обрезка яблони по типу Веретено в период полного плодоношения. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nWbBMKcmzBo>

8. Садовод-огородник. Обрезка интенсивного сада на подвое М9. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=C8NNO-3GzG8>

9. Урожайный огород. Как обрезать яблоню весной: показываю и рассказываю простым и понятным языком! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7z9Vyn-ZesE>

10. Сингента. Мастер-класс по летней обрезке яблони. Айдаред. Сад Агро-Мотоль. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7RJzD-RSe7g>

REFERENCES

1. Astafurova T. N. *Lingvisticheskie aspekty mezhkul'turnoi delovoi kommunikatsii* [Linguistic aspects of intercultural business communication]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 1997. 108 p. (in Russian).

2. Shiriaeva T. A. Business discourse: Essence, features, structure. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 118–122 (in Russian).

3. Stebletsova A. O. National discourse style: English and Russian business discourses. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 76–86 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2.2016.4.8>

4. Beilinson L. S. Professional discourse as a subject of linguistic study. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2009, no. 1 (9), pp. 145–149 (in Russian).

5. Golovanova E. I. Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: Correlation of notions. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 1 (292), pp. 32–35 (in Russian).

6. Zorina Yu. V. On the issue of professional discourse. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*, 2012, no. 4, pp. 149–150 (in Russian).

7. Karasik V. I. *Jazykovoï krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004. 341 p. (in Russian).

8. Kashkin V. B. *Vvedenie v teoriiu kommunikatsii* [Introduction to communication theory]. Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 2000. 356 p. (in Russian).

9. Kibrik A. A. Modus, genre and other parameters of discourse classification. *Voprosy jazykoznanii*, 2009, no. 3, pp. 3–21 (in Russian).

10. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnozis, 2003. 280 p. (in Russian).

11. Tubalova I. V. Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 5 (31), pp. 38–52 (in Russian).

12. Tubalova I. V. *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral person-oriented discourses]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2016. 370 p. (in Russian).

13. Novikova E. Yu. Discursive and translational features of horticultural discourse (in Russian and German). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2022, no. 3, pp. 42–54 (in Russian). <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.4>

14. Dementyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

15. Bulgakova E. T. Pedagogical discourse as a type of institutional discourse. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, 2012, no. 15, pp. 105–109 (in Russian).

16. Bezukladnikova S. S. Genre nature of the master class. *Philology. Theory and Practice*, 2023, vol. 16, iss. 8, pp. 2583–2591 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20230405>

17. Gurtova G. L. Master classes – a form of transfer of professional skills. *Bulletin of MGUP*, 2013, no. 1, pp. 162–165. (in Russian).

18. Red'kina O. Yu. *Functional Approach to the Typology of Didactic Discourse Genres*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Cheliabinsk, 2017. 202 p. (in Russian).

19. Romanova O. V., Korotchenko I. S. Masterclass “City Farmer” in career guidance work. In: *Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiia: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Krasnoyarsk, 19–21 aprelya 2022 g.)* [Science and Education: Experience, Problems, Development Prospects: Proceedings of the International scientific and practical conference (Krasnoyarsk, April 19–21, 2022)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2022, pp. 132–134 (in Russian).

20. Freydzina E. L., Seiraniyan M. Yu. Masterclass in English as a genre of online discourse in the sphere of education: Rhetorical and phonetic aspects. *Prepodavatel' XXI vek*, 2020, no. 4, pt. 2, pp. 404–413 (in Russian). <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-4-404-413>

21. Dementyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

SOURCES

1. *Umnoe khoziaistvo. Obrezka derev'ev dlia nachinaiushchikh. Pervye shagi. S chego nachat'?* (Smart Farming. Tree pruning for beginners. First steps. Where to start). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=UZE7dbbQHTE>

2. *Sad bez sekretov. Obrabotka sada rannei vesnoi. Moshchnyi udar po vrediteliam i bolezniam* (Gardening without secrets. Treating the garden in early spring. A powerful attack on pests and diseases). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=znrpqZdT0s0>

3. *Protsvetok. Kak obrezat' molodye derev'ia v sadu? Samoe prostoe i poniatnoe video ob obrezke dlia nachinaiushchikh* (Protsvetok. How to prune young trees in the garden? The easiest and simplest pruning video for beginners). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=I8x1Ognbqmc>

4. *ASP. Master-klass po promyshlennoi obrezke iabloni Obrezka 01* (ASP. Master class on industrial pruning of apple trees Pruning 01). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=hKJftVhTGS8>

5. *Obrezka iabloni v intensivnom sadu. 1* (Pruning an apple tree in an intensive orchard. Part 1). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=QrqAp-RCcCI>

6. *Sazhentsy. Kak obrezat' slivu posle posadki v sad* (Seedlings. How to prune a plum tree after planting in the garden). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=LmbFArbgSHk>

7. *Kravets. Obrezka iabloni po tipu Vereteno v period polnogo plodonosheniia* (Pruning of apple trees according to the spindle type during the period of full fruiting). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=nWbBMKCmzBo>

8. *Sadovod-ogorodnik. Obrezka intensivnogo sada na podvoe M9* (Gardener-gardener. Pruning of intensive orchard on M9 rootstock). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=C8NNO-3GzG8>

9. *Urozhainyi ogorod. Kak obrezat' iabloniu vesnoi: pokazyvaiu i rasskazyvaiu prostym i poniatnym iazykom!* (Harvest vegetable garden. How to prune an apple tree in spring: I show and tell in simple and clear language!). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7z9Vyn-ZesE>

10. *Singenta. Master-klass po letnei obrezke iabloni. Aidared. Sad Agro-Motol'* (Syngenta. Masterclass on summer pruning of apple trees. Aidared. Agro-Motol Orchard). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7RJzD-RSe7g>

Поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 04.06.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 04.06.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 139–151

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 139–151

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-139-151>, EDN: JWNEAY

Научная статья

УДК [[004.738.5+070]:[52:811.161.1'42]](47+57+470+571)

Научно-популярные статьи о космосе: опыт интегрального описания речевого жанра (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.)

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Анализируется жанр научно-популярной статьи о космосе в советской печати XX в. и публикациях в Рунете XXI в. (СК₁ и СК₂). Поскольку СК₁ и СК₂ принадлежат, по сути, к разным культурам, используется интегральная речевая методика, предполагающая привлечение большого количества смежной: общекультурной, естественно-научной, научно-технической, идеологической и даже философской – информации. СК₁ и СК₂ анализируются по модели, включающей параметры: место СК₁ и СК₂ в речевом пространстве двух периодов, общее и различное с другими типами и жанрами научно-популярной словесности, представления в советском и современном обществе о космосе и об отношениях человека с космосом в парадигмах «польза ~ бесполезность», «работа (карьера, благосостояние) ~ долг/служение ~ достижения (рекорды, возможности и невозможное) ~ бескорыстие»; «герой ~ обыватель (турист)».

Язык СК₁ и СК₂ анализируется в связи с идеологией (прежде всего в СК₁), мифологией, обуславливающими олицетворения и метафоры (особенно – антропоморфные, метафоры детства и т. п.).

Много внимания уделяется средствам экспрессии (СК₁ присуща упорядоченная и возвышенная экспрессия, СК₂ – довольно эклектичное сочетание «языка фактов» и развязной до разнузданности экспрессии); иронии (иронии, в том числе злой, черной, на порядок больше в СК₂); прецедентным текстам (богатством и разнообразием прецедентных текстов отличаются только СК₁). Составляется частотный словарь СК₁ и СК₂ (термины, оценочные слова/словоформы, нелитературная лексика и т. п.). Рассматриваются конкретные языковые категории: время глагола, особенно будущее, реальная и нереальная модальность.

Ключевые слова: научно-популярная статья о космосе, советская печать, Рунет, экспрессия, олицетворение, интегральное описание речевого жанра

Для цитирования: Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о космосе: опыт интегрального описания речевого жанра (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 139–151. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-139-151>, EDN: JWNEAY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Popular science articles about outer space: An experience of integral description of a speech genre (based on the material of the Soviet press of the 20th century and publications in the Runet of the 21st century)

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article deals with the analysis of the genre of a popular science article about outer space in the Soviet press of the 20th century and publications in the Runet of the 21st century (AS₁ and AS₂). Since AS₁ and AS₂ essentially belong to different cultures, the author uses an integral speech genre technique, which involves the use of a large amount of related information: general cultural, natural science, scientific and technical, ideological and even philosophical.

AS₁ and AS₂ are analyzed according to a model that includes the following parameters: the place of AS₁ and AS₂ in the speech-genre space of the two periods, their similarities with other types and genres of popular science literature and differences from them, ideas in Soviet and modern society about space and about the relationship of man with space in the paradigms of “usefulness ~ uselessness”, “work (career, well-being) ~ duty/service ~ achievements (records, possibilities and impossibilities) ~ selflessness”; “hero ~ ordinary person (tourist)”. The language of AS₁ and AS₂ is analyzed in connection with ideology (primarily in AS₁), mythology, determining personifications and metaphors (especially anthropomorphic ones, metaphors of childhood, etc.). Much attention is paid to the means of expression (AS₁ is characterized by ordered and elevated expression, AS₂ is a rather eclectic combination of the “language of facts” and unbridled expression); irony (irony, including black, is much more often found in AS₂); precedent texts (only AS₁ is distinguished by the richness and diversity of precedent texts).

Besides, the author compiles a frequency dictionary of AS₁ and AS₂ (terms, evaluative words/word forms, non-standard vocabulary, etc.). The author also focuses on specific language categories such as verb tense, especially the future, real and unreal modality.

Keywords: popular science article about outer space, Soviet press, Runet, expression, personification, integral description of the speech genre

For citation: Dementyev V. V. Popular science articles about outer space: An experience of integral description of a speech genre (based on the material of the Soviet press of the 20th century and publications in the Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 139–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-139-151>, EDN: JWNEAY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализируемый жанр имеет особое значение для жанросферы России/СССР пяти-шести последних десятилетий: с одной стороны, научно-популярные статьи о космосе советского и постсоветского периодов (далее – СК₁ и СК₂) занимают весьма важное, хотя и разное, место в научно-популярной словесности обоих периодов.

С другой стороны, несомненно культурное и ценностное значение данного жанра, в котором отразились многие общественно-культурные тенденции. Не будет преувеличением сказать, что отношение к космосу является во многом определяющим для характеристики культуры данных социумов (отчасти – и мировой) (см.: [1–5]).

«Освоение космического пространства считается одним из самых воодушевляющих проектов человечества, – пишет В. И. Карасик в статье «Сюжетная символика повествования о полетах в космос». – Эта идея, вызванная к жизни развитием науки и техники, стала символом триумфа познания. Повествование о космических полетах может быть выделено как особый тип языкового преобразования реальности. Предполагается, что такой нарратив имеет определенную тематическую организацию, может быть осмыслен как концепт, по-своему проявляется в разных речевых жанрах, характеризуется культурно-темпоральной спецификой и обладает символической значимостью для носителей языка.

Прагматика такого повествования сводится к определению разных характеристик такого события для самоидентификации людей» [1: 22–23].

Адекватное осмысление данного жанра требует использования **интегральной речевых жанровой методики** [6]: жанр советской литературы и современный интернет-жанр, принадлежащие, по сути, к разным культурам, настолько различаются, что для их сравнительного описания требуется привлечение большого количества смежной: общекультурной, естественно-научной, научно-технической, социологической и даже философской – информации.

От интегрального описания речевых жанров модель, по которой будет осуществляться описание, получает ряд структурных и содержательных (в том числе идеологических) пунктов, рассмотрение которых предполагает достаточно глубокое проникновение в материю, требующие тоже принципиально разных подходов, как и разных оценочных шкал:

- место СК₁ и СК₂ в речевом пространстве двух периодов, в частности, общее и различное с другими типами и жанрами научно-популярной словесности (например, с рассмотренными нами *научно-популярными статьями о животных* в советской и постсоветской словесности [7]);

- общее состояние общества: представление в советском и современном обществе

о космосе и об отношениях человека с космосом, в том числе в парадигме «польза ~ бесполезность»; представление о человеке в целом, в том числе в парадигмах «работа (карьера, благосостояние) ~ долг/служение ~ достижения (рекорды, возможности и невозможное) ~ бескорыстие»; «герой ~ обыватель (турист)»;

- идеология (прежде всего в советском обществе): связь исследований космоса, полетов в космос с революционной и коммунистической идеологией, достижениями СССР;

- наука, литература, мифология, религия: привлечение информации из различных наук и квазинаук, научной фантастики, отношение к данной информации (от чисто развлекательного и ироничного до серьезного), отчасти – религиозное понимание (в СК₂);

- язык, в том числе терминология, идеология (для СК₁), олицетворения, метафоры

(особенно – антропоморфные, метафоры детства и т. п.), образные средства, ирония; прецедентные тексты и имена; словарь: оценочные (позитивные ~ негативные) слова/словоформы, нелитературная лексика; время глагола, особенно будущее, реальная и нереальная модальность и т. д. (табл. 1).

Материал: для СК₁ – статьи антологии «Маленькие рассказы о большом космосе»¹ (общий текстовый объем (для 3-го издания) – 211 с., ок. 60 тыс. словоупотреблений); СК₂ – интернет-публикации 2022–2024 гг. в блогах, размещаемых на сайтах Dzen.ru, Mail.ru («Pro-Космос»; «SFERA – Pro Космос»; «PULSAR – космос рядом»; «Astro Channel»; «Живой Космос»; «Мир чудес»; «Между прошлым и будущим»; «Частные суждения»; «Записки любителя фантастики»; «Фантастика сегодня»); вспомогательную часть современного материала составляют также комментарии

Таблица 1 / Table 1

Сравнение СК₁ и СК₂ по общественно- и литературно-значимым критериям

Comparison of AS₁ and AS₂ according to socially and literary significant criteria

Критерий	СК ₁	СК ₂
Господствующее представление о космосе (массовая, популярная, т. е. ненаучная, картина)	Величественный, важный для человека, опасный, очень сложный и интересный	Опасный, пустой, ограниченно (практически) полезный, малоинтересный; в целом – переориентация на земные дела; застой ²
Общее состояние общества, господствующее представление о человеке	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию, знаниям (в том числе физическим и астрономическим), на это не жалеют досуга. Официальное и неофициальное представление о «советском человеке» сильно различаются	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма. По этой причине иногда на себя смотрят критически и с пессимизмом. Роль официальной идеологии/пропаганды в формировании представления о человеке мала
Состояние словесности	Партийная печать, цензура	Отсутствие цензуры, тяготение к развлекательности и неформальности, появление Интернета с его языком, приоритетами, жанрами
Влиятельные жанры словесности	Энциклопедия, научная и научно-популярная книга/статья, описания путешествий	Блоги и видеоблоги, социальные сети, описания путешествий (travelogi), шоу, реклама

¹Маленькие рассказы о большом космосе / составитель Ф. Наумов ; авторы: В. Азерников, М. Арлазоров, Ф. Арский, С. Баканов, Я. Белоусов, Д. Биленкин, И. Ватель, В. Елагин, Ф. Ерешко, С. Журбина, Г. Казарновская, Ю. Калинин, В. Келер, Б. Коновалов, Ю. Крейндин, М. Подгородников, И. Рабинович, Л. Репин, Г. Смолян, В. Титаренко, Т. Топилина, В. Федченко, Н. Эйдельман, А. Эмме. Иллюстрации Б. Жutowского. М. : Молодая гвардия, 1962. 350 с. (серия «Эврика») (уменьш. формат) (1-е изд.); 1964. 368 с. (уменьш. формат) (2-е изд.); 1968. 211 с. (обычн. формат) (3-е изд.). Книгу писали люди разных профессий и научных интересов. Вместе с опытными журналистами – М. Арлазоровым, В. Елагиным, А. Эмме – в ней выступили молодые популяризаторы науки – аспиранты, научные обозреватели центральных газет. Хотя авторов много, все статьи характеризуются жанровым и стилевым единством, что позволяет рассматривать их по единой модели.

²Сравнивая два периода, В. И. Карасик в упомянутой статье отмечает: «В наши дни полеты в космос перестали рассматриваться как приоритетная задача человечества. Произошел существенный поворот в массовом сознании. Причины этого поворота, как представляется, таковы: 1) на первое место вышли ежедневные потребности людей в комфорте, это соответствует доминантам корпоральной (телесной) культуры, продвигаемым США как лидером глобализации, соответственно как рядовые граждане, так и правительства разных стран пришли к выводу о необ-

к статьям и блог-постам (общий текстовый объем – ок. 300 с., ок. 100 тыс. словоупотреблений).

Место СК₁ и СК₂ среди жанров научно-популярной словесности

В целом научно-популярные статьи про космос (по крайней мере с речезанровой точки зрения, которая и развивается здесь) находятся в одном ряду с различными жанрами научно-популярной литературы, доминантами которой являются тематика, представляющая интерес с точки зрения массовой культуры (в данном случае – тема космоса, относительно новая, хотя размышления о космосе находим еще у Платона, древнеегипетских астрологов, астрономов-жрецов майя), и установка одновременно на информирование и развлечение читателя, отсюда – несколько противоречивые формальные доминанты: с одной стороны, информативность, логичность, умеренная терминологичность, с другой – упрощенность и доступность, эмоциональность и экспрессия (тоже преимущественно несложные), средства привлечения внимания, сигналы сенсационности и сигналы лояльности («автор – свой»).

Кроме этих постоянных должны также быть учтены и новоприобретенные признаки жанра: СК₁ – идеологизация, связь с революционными идеями; СК₂ – глобализация, «интернет-культура».

Следует отметить, что, в отличие от СК₁, СК₂ весьма разнообразны тематически:

- неповседневная информация о собственном космосе – тайнах, загадках и т. п. интересных моментах;
- информация об исследованиях космоса – космонавтах, ученых, конструкторах, включая конкретные полеты, научные открытия, истории из личной практики космонавтов, подготовку космонавтов, техническое оборудование, катастрофы и т. п.;
- о космических программах, проектах, бюджетах и т. п. мероприятиях, включая злоупотребления, хищения и их расследования и т. п.;
- философские и футуристические проекты, предсказания, прогнозы, включая юмористические, сатирические, абсурдные («постмодернистские») и т. п.;

ходимости сокращения расходов на освоение космоса и научные исследования в целом; 2) приоритетным научным направлением в наши дни стало развитие информационных технологий, выход в виртуальное пространство, создание параллельного мира в виде компьютерно опосредованной оцифрованной реальности; 3) необходимость освоения космоса как решения демографической проблемы постепенно сошла на нет, поскольку, по прогнозам ученых, рост благосостояния населения приведет к стабилизации числа людей; 4) в наши дни появились новые угрозы существованию человечества в виде экологических катастроф и новых болезней, требующие внимания и капитальных затрат, на этом фоне космические полеты становятся развлечением, не случайно появляется такая отрасль, как космический туризм; 5) тема контакта с внеземными разумными цивилизациями потеряла актуальность, поскольку в качестве угрозы такие цивилизации фигурируют только в фантастических произведениях, а как партнеры или собеседники они не представляют интереса для жителей Земли» [1: 22–23].

- астрология;
- фантастика и фэнтези;
- популярные обзоры литературы – научной литературы о космосе и космических полетах естественно-научного и литературоведческого характера, космической фантастики, фэнтези, философии и футурологии.

Не меньше структурное разнообразие СК₂: по объему, стилю, языку (литературный язык и отступления от него), наличию/отсутствию гиперссылок, иллюстраций, видео и анимации (в последнем случае текста может не быть вообще). Для современного интернет-материала характерна синтетическая и креолизованная жанровая природа, взаимное наложение на жанровые формы других популярных жанров интернет-коммуникации: блога (особенно блог-кАментов), листикла, видеолекции, ток-шоу, рецензии, в отличие от относительно чистой жанровой формы СК₁.

Всё это многообразие СК₂ мы также не рассматриваем, ограничиваясь статьями и блог-постами и отчасти текстовыми комментариями к ним. Конечно, это ограничение несколько искусственно: для среднего интернет-пользователя сходство между всеми перечисленными тематическими и структурными типами и жанрами СК₂ больше, чем между ними и СК₁.

Образ адресата

В советской официальной словесности существовал довольно большой разрыв между декларируемым идеализированным образом «передового советского читателя» и реальным читателем, которого интересовали гораздо более прозаические дела, чем построение коммунизма. В современной словесности такого большого разрыва нет (небольшой субъективный разрыв, конечно, возможен). При этом именно в научно-популярной словесности и в советское время разрыв был относительно мал. Что же касается образа предполагаемого читателя СК₁, он более сложен: с одной стороны, реальный, а не декларируемый читатель искренне интересуется информацией, сообщаемой в СК (используя ее, видимо, в равной степени для развлечения и самообразования), с другой – предполагается, что он будет восхищаться достижениями СССР и советского строя – отсюда большое количество пафоса,

идеологем, что резко отличает СК₁, например, от статей о животных³:

Впервые в мире советский космический аппарат, облетев Луну, успешно возвратился на Землю со второй космической скоростью, совершив мягкую посадку в Индийском океане. Это качественно новое техническое достижение. Оно связано с разрешением сложных задач автоматического управления, аэродинамики, которые встают при входе летательного аппарата в атмосферу со скоростью около 11 километров в секунду. При посадке искусственных спутников Земли начальное движение их в атмосферу не превышает 8 километров, столь большое повышение скорости потребовало резко суженных по направлению движения станции узлов входа ее в атмосферу и надежного обеспечения теплозащиты от температуры в 12–13 тысяч градусов, возникающей в слое между ударной волной и поверхностью аппарата.

С поразительной точностью выходят на цель советские ракеты. Это подтвердили испытания. При дальности полета в тысячи километров головки ракет летели точно в нужный квадрат. Не хуже камней из древней баллисты, приземлявшихся, правда, в 10 тысяч раз поближе.

Наш век называют ракетным. У него еще все впереди.

Массовые и немассовые знания о космосе

С одной стороны, последние 50–60 лет науки о космосе, звездах, планетах и т. п. развивались чрезвычайно интенсивно, поэтому довольно большое количество информации, сообщаемой в книге «Маленькие рассказы о большом космосе», устарело и является попросту неверным (мы в этой статье, конечно, не ставим задачи отмечать и исправлять «естественно-научные» неточности).

С другой стороны, как ни странно, естественно-научные открытия, сделанные за эти 50–60 лет, повлияли на массовые знания о космосе не так уж сильно. Выскажем предположение, что в 1960-е гг. «среднестатистический советский человек» – массовый потребитель научно-популярной литературы о космосе – знал о космосе не меньше, а больше, чем его ровесник в начале XXI века. Многие ли неспециалисты в наше время знают, что такое перигей, оверсан, альбеде? Знают разницу между первой и второй космической скоростью? Между метеоритом и метеором? Многие ли (имеем в виду молодежь, а не людей средних лет, получивших образование в советское время) сумеют просто перечислить

все планеты Солнечной системы? (В 1960-х это было, по-видимому, общеизвестной информацией.)

Ценности

Господствующая идеология, вернее, ее наличие в СК₁ и отсутствие в СК₂, наполняет оценочными характеристиками важнейшие пункты, по которым описывается космос и отношение человека к космосу в СК₁ и СК₂: польза ~ бесполезность; наука ~ беллетристика (фантастика, фэнтези); созидательный труд ~ развлечения, потребительство; героизм ~ карьера (благополучие); педалирование высокого ~ педалирование низкого (в том числе в используемой экспрессии).

В СК₁ космические достижения подавались не только как преимущество советского строя, но и как прямое продолжение революционной идеи, что в текстах выглядело как гимн Борьбе, Подвигу, безграничным возможностям человека, презрение к трудностям и опасностям (даже стремление к ним). В картине космоса, рисуемой в СК₁, преобладали краски грозного величия и огромной потенциальной пользы для человечества – но не современного, а будущего коммунистического:

Космос неприветлив и негостеприимен. Вечный холод. Нет кислорода, нет углекислоты. Полностью отсутствует давление. И совсем сухо. Если человек там появится без защиты, он весь вскипит и превратится в космическую пыль. Или мгновенно заморозит. Или, если попадет под луч солнца, испепелится. И уж, конечно, не сможет дышать. Нечем. Но все-таки человек стремится в эти нечеловеческие условия. Летит корабль по вселенной, по «ничему», и в корабле, в его надежной кабине, кусочек земной атмосферы.

Полеты к планетам требуют решения многих технических задач. Нужны будут новые источники энергии на борту, возможно, это будут ядерные реакторы. Придется подумать и о специальном убежище для экипажа на случай защиты от повышенной радиации во время вспышек на Солнце. Создание искусственной силы тяжести, разработка способов входа в атмосферы планет, вопрос о питании космонавтов – вот далеко не полный перечень проблем, требующих решения. Но свершения первых десяти лет космической эры позволяют надеяться, что история третьего тысячелетия человечества будет описывать события на трех планетах Солнечной системы.

Эта философия космоса решительно изменилась в постсоветский период. Несмотря

³В этом отношении СК₁ напоминают другой жанр советской словесности, описанный нами, – *капсулу времени*, содержащую текстовое послание, адресованное потомкам, которые, как представлялось, будут жить в коммунистическом обществе [8]. Следующий отрывок из СК₁ легко можно представить в капсуле времени 1960-х годов: *Жители третьего тысячелетия будут улыбаться, глядя на неуклюжие межпланетные корабли конца XX века. «Как громоздко! – скажут они. – Какая нерациональная конструкция!» И вдруг замолкнут, вспомнив, что это первенцы. Так мы глядим на каравеллы Колумба. И так современники Колумба смотрели на ладьи древних...*

на периодически вспыхивающие споры, в которых принимают участие не только журналисты, блогеры, но и действующие политики, в целом господствующей в обществе картине (она и отражается в СК₂) присуще отрицательное или равнодушное отношение к космосу:

Стремиться в космос не наведя порядка на Земле – это как ломиться к соседям, загадив собственную квартиру. Я в детстве любил фантастику о космосе и путешествиях к звёздам. Но чисто умозрительно. Т. е. я считал, что об этом можно фантазировать, но не надо осуществлять. Так что лично мне космос не нужен. Ни тогда, ни сейчас. Сейчас особенно.

Там, куда стремится «любопытная Варвара», ничего для человека нет. Те силы и мощь, та непостижимая для человеческого разума бездна не для нас. Там нет ничего, что нужно для человека, в том числе и жизни. Всё, что мы увидели с Земли, достаточно для исследования в кабинетах за компьютером. Квазары, пульсары, нейтронные звезды, сверхновые, черные дыры никогда не подпустят к себе человека. Более того, нам нечего делать ни на Луне, ни на Марсе. Пусть там топчутся роботы. И будет с нас.

Другими стали и критерии оценки: в СК₂ – возможная практическая польза (например, коммерческие спутники и мобильная связь, полезные ископаемые, драгметаллы, лучшие условия для определенных производств, исследований и т. п.: невесомость, вакуум); определенное место здесь занимают и финансовые характеристики исследований. В СК₁ – скорее презрение к утилитарности (хотя возможная практическая польза затрагивалась).

В целом «фактор человека» – идеологический центр и СК₁, и СК₂ (космос вполне логично рассматривается совместно с исследователями космоса), но сам человек предстает разным в СК₁ и СК₂: коротко говоря, это разница между героем и обывателем.

Хотя картина самоуспокоенной стагнации, погруженности в земные дела с отказом от космоса в СК₂ превалирует, было бы несправедливо игнорировать критику такого положения вещей, которая тоже встречается в СК₂. Авторы указывают на опасные тенденции в современном обществе⁴, пожалуй, с еще большей тревогой – на мрачные перспективы общества, не ставящего себе больших целей. Характерны сравнение советского и постсоветского отношения к космосу (в том числе – прямые сравнения СК₁ и СК₂) в пользу советских. Своей современности даже стыдятся,

а оптимизм при изображении светлого будущего в СК₁ у современного читателя вполне может вызывать смущение и даже самоуничижение (рис. 1) (картинка из открытого доступа в Интернете).

21 ВЕК ГЛАЗАМИ НАШИХ ОТЦОВ

МЫ КУПИЛИ НОВУЮ МАШИНУ.
У НЕЕ НА КЛАКСОНЕ ПЯТЬ НОВЫХ ЗВУКОВ.
А У ЖЕНЫ НОВЫЙ ТЕЛЕФОН НА 3% ТОНЬШЕ.
МЫ ГОРАДЫ И СЧАСТЛИВЫ

21 ВЕК НА САМОМ ДЕЛЕ

Рис. 1 / Fig. 1

⁴Иногда отмечается неблагоприятная ситуация в науке в России: страна из двигателя прогресса превратилась во второстепенную в научном отношении страну. Ср. мнение генерального директора Института проблем энергетики Булата Нигматулина: «Голосов ученых не слышно. Есть голоса людей, которые выдвинуты властью. Общая научная среда не развивается. Доля ученых в структуре российского общества постоянно падает. Мы уже на 29-м месте в мире по этому показателю. Это недопустимо для нашей огромной страны с ее экономическими проблемами, которые невозможно решать без ученых» (<https://partyadela.ru/news/bulat-nigmatulin-vlast-ne-slyshit-rossijskih-uchyonyh/?ysclid=lv7ywsttnv425991845>).

Возможно нам до конца не понять уровень мотивации тех, кто запускал в космос первые космические корабли. Но тут, помимо мотивации, была еще целеустремленность, вера в успех, умение решать сложнейшие технические задачи, имея минимум технических средств.

Реальность есть реальность. Деградация нынешнего вида приматов прошла успешно при их же содействии. Посмотрите на помойки вдоль дорог и тротуаров. На стаи бездомных собак. Вся страна в крестах как кладбище. Посмотрите на «чаяния» молодняка: блогер, светская львица, наемник. Послушайте общение окружающих: хамство и чванство. Кидаются как бешеные псы друг на друга и грызут глотки. Вы хотите сказать что вот эти будут мечтать?! Не смешите.

Мечты о светлом будущем сменились воспоминаниями о будущем, безвозвратно утерянном. И я, лично, иллюзий уже не питаю... крышка захлопнулась. Своим шансом мы (как и всё человечество) не воспользовались. Осталась наша фантастика о том, чего не может быть... никогда. Да и не будет. Приятного чтения, коллеги по настоящему.

О трудностях, связанных с освоением космоса, говорилось и в СК₁, но, в отличие от них, в СК₂ эти трудности подаются как непреодолимые:

Слишком несопоставимы космические масштабы, экстремальная среда и человек. Космические пространства для другой формы разума.

Человечество прошло этап «романтического космоса». И это время не вернется никогда. И падение СССР и 90-ые сыграли чисто промежуточную причину отказа от мечты про космос. Основная причина – это осознание безграничности пространства и времени, которого потребуются на такие полеты. И невозможности их реализации в недалеком будущем. Если раньше это понимали единицы, то теперь это понимает большинство.

Люди смертны. И хрупки. В таком виде им до звезд не добраться. Это безотносительно политики. Хотя политика, а впрочем скорее общественное устройство тоже опирается на факт смертности и хрупкости человека.

Гораздо реже встречаются умеренно-оптимистичные прогнозы:

Скорей всего единственная проверка которая требуется для принятия нас звездами – это достаточный уровень технологического развития)) Все остальное идеализм не совместимый с реальностью ни здесь ни там)) С технологическим развитием на этой планете все нормально, так что вопрос в основном сводится к «когда»))

ИМХО, мечта о звездах – то есть о межзвездных перелетах и о встрече с иным разумом – никуда не делась. Изменились наши знания о космосе. И теперь мы знаем, что не так это просто. И что прежде чем проходить проверку на принятие звездами, надо еще научиться в космосе жить. И освоить Солнечную Систему. А это уже не фантастика получается, а какой-то производственный роман. Без

всяких инопланетян (в Системе их нет). Зато с массой зубодробительной информации...

К непреодолимым трудностям, кроме объективных физических, технических, относят субъективные – общественно-психологические: авторы СК₂ подчеркивают (часто – с болью), что у современной молодежи интересы исключительно земные, потребительские:

Какие звезды, боже мой, когда мой сын в 16 лет впервые приехал на новополученную мной дачу у него шок был: а че тут делать???? Интернета нету, телефон еле тянет, ужас ужас, верните меня обратно к компьютеру и дайте бургер, а то у меня взорвется мозг. Пришлось идти на уступки, проводить интернет на дачу и медленно, трудно и долго учить забивать гвозди, пилить дрова и самое главное – учить любить ручной труд. Советское образование давало совсем другой опыт.

Да, я тоже воспитывался на упомянутых фильмах и зачитывался фантастикой. А сейчас внуков делает дебилами «смарт»фон. Купил им телескоп, микроскоп, лодку надувную, пневматическое ружье, всё о чём сам мечтал в детстве. Их не интересует НИЧЕГО! Только втыкание в экранчик. Не любят читать, прочитанного не понимают даже из школьной программы.

Как результат – некоторые авторы СК₂ мечтают вернуться в социализм:

Наша страна захвачена капиталистами, а капиталистам не выгодно вложения которые окупятся только после их жизни, им важна сиюминутная выгода, только социальная страна, такая как у нас был СССР, может вкладывать деньги в будущее

Правильные мечты о звездах были лишь в начале космической эры в СССР и немного в соц. странах. На западе эти «мечты» в большинстве произведений сводились к примитивным инстинктам западной расистско-фашистской цивилизации: забросать водородными бомбами, завоевать, покорить. Поэтому не согласен, что западные опусы типа «Звездных войн» увлекательны. Они абсолютно антинаучны, т. к. описывают феодальные отношения в масштабе Галактики.

То было время героическое. Стране нужны были герои, покорители неизведанного. Потому и советская фантастика сейчас кажется такой наивной. И те мечты и те устремления... современному обществу нужны квалифицированные потребители, а не герои и создатели. Никуда мы не улетим, пока не похороним капитализм. Только смерть, войны и беды будут на нашем пути. А капиталистам космос не нужен.

Значение религии, мифологии и т. п., наряду с идеологией, наполняющих содержание многих оценочных шкал в литературе и словесности в целом, для СК₁ и СК₂ весьма трудно поддается определению. В СК₁ эта тема почти не поднимается, только изредка

авторы высказываются в духе официально принятого государственного атеизма:

Вечно движение во вселенной, бесчисленны его формы. И человек вносит свой «посильный» вклад. Ибо только «пути господни неисповедимы». А пути небесные вполне поддаются не только расчету, но и освоению.

По сути эту же точку зрения разделяют те (немногие) авторы СК₂, кто подвергает резкой критике «засилье поповского мракобесия» в современной культуре:

А что Вы хотите от периода мракобесия? Люди стремились к познанию, к научным исследованиям. А теперь попам поклонны бьют.

С другой стороны, в СК₂, в отличие от СК₁, иногда слышен голос религиозных деятелей (ими высказываются разные мнения: от прямо-запретительного до «в принципе можно, но это не должно уводить от главного – Бога и спасения души»)⁵ Здесь следует упомянуть и такую квазинауку, как **астрология**: в советский период астрология если не была под прямым запретом, то лишь иронично упоминалась наряду с другими лженауками; сейчас же астрология более популярна у массового читателя, чем астрономия, но в современной словесности они идут скорее независимо друг от друга.

Язык: общая характеристика

Именно язык составляет наиболее очевидное отличие СК₁ и СК₂.

Язык отражает изменившиеся ценности, о которых шла речь выше. К космосу в СССР относились серьезнее, чем в современной России, и требования к языку были выше, например, существовала не только цензура, но и тщательное редактирование. СК₁ присуща большая забота о форме речи, которая нередко имеет характер художественной, в отличие от СК₂, где, хотя тоже немалое место занимает экспрессия, она скорее ориентирована на грубость и эпатаж, чем создание художественных образов.

Одно из главных отличий СК₁ составляет «советский язык», организуемый категорией **партийности** [9: 91–92]. Как уже говорилось, пафос и идеологемы составляют довольно заметную часть СК₁:

108 минут продолжался этот феерический полет. Но какие это минуты! За каждой из них стоят века борьбы, труда, поисков, упорной работы тысяч

лучших умов Земли. Мечты людей о ковре-самолете, работы Леонардо да Винчи, гибель Джордано Бруно, законы Ньютона и Эйнштейна, шар братьев Монгольфье и самолет Можайского, труды Циолковского, подвиги Чкалова, усилия всей страны, создавшей чудо-ракеты и чудо-корабли, – и вот новый этап в раскрытии тайн природы, и какой этап!

Корабль вела твердая рука человека, который однажды уже выиграл бой с Космосом. Только опытному летчику можно было доверить новый корабль. И Герой Советского Союза полковник Владимир Михайлович Комаров первым среди наших космонавтов вторично поднялся по трапу, чтобы покорить околоземное пространство и проложить дорогу к звездам.

Их дело продолжает все человечество. Ибо люди всегда будут стремиться познать окружающий их мир. И покорить его.

Мы – люди космической эры, мы смогли.

Чем больше таких романтиков в Космосе, тем ближе становятся звезды!

В СК₂ нет ни пафоса, ни идеологем.

Экспрессия

СК₁ присуща упорядоченная и возвышенная экспрессия (сдержанность и стоицизм как в описании трудностей, так и выражении восторга); СК₂ – довольно эклектичное сочетание «языка фактов» – сухого, неэкспрессивного, с большим количеством цифр – и развязной до разнузданности экспрессии: педалируются богатые, но хаотичные и часто низкие эмоции (смех, насмешка, довольно злая ирония, презрение, брезгливость, страх, истерика) (особенно, конечно, в комментариях к блог-постам, но и в самих постах тоже):

Залипательная астрономия: От чего весь мир не может оторвать глаз на новых снимках Webb: Полученные изображения поразили даже тех, кто наблюдает и исследует галактики многие десятилетия.

Отсутствие женщин в космосе может быть сложной проблемой, но очевидно, что она не непреодолима. В невесомости происходят физиологические изменения и, в частности, иначе распределяются жидкости в организме – равномерно по всему телу. Лодыжки, бедра и талия становятся тоньше, а грудная клетка и груди у женщин – больше. К сожжению, лицо тоже распухает. Если внимательно посмотреть на астронавтов, заметите, что они как будто с похмелья. Огромный стояк? Пару раз я просыпался, и мой член стоял так, что я мог бы сверлить им криптонит (Криптонит – твердый ми-

⁵Выход в космос может не только служить антирелигиозной пропаганде, как это было в Советском Союзе, но и способствовать усилению религиозного чувства, убежден секретарь Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества, священник Михаил Дудко: «Одно я могу сказать: не все исчерпывается деньгами и экономикой. Нельзя оценить в рублях полет Гагарина и наше первенство в космосе, которое в очень многих вселило гордость за свою страну и чувство патриотизма» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/104666.html>).

нерал зеленого цвета с фантастической планеты Кrypton – родины Супермена).

Как все-таки космонавты ходят в туалет? Оказывается, главное в этом деле – поток воздуха. Снимают штаны... Открывают иллюминатор... И высовывают свою сраку...

Ср. заголовки статей:

Сколько стоит отправка посылок на Луну; 10 наиболее дорогих научных проектов в истории; 111 интересных фактов о космосе; 10 простых доказательств того, что Земля круглая; Любая возможная форма жизни на планете Проксима b только что была уничтожена; Решена 40-летняя загадка странного радиосигнала из космоса; Самые удивительные фотографии Земли из космоса за всю историю наблюдений; Второй запуск космического корабля Starship прошел успешно, но потом прогремел взрыв; Чем пахнет в космосе – астронавты дали подробный ответ; Илон Маск планирует строить новые Starship так же часто, как Boeing выпускает 737-ю модель самолёта. Но зачем?

В СК₁ немыслимы ни такая экспрессия, ни такие заголовки.

Главная цель экспрессии СК₁ – создание картины могучей грозной красоты; в СК₂ такой эстетики почти нет (хотя много изумительных фотографий и видеороликов из космоса).

Словарь

Перегруженности терминологией нет ни в СК₁, ни в СК₂ (табл. 2).

Особенно показательные, на наш взгляд, слова и частотности выделены жирным: так, сразу обращает на себя внимание довольно большое количество в СК₁ и отсутствие или почти отсутствие в СК₂ слов *успех*, *рекорд*, а также *необходимо*, что предстает вполне логичным, учитывая отмеченные выше общую картину и тенденции (связанные с более общими общественными тенденциями или вне связи с ними). Обратная картина – относительно большое количество в СК₂ и заметно меньшее количество (или отсутствие) в СК₁ слов *проблемы*, *деньги*, *маркетинг*. Образ читателя как недоверчивого обывателя отражается в частотности идиом *в действительности*, *на самом деле*. С другой стороны, наводит на размышление больша́я (больше, чем ожидалось) частотность *мечта*, *герой* не только в СК₁, но и в СК₂. Заслуживает внимания прилагательное *советский*, частотное и в СК₁, и СК₂, однако в совершенно разных контекстах и с разными оценками: в СК₁ оно было нейтрально, в СК₂ – экспрессивно.

Значимы отдельные **формы слов**: ниже приводятся количества для СК₁, в СК₂ таких форм нет или почти нет: *создали* 20, *удается* 19, *выяснилось* 14, *предстал* 12,

Таблица 2 / Table 2

Словарь

Dictionary

Слово / идиома	СК ₁	СК ₂
астроном(ы)	45	17
астрофизик(и)	6	0
безнадёжно	1	0
бесполезно	1	0
бессмертный	3	0
будущее	37	29
в действительности	4	31
воровство	0	0
вспышка	9	8
галактика	63	46
герой	47	34
громадный	24	5
деньги	1	9
достижение	9	11
единственный	18	9
загадочный	13	4
заработок	1	0
звезда	254	148
Зодиак	3	0
карьера	0	3
квазар	28	2
километр	180	26
маркетинг	0	15
мертвый	1	0
мечта(ть)	57	59
на самом деле	1	34
недавно	14	6
необходимо	19	1
(не)обыкновенный	5, 7	0, 0
(не)обычный	8, 34	3, 2
необъяснимый	1	3
непонятный	6	11
обыватель	1	0
оптимист	3	0
парсек	7	5
подвиг	10	1
привлекательный	1	0
проблемы	18	31
пустыня	15	6
разгильдяйство	0	0
рекорд	17	23
родной	35	12
рядовой	4	0
сенсация	4	0
скептик	4	1
советский	55	34
спектр	14	2
сюрприз	3	5
тайна	13	4
таинственный	12	0
успех	17	1
ученый, ученые	75	51
физик	23	6
юный	0	1

умеет 12, подтвердились 11, предстоит 9, почему бы нет? 4, хорошее/очень неплохое начало 3, (у нас) все еще впереди 2, И все же выход есть 1.

Конкретные языковые категории: будущее время

Особенно значимой для СК₁ является форма **будущее время глагола в изъявительном наклонении** (т. е. реальной модальности), использование которой подчеркивает уверенность автора текста в том, что «так и будет», «всё получится» (см.: [10]):

Человек скоро сам **заглянет** в лунные кратеры, в этом нет никаких сомнений. **Пройдет немного лет**, и ослепительный лунный серп **перестанет быть вопросительным знаком**, горящим на звездном небе.

Пройдут годы, и по трассам, проложенным автоматическими межпланетными станциями, **устремятся** к Марсу и Венере корабли с людьми. А автоматы-первопроходцы **будут вести разведку** удаленных планет солнечной системы.

Путь в царство «белолицей красавицы» проложен. По этому пути **пойдут** другие корабли и станции, которые **принесут** новые сведения о таинственной планете.

«Космические тротуары» **станут когда-нибудь** удобным и самым обычным средством транспорта.

Конечно, точно попасть в эту точку – да еще так, чтобы скорость была равна нулю, очень трудно. Но небольшие промахи не опасны, потому что космический корабль **будет «захвачен»** точкой либрации и **начнет двигаться** около нее. И вот уже не только около Земли, но и далеко от нее, на расстоянии около 380 000 километров, **возникнет** перевалочный пункт, полустанок на трассе Земля – Большой Космос.

В СК₂ такого будущего времени нет.

Исключение – желтоватые публикации о ясновидящих и подоб.:

44-летний петербуржец Станислав Ильин однажды якобы увидел будущее и предсказал, что первая встреча с инопланетянами **произойдет** в Москве, после чего человечество **перейдет** на новый виток развития. С его слов, наша страна **заселит** Марс и **назовет** свою колонию Россия-2. Она **будет крупнейшей в своем роде**, и в ней **примут участие** не менее 5 тысяч отечественных ученых. Российско-китайская база на Луне по размерам **будет сравнима с целым городом**.

Олицетворения и метафоры

Главным источником антропоморфных метафор в СК₁ и СК₂ является разный образ человека, представления о нем, описанные выше.

Планеты, Солнце, созвездия в СК₁ часто представляются в виде людей, в том числе на иллюстрациях (влияние мифологии, которая, впрочем, подается в СК₁ с иронией) (рис. 2, 3).

Обращает на себя внимание большая роль в СК₁ **метафор детства** (практически отсутствующих в СК₂): человек (человечество) представляется как оптимистичный, смелый, бодрый и любопытный **мальш** (это подчеркивает и огромность Вселенной по сравнению с человеком; такие и многие иллюстрации (рис. 4):

Человек, достигший Марса и собирающийся лететь к Проксиме Центавра, подобен ребенку, который сделал несколько шагов от колыбели и собирается идти пешком из Москвы в Ленинград.

Маленьких детей водят за ручку. Они еще не умеют ходить и спотыкаются на каждом шагу. А когда ребенок устанет, заботливые родители берут его на руки. Хорошо детям! Их учат жить и готовят к трудностям жизни. Такие же неж-

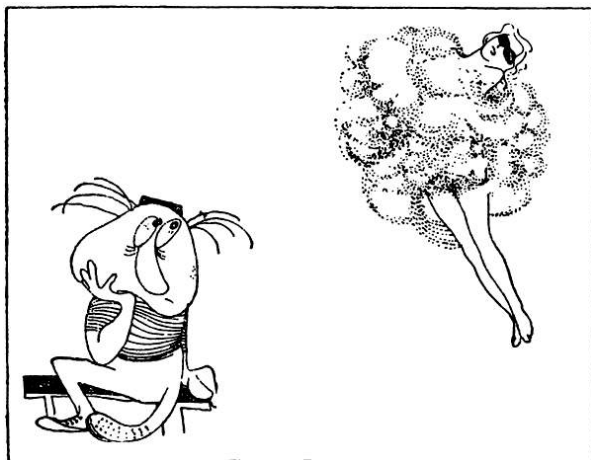

Рис. 2 / Fig. 2

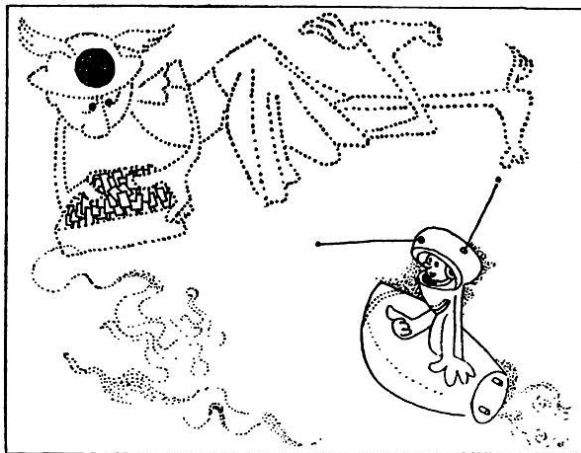

Рис. 3 / Fig. 3

ные чувства проявляет человек к творениям рук своих. Люди работают на станках, водят паромы, автомашины! И все же следить за всем очень утомительно; проще было бы, если б без участия человека варилась сталь, работали станки и мчались железнодорожные составы. Но это пока мечта. Даже самолеты до сих пор водят за «железные ручки».

Рождение первенца помнят все. Фотография новорожденного обошла газетные полосы пяти континентов мира. Его тоненький голосок «бип-бип» слушали радиостанции всей планеты. Дату запуска второго и третьего назовет теперь не каждый. Привычными стали торжественные позывные Московского радио и ликующий голос диктора, читающего сообщение ТАСС. Сейчас рождение их младших братьев, которым дают имена «Космос» номер такой-то, можно заметить только по коротким сообщениям в газетах и по радио. Они рядовые труженики космического фронта. Трехзначной цифрой выражается номер очередного посланца Земли.

Проблема питания в космических полетах очень важна, но в ее решении сделаны лишь первые шаги.

Ирония

Иронии, в том числе злой, черноватой и черной, на порядок больше в СК₂, как и в целом в постсоветской словесности:

Понятно, зачем человечеству космос. Созреть все до чего дотянется и загадить все, до чего долетит струя. А вот человечество то космосу нафиг сдалось? Добрые инопланетяне не прилетят. Прилетят недобрые. То есть те, которым тоже от нас что то надо. Точнее, они давным-давно тут.

Да нет нигде ничего в обозримом будущем. Хотя, травка в этом помогает. Также братьев по разуму легко можно найти с помощью белочки. А небратья без разума обитают по соседству в бандеровском гадюшнике.

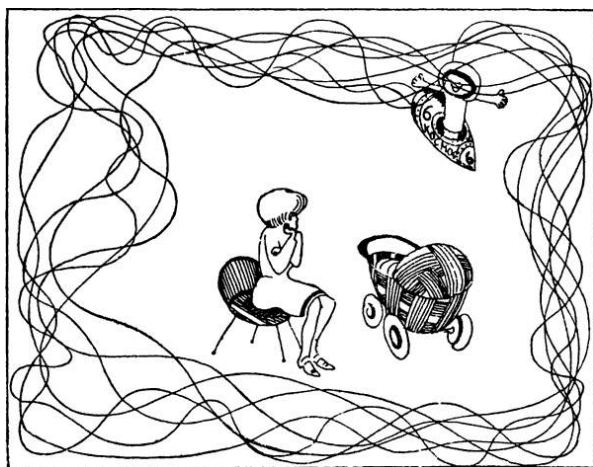

Рис. 4 / Fig. 4

В СК₁ иронии было меньше, и она была тоньше, немало было и симпатичной **самоиронии**:

Нет, напрасно обижали кометы, страшись и проклиная их. Неслышно и безобидно скользят они в пространстве, а если и задевают планеты, то те даже не замечают этого, как не заметила Земля в 1801 и 1910 годах. Если же кто-нибудь захочет дожидаться столкновения с ядром кометы, то ему нужно прожить лишь... 80 миллионов лет. Вряд ли подобных энтузиастов будет много.

Ср. и иллюстрации (загорающие-ёжащиеся космонавты и т. п.) (рис. 5).

Как уже говорилось, с добродушной иронией подавалась античная мифология (названия созвездий, планет), астрология и др. «заблуждения невежественного прошлого».

Прецедентные тексты и имена

Богатством и разнообразием прецедентных текстов отличаются только СК₁:

- конкретные тексты, в том числе поэтические (много прямых цитат из эстрадных, авторских, бардовских и т. п. романтических песен, очень популярных в 1960-е гг. («На пыльных тропинках далеких планет...»);
- все главы книги сопровождаются стихотворными эпиграфами (М. Лермонтов, Ф. Тютчев, В. Маяковский, Р. Рождественский, П. Неруда);
- упоминания конкретных известных людей разных эпох, знаковых для космического движения, в том числе непосредственно первых космонавтов (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, Н. И. Кибальчич, Ф. А. Цандер, С. П. Королев);
- произведений художественной литературы, прежде всего научной фантастики (Жюль Верн, А. Беляев, А. Н. Толстой), но не только (например, целая глава посвящена Сирано де Бержераку);

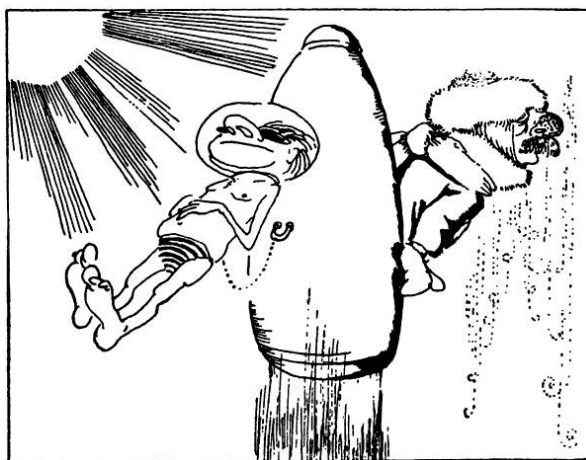

Рис. 5 / Fig. 5

• фольклор (пословицы, сказки) и античная мифология. Ср.:

Имя царя богов, понятно, не могли дать первой попавшейся планете: масса всех околосолнечных миров в два с лишним раза меньше массы одного Юпитера. В восьмистах миллионах километров от Солнца плывет по своей орбите этот громадный шар. Плывет не торопясь, окруженный свитой из 12 спутников, и примерно за 12 лет совершает оборот, который юркая Земля делает за год.

Старая восточная пословица гласит, что «мир – как большая ветряная мельница: он все время вращается». Вращаются планеты, Солнца, галактики, вращаются и квазары. Именно вращение, оказывается, может продлевать жизнь этих сверхзвезд. Результаты, полученные советскими учеными, убедительно показывают, что звезда не разрушится, даже если под действием вращения начнется истечение вещества с ее экватора.

«Страшна гибель в геенне огненной, но блажен пребывающий у очага». Или: жить в печке – плохо, а около печки – хорошо. Авторы старинной премудрости, сами не подозревая, сформулировали суть проблемы жизни в Космосе: раскаленные атомные котлы звезд, согревающие холодные планеты.

Все это многообразие практически не представлено в СК₂: ожидаемо частотны только упоминания фантастических книг и (особенно) фильмов, как отечественных, так и западных:

Ведь важна не столько сама по себе мечта о полетах к звездам, но и цель этого полета. Вслед за авторами и героями любимых книг и фильмов, мы считали, что к звездам нужно и можно лететь только за знанием, за установлением контактов с братскими цивилизациями и в, конечном счете, за увеличением счастья и уменьшением несчастий. Да, и во времена нашего детства и юности мы читали западную фантастику и смотрели фильмы, такие как «Ангар-18», «Козерог-1», «Властелины времени», где космос становился ареной борьбы за власть, его использовали в своих низменных целях разные политики и торгаши, но мы-то знали, что на самом деле все будет не так, а как показано в наших фильмах и написано в наших книгах. <...> А вот те, кто пришел за нами, были уже уверены в обратном. То есть, мечта о звездах даже не умерла. С нею произошло кое-что похуже. Она изменила свое содержание. Да, были фильмы, вроде «Контакта», снятого по одноименному роману Карла Сагана, но о чем этот фильм? О том, что те же политики готовы на любую подлость, лишь бы отнять у людей саму надежду на братский союз с иным разумом. Да, есть долгоиграющий «Звездный путь», где вроде благополучное человечество с помощью Звездного флота старается уладить разного рода конфликты в Галактике, но, положи-

ру на сердце, вы верите, что из нынешней цивилизации вырастет мир хотя бы «Звездного пути»?

Настоящее рассмотрение языка СК₁ и СК₂ имеет начальный характер. Более глубокое исследование – дело будущего.

Заключение

Тема космоса продолжает интересовать самые широкие круги читателей.

Научно-популярные статьи о космосе советского и постсоветского периодов значительно различаются – настолько, что есть основания считать СК₁ и СК₂ разными жанрами, а для их анализа привлекать разные методы, категории, ценностные шкалы (точнее, привлекать разные параметры интегральной речежанровой модели).

С лингвистической точки зрения сочетание информативности и экспрессии, присущее научно-популярному жанру, сохраняется и в СК₁, и в СК₂, хотя их соотношение и конкретное языковое выражение различаются не менее значительно, чем в советской и постсоветской словесности в целом. Не были чужды сенсационности и СК₁ (в книге «Маленькие рассказы о большом космосе» несколько глав посвящены загадкам прошлого, Тунгусскому метеориту и т. п.), хотя в целом тональности сенсационности в СК₂ значительно больше. Складывается впечатление, что СК₂, шире – любые современные публикации о космосе для привлечения массового читателя необходимо сопровождать чем-то «более интересным, чем космос»⁶.

Всё это, очевидно, является следствием изменившегося представления о человеке, чей подчеркнута экспрессивный образ, наряду с образом Космоса, является содержательным центром и СК₁, и СК₂.

Как было показано в нашей статье о научно-популярных статьях про животных в советской печати XX в. и Рунете XXI в. [7], если современный российский жанр научно-популярной статьи о животных практически совпадает с мировым, то советский – во многом уникальное безэквивалентное явление, проистекающее из уникальности советской словесности, в свою очередь, производной от структуры (в том числе ценностной) советского общества, реальных и декларируемых прав и обязанностей советского человека, а также его реальных и декларируемых

⁶Ср. рецензию на современный «космический» фильм «Вызов» (2023) в «Комсомольской правде»: «Лошадинами сантиментами сценарист Бакурадзе, кажется, решил отзеркалить «Экипаж». Там сцены в воздухе были такой несусветной пургой, что сценаристы Дунский и Фрид намеренно смещали внимание к земной жизни экипажа. Сцены космического экстремала в «Вызове», напротив, глушат такой натуральностью, что на земную половинку надо слить всю нежность мира для чувствительных тетушек» (<https://www.kp.ru/daily/27490.5/4749354/>).

качеств, психологических и речекоммуникативных характеристик и т. п. [Там же: 55–56].

Соотношение СК₁ и СК₂ несколько иное: СК₁, безусловно, такое же уникальное безэквивалентное явление, как СЖ₁, даже более уникальное (например, обнаруживает черты обращения к потомкам в капсуле времени); что же касается СК₂, этот жанр, полагаем, тоже отличается от общемирового – частотны сравнения с собственным прошлым (в том числе отраженным непосредственно в СК₁).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Сюжетная символика повествования о полетах в космос // Язык и культура. 2022. № 60. С. 22–37. <https://doi.org/10.17223/19996195/60/2>
2. Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики. М. : Едиториал УРСС, 2004. 237 с.
3. Хоруженко Т. И. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 761–775. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.406>
4. Harris-Fain D. Understanding Contemporary American Science fiction: The Age of Maturity, 1970–2000. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 2005. 220 p.
5. Scholes R. The Roots of Science Fiction // Speculations on Speculation: Theories of Science Fiction / eds. J. Gunn, M. Candelaria. Maryland : Scarecrow Press, 2005. P. 205–217.
6. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>
7. Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о животных: речевые характеристики и их динамика (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 43–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM
8. Дементьев В. В. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 132–149. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.452>
9. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ риторика. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. 212 с.

10. Сухомлина Т. А. Функционально-семантическая категория футуральности в современном английском языке: текстообразующий аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2017. 349 с.

REFERENCES

1. Karasik V. I. Subject plot symbolism of narratives about space flights. *Language and Culture*, 2022, no. 60, pp. 22–37 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19996195/60/2>
2. Frumkin K. G. *Filosofiya i psikhologiya fantastiki* [Philosophy and psychology of fiction]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 237 p. (in Russian).
3. Khoruzhenko T. I. The forced happiness of space colonization: The Soviet project in science fiction. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 761–775 (in Russian). <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.406>
4. Harris-Fain D. *Understanding Contemporary American Science fiction: The Age of Maturity, 1970–2000*. Columbia, South Carolina, University of South Carolina Press, 2005. 220 p.
5. Scholes R. The Roots of Science Fiction. In: Gunn J., Candelaria M., eds. *Speculations on Speculation: Theories of Science Fiction*. Maryland, Scarecrow Press, 2005, pp. 205–217.
6. Dementyev V. V. *Integral'noye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
7. Dementyev V. V. Popular science articles about animals: Speech genre characteristics and their dynamics (on the material of the Soviet press of the 20th century and publications in Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 43–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>, EDN: QKKNUM
8. Dementyev V. V. Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 132–149 (in Russian). <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.452>
9. Romanenko A. P. *Sovetskaya slovesnaya kul'tura: obraz ritora* [Soviet verbal culture: The image of a rhetorician]. Saratov, Saratov State University Publ., 2000. 212 p. (in Russian).
10. Sukhomlina T. A. *Functional-semantic Category of Futuralism in Modern English : Text-forming Aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Samara, 2017. 349 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 25.10.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 25.10.2024; published online 30.05.2025

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 152–160

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 152–160

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

Научная статья

УДК 821.161.1-1-3.09(574)+929

Прозиметрум: синкретизация жанров в казахстанской русскоязычной поэзии

З. К. Темиргазина¹✉, Е. П. Гаранина¹, А. К. Матаева²

¹Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана, Республика Казахстан, 140002, г. Павлодар, ул. Олжабай батыра, д. 60

²Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Сатбаева, д. 2

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор высшей школы гуманитарных наук, temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Гаранина Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель высшей школы гуманитарных наук, kate1917@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Матаева Асель Камчыбековна, докторант кафедры казахской литературы, asyl_mataeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3470-0756>

Аннотация. В казахстанской русскоязычной поэзии второй половины XX века отмечается активизация использования прозиметрума. Это обусловлено, во-первых, постмодернистскими поисками новых художественных эстетических форм; во-вторых, влиянием казахской поэзии с ее типичным силлабическим стихосложением, при котором поэзия и проза дифференцируются нечетко. Русскоязычные поэты, применяя прозиметрум, органично совмещали русские поэтические традиции с казахскими. Соединение прозы и поэзии в рамках одного поэтического произведения наблюдается в творчестве Олжаса Сулейменова, Бахытжана Канакпьянова, Бахыта Каирбекова и т. д. Прозиметрум применялся как поэтический прием, как способ поиска новых выразительных форм, одновременно он способствовал синкретизации традиционных жанров, например, притчи и предсмертной песни, предания и поэтического айтыса («поэтического соревнования») и т. п. В результате симбиоза появились своеобразные синкретические лироэпические и лирические жанры. Художественно-эстетический потенциал прозиметрума дал возможность казахским поэтам реализовать постмодернистские тенденции в выражении реального мира и «неустойчивой» реальности, в создании «текста в тексте», в реализации метатекстовой функции, в усложнении субъектной структуры художественного текста с помощью приема самореференции и т. д. В синкретических жанрах прозаический фрагмент чаще всего представляет собой метатекстовый комментарий автора, касающийся последующих поэтических строк. Казахские поэты в полной мере использовали «технические» возможности прозиметрума в создании своеобразного «неровного», прерывистого ритма путем чередования прозаических и поэтических фрагментов. Этот ритм стал одним из существенных признаков синкретических жанров в казахстанской русскоязычной поэзии.

Ключевые слова: прозиметрум, синкретический жанр, казахская русскоязычная поэзия, постмодернизм, метапроза, самореференция

Благодарности. Исследование финансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН AP23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Для цитирования: Темиргазина З. К., Гаранина Е. П., Матаева А. К. Прозиметрум: синкретизация жанров в казахстанской русскоязычной поэзии // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 152–160. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Prosimetrum: Syncretization of genres in Kazakh Russian-language poetry**Z. K. Temirgazina¹✉, Y. P. Garanina¹, A. K. Matayeva²**¹A. Margulan Pavlodar Pedagogical University, 60 Olzhabaj batyr St., 140002 Pavlodar, Republic of Kazakhstan²L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaeva St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan**Zifa K. Temirgazina**, temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>**Yekaterina P. Garanina**, kate1917@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>**Assel K. Matayeva**, asyl_mataeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3470-0756>

Abstract. The article analyzes the activation of the use of prosimetrum in Kazakhstan Russian-language poetry of the second half of the twentieth century. We believe that this is due to, firstly, postmodernist search for new artistic forms, and secondly, the syllabic principle of versification typical of Kazakh poetry, in which poetry and prose are not clearly differentiated. Kazakhstan Russian speaking poets, using prosimetrum, organically combined Russian poetic traditions with Kazakh ones. The combination of prose and poetry within one poetic work became popular in the works of poets of the second half of the 20th century: Olzhas Suleimenov, Bakhytzhan Kanapyanov, Bakhyt Kairbekov, etc. Prosimetrum was used not only as a poetic device, as a way of searching for new expressive forms, but also contributed to the transformation of traditional genres, for example, the symbiosis of a parable and a dying song, a legend and a poetic aitys (“poets’ competition”), etc. As a result of syncretization, unique lyric-epic and lyrical genres of prose poetry appeared. The artistic and aesthetic potential of prosimetrum gave Kazakhstan poets the opportunity to realize postmodernist tendencies in expressing the real world and unstable reality, in creating a “text within a text”, in incorporating metaprose into a work, in complicating the subjective structure of an artistic text using the technique of self-reference, etc. In prose poetry, a prose fragment most often represents a metatextual commentary of the author, characterizing the poetic lines in terms of their source, origin, authorship, genre, and other parameters. Kazakhstan poets made full use of the “technical” possibilities of prosimetrum in creating a specific “uneven”, intermittent rhythm by alternating prose and poetic fragments. This rhythm became one of the specific features of the syncretic genre of prose poetry in Kazakhstan Russian-language poetry.

Keywords: prosimetrum, syncretic genre, prose poetry, Kazakhstan Russian-language poetry, postmodernism, metaprose, self-reference

Acknowledgments. The study was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, grant IRN AP23487222 “Transcultural Russian-language literature of Kazakhstan as part of the world literary mainstream”.

For citation: Temirgazina Z. K., Garanina Y. P., Matayeva A. K. Prosimetrum: Syncretization of genres in Kazakh Russian-language poetry. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 152–160 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-152-160>, EDN: KFCAEC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В теоретических изысканиях литературоведов значительное внимание уделяется проблеме взаимодействия двух основных видов художественной речи – прозы и поэзии. Эксперименты с формами художественной речи касаются прежде всего поэтической речи, ее жанров, что, на наш взгляд, связано с тем фактом, что техника поэтической речи более формализована, конкретизирована в категориях размера, метра, способа стихосложения. Именно поэтому ее трансформация более доступна и заметна. Немаловажно и то, что поэзия всегда ограничена в объеме. Проза же менее формализована, менее подчинена техническим правилам, она формально совпадает с устной разговорной речью.

Кроме того, объем прозаического произведения, как правило, намного значительнее, чем в стихотворениях, что также может служить препятствием для удачного экспериментирования с прозой. Ю. Б. Орлицкий отмечает невозможность сплошной метризации больших прозаических текстов: «Сплошная же метризация, способная организовать целиком относительно небольшие тексты <...>, в условиях увеличения текста неизбежно приводит к появлению метризованной прозы, т. е. такой, в которой метр постоянно выкристаллизовывается, а затем вновь растворяется в нейтральной среде» [1: 59].

Таким образом, попытки трансформации прозаической речи ограничены: «прозаизировать» ее более невозможно. Соответственно,

ее трансформация двигалась в сторону «поэтизации», т. е. сводилась к сближению с поэтической речью. Так появляется метризованная, или метрическая проза. С. И. Кормилов называет ее «маргинальной» и определяет ее как «организацию речи, при которой стопный или другой горизонтальный ритм <...> не сопровождается регулярным, упорядоченным членением на соизмеримые отрезки фразового характера» [2: 86].

Одной из важнейших тенденций в современной русской поэзии является процесс прозаизации, противоположный поэтизации и метризации. Исследователи отмечают связанность этих процессов с авторскими художественными задачами: «Прозаизация стихотворных текстов и поэтизация прозаических – явление, связанное не столько с формальными показателями (например, ритмизация прозы), сколько с внутренним смыслом текста, с особой эстетической установкой автора, его эмоциональной и мировоззренческой сущностью» [3: 114].

Наибольший интерес проблема трансформации поэзии и прозы вызвала у поэтов и писателей конца XIX – начала XX в., поскольку классическая система стихосложения перестала соответствовать их эстетическим запросам: «И это однообразие классического стиха давно уже почувствовали французские символисты, создатели свободного стиха, так называемого “верлибра”» [4]. М. Зенкевич, говоря об изменениях в русской поэзии рубежа XIX – XX веков, предлагает использовать термин «прозостих». На сегодняшний день сложилось традиционное понимание прозостиха как метризованной прозы, т. е. организованной с использованием размера и стихотворного метра прозы. Классическим образцом прозостиха считается произведение М. Ю. Лермонтова 1832 г. «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..», построенного на трехдольном дактиле [2: 86].

Рассматривая отношения поэзии и прозы, литературоведы используют также термины «прозиметрия», «прозиметр» или «прозиметрум» от лат. *prosimetrum*, *prosa* (*oratio*) – проза и *metrum* – стих. А. В. Журбина определяет прозиметр как «литературную форму, в которой стихотворные фрагменты чередуются с прозаическими. Термин “П.” используется с 12 в. Античные истоки П. в творчестве Мениппа» [5]. Исследователи считают истоками прозиметрума фольклор: сказания, саги, легенды и т. д. [6].

Достаточно изученной областью использования прозиметрума является русская литература XVII – XIX вв. [1, 7, 8], французская литература эпохи Ренессанса [9, 10], средневековая немецкая литература ранней и позднейшей эпохи [11]. Несомненно, говорю

о прозиметруме, мы должны назвать книгу под редакцией J. Harris и K. Reichl [12], в которой представлены компаративные исследования смешанных прозаических и стихотворных произведений в литературах Европы и Востока от классической культуры до XIX в. Значимой для нашего исследования является работа С. D. Eckhard [13], ориентированная на выявление эволюции прозиметрических жанров, сложившихся в творчестве Бозция и Бозса. Автор изучает влияние прозиметрума на жанровую сторону средневековых произведений. Некоторые исследователи, анализируя современную литературу, например, произведения Дж. Р. Толкиена, обнаруживают в них прозиметрический стиль (*the mixed style*) (см., например, [14]). Сегодня расширяется комплекс инструментов изучения метра и семантики поэзии и прозы. Так, P. Plecháč, R. Kolár [15] применили искусственный интеллект для анализа художественных текстов чешских постсимволистов через топическое моделирование в программе LDA.

Итак, в современном литературоведении понятие прозиметрума толкуется широко, не сводясь к верлибру, прозостиху или метризованной, ритмической прозе. В статье мы представляем результаты анализа произведений казахских русскоязычных поэтов постмодернистской эпохи, в которых использован прозиметрум. Активизация использования прозиметрума наблюдается в казахстанской поэзии во второй половине XX в. Это обусловлено поисками новых форм выразительности и влиянием идейно-эстетических тенденций постмодернистской эпохи. L. Ives, утверждая давность и разнообразие традиций объединения стихотворений и прозы в синкретические произведения, справедливо связывает эту практику в современной литературе с постмодернистским влиянием и называет прозиметрические произведения «postmodern novel» [16]. Активизация применения прозиметрума в практике казахских русскоязычных поэтов является частью общего процесса прозаизации стихотворных произведений, характерной и для современной российской поэзии. Наиболее важный результат использования прозиметрума, на который мы делаем акцент в нашем исследовании, – это синкретизация поэтических и прозаических литературных жанров.

Несмотря на достаточно детальную изученность творчества казахстанских поэтов второй половины XX в., в частности, О. О. Сулейменова, Б. М. Канапьянова, Б. Г. Каирбекова, Б. Кенжеева и других, проблема влияния прозиметрума на жанровую сторону произведений не исследовалась.

Итак, цель нашей статьи – исследовать влияние прозиметрума на синкретизацию традиционных поэтических и прозаических жанров в казахстанской поэзии второй половины XX в. Полагаем, что затронутая проблема затрагивает более широкий круг вопросов, в частности, использование метапрозы, приема «текста в тексте», самореференции и т. п.

Методы исследования

Взаимоотношения прозы и поэзии зависят от нескольких факторов. В первую очередь, от социально-исторических обстоятельств, в которых протекает литературный процесс; во-вторых, от личности автора, его склонности к экспериментированию с художественными формами, жанрами и т. п.; в-третьих, от литературных традиций, обусловленных в том числе объективными фактами, такими как, например, морфологический строй языка.

В статье в качестве основного метода используется структурный анализ художественного текста, позволяющий выявить особенности жанровой, композиционной, субъектной, ритмической и стилистической организации произведений. Кроме этого, применяется историко-литературный метод для характеристики особенностей казахстанского литературного процесса второй половины XX в.

Результаты и обсуждение

Ученые не раз описывали размытость границ между шаблонной прозой и стихом в тюркском устном повествовании и эпосе. J. Harris и K. Reichl, рассуждая о возникновении стиха среди тюркоязычных народов Центральной Азии и Сибири, отметили склонность к синтаксическому параллелизму агглютинативных тюркских языков, с легкостью превращающих параллельные сегменты речи в изосиллабический, рифмованный стих [12: 8]. И далее они приходят к выводу о генетической близости и недифференцированности стиха и прозы в древнетюркском языке: «Indeed, in some (presumably archaic) Turkic traditions epic verse is so irregular that, were it not for the mode of performance – namely a rhythmic chanting – it would often be indistinguishable from prose» [12: 8]. (Действительно, в некоторых (предположительно архаичных) тюркских традициях эпический стих настолько нерегулярен, что, если бы не способ исполнения – а именно ритмическое пение – он часто был бы неотличим от прозы. – Перевод наш. – З. Т., Е. Г., А. М.).

Таким образом, симбиоз стиха и прозы генетически свойствен казахскому языку, устным народно-поэтическим традициям, в которых отсутствует строгое противопоставление одного вида художественной речи другому. Казах-

ская поэзия, основанная на силлабическом принципе, т. е. на количественно-ритмической организации слогов в строке, не опирается на рифму и размер, поскольку казахский язык относится к языкам с константным ударением на последнем слоге слова, что затрудняет применение тонического стихосложения, как, например, в русском языке. См., стихотворение Ф. Қайырбекова «Таңғы романс» («Утренний романс»), в котором размер не определяется, рифмуются только 2-я, 3-я и 5-я строки, ритм создается определенным количеством слогов в строках:

«Таң келеді,
ақтық сөзің айтыпты' А'й,
Енді' өзің бұ'л аспанда' ба'р тұтпа'й.
Ө'ң ме'н түсті'ң арасында' жатты'ң се'н
Же'р ме'н аспа'н арасындағы' а'қ бұлт-
та'й» [17].

(Утро приближается,
сказала последние слова луна,
Теперь не найдешь себя на этом небе.
Ты лежишь между красками неба,
как белое облако между землей и небом. –
Перевод наш. – З. Т., Е. Г., А. М.).

Русскоязычные казахские поэты, усвоившие традиции русской силлабо-тонической поэзии и создающие произведения, основанные на этом способе стихосложения, тем не менее часто используют силлабику, свойственную традиционной казахской поэзии.

Синкретизация жанров

В анализируемых нами произведениях неметризованные прозаические строки сочетаются с поэтическими строками. Как говорилось выше, прозиметрум как художественная форма в определенной степени отвечает запросам постмодернизма, но, что особенно важно, она была близка морфологическому строю казахского языка, оказывающего влияние на русскоязычную поэзию авторов-казахов.

Инкорпорирование прозаических элементов в структуру стиха вызвано потребностью автора в метапрозаическом осмыслении художественного мира, в углублении самореференции автора, которые характерны для литературы постмодернизма [18, 19]. Используя метапрозу, автор комментирует мир, в котором пребывает персонаж, тем самым придавая тексту большую значимость за счет презентации внешнего взгляда на этот вымышленный мир. Р. Waugh полагает, что важнейшая функция метапрозы – акцентирование дихотомии между реальным миром и вымышленным художественным миром, в процессе которого возникают пародии, подрыв ожиданий читателя, альтернативный взгляд на ситуацию,

на состояние человека [20]. Частью метапрозы выступает самореференция, с помощью которой автор осуществляет эксперименты с позициями нарратора, рассказчика, моделирует свои отношения с вымышленными персонажами [21].

В результате симбиоза видов художественной речи возникают новые для казахской поэзии синкретические жанры. В них мы находим соединение в одном произведении прозаических жанров, таких как притча, легенда, предание, рассказ и т. п. и поэтических жанров, таких как песня, айтыс, элегия, эпиграмма, философское размышление и т. п. Отметим, однако, что иногда определение жанровой принадлежности прозаического или поэтического фрагмента затруднено в силу его небольшого объема (1–2 строки).

Важно подчеркнуть, что поэты используют прозу в ее исходной форме, не изменяя ее природу. Они не пытаются придать ей метрический характер, уподобляя поэзии или, по крайней мере, приближая к ней, как это происходит с верлибром или прозостихом. Поэт соединяет прозу и поэзию, исходя лишь из собственного идейно-художественного замысла, и этот синтез, несмотря на отсутствие попыток сблизить их, носит органичный характер. В процессе синкретизации жанров в равной степени используются преимущества обоих видов художественной речи.

Синкретические произведения обычно имеют небольшой объем. Это в некоторой степени свидетельствует об их изначальной принадлежности к поэтической речи. Еще одним немаловажным параметром выступают пропорции прозаических и поэтических фрагментов, их расположение и чередование внутри произведения. Несомненно, эти признаки носят формальный характер, тем не менее они играют определенную роль в передаче авторского замысла и идейного содержания прозиметрического произведения. Исследование показало, что в результате использования прозиметрума складываются два типа синкретических жанров, обладающие специфическими признаками: лироэпические и лирические.

Лироэпические синкретические жанры

Стихотворение Олжаса Сулейменова «Последнее слово акына Смета» [22: 255–256] можно считать одним из удачных образцов лироэпического синкретического жанра. В онтологии художественной идеи лежит нереальное, но достаточно распространенное для казахского общества XIX в. событие: юноша украл любимую девушку, выданную замуж против воли [23: 277]. Эта довольно тривиальная ситуация превращается в художественном осмыслении Сулейменова в нарратив о силе

искусства и любви, побеждающих косные обычаи и смерть.

Прозаическое начало произведения, состоящее из 4 абзацев, носит притчевый характер. После следует 41 поэтическая строка – песня молодого акына Смета. Завершается произведение прозаическим фрагментом притчи, в котором заложено основное моральное наставление. В первом прозаическом фрагменте, кроме фабулы, содержится метапрозаический комментарий, в котором говорится о песне молодого акына: «Смет, потирая затекшие руки, глядел на черный прямоугольник двери. И тихо пел последние слова» [22: 255]. Последняя песня Смета является кульминацией произведения. После нее снова следует метапрозаический комментарий: «Он пропел это одним дыханием, не напрягаясь и не торопясь. Его плечи и голова еще отчетливо печатались на мрачном небе. Днем он был некрасив, его образу не хватало голоса» [22: 256]. Услышав песню, старик Азербай оценил большой талант молодого акына. Он преодолел эгоистическое чувство обиды, отпустив с миром Смета и свою жену, хотя по степным законам он должен был совершить правосудие над похитителем жены.

Прозиметрум в анализируемом произведении имеет «рамочную» композицию: песня Смета помещена между двумя прозаическими частями притчи, представляя собой «текст в тексте». Внедрение прозаических фрагментов в произведение дает автору возможность реализовать множественную самореференцию: автор – это и нарратор, и наблюдатель, и свидетель, вступающий в сложные отношения с персонажами: Азербаем, Сметом, Алибеком.

Это небольшое по объему произведение имеет прочную сюжетно-событийную канву. Чередование прозаических частей произведения с поэтической частью обусловлено сюжетом, общностью персонажей, хронотопа и не требует дополнительных художественных способов и средств соединения их в одно синкретическое целое, обладающее признаками эпического жанра притчи и лирического жанра последней (предсмертной) песни.

К лироэпическому синкретическому жанру можно отнести и произведение «Айтыс» ('песенное состязание') Сулейменова [22: 113–114], в котором повествуется о словесном поединке двух батыров. Первый прозаический фрагмент относится к жанру предания, в него включено метапрозаическое описание айтыса:

«Войско выбирало себе в предводители того батыра, который побеждал соперника в споре. Народ сохранил в памяти несколько батырских айтысов. Наиболее известен

айтыс (спор) Кара-батыра и Урак-батыра из Среднего жуза, рода караул» [22: 113].

После метапрозы следуют поочередно песни Кара-батыра и Урак-батыра. Произведение завершается кратким метаописательным комментарием-итогом: «Предание говорит, что в этом споре победил Урак-батыр...» [22: 114]. Использование прозиметрума позволяет автору соединить в одном произведении жанр предания и национально-специфический жанр поэтического айтыса.

Таким образом, лироэпические произведения представляют собой результат синтеза прозаических (притчи, предания, легенды и т. п.) и поэтических (предсмертная песня, айтыс, эпитафия и т. д.) жанров.

Лирические синкретические жанры

Произведение Бахытжана Канапьянова «Космостанция» 1985 г. [24: 68–70] относится к лирическому синкретическому жанру. Оно начинается с двух стихотворных строк:

*«Космический пророчит рейс
В моих ладонях эдельвейс»* [24: 68].

За ними следует 3 абзаца прозы, развивающих идею о неразрывности связи Земли и Космоса – «вечной поэмы звездного неба». Завершается произведение 18 стихотворными строками.

Смена стиха и прозы не имеет, как в лироэпических произведениях, рассмотренных выше, сюжетно-событийной логики. Она обусловлена движением художественной идеи лирического героя, размышляющего о том, что человек, стремясь в Космос, сохраняет неразрывную, «пуповинную» связь с Землей.

В лирическом нарративе – прозаическом и стихотворном – осуществляется самореференция автора. Поэт удваивает себя как субъекта в различных «неустойчивых» реальностях и проекциях, создавая своего двойника и, возможно, тройника [25: 144–145]. Произведение объединено самореферентностью субъекта – автора, лирического героя, нарратора, персонажа, которые репрезентированы местоимениями 1-го лица (я, моих, мною).

Если в лироэпическом жанре прозаические и стихотворные строки связаны развитием сюжета, общностью персонажей, хронотопа и т. д., то синкретический лирический жанр требует других средств связи – смысловых, семиотических скреп. Так, в произведении Канапьянова подобной семиотико-смысловой скрепой выступает эдельвейс – символ Земли [26: 1387]. Стихотворные строки начинаются с его упоминания, размышления лирического героя об этом цветке «вечности» составляют

содержание прозаической части, и далее в завершающих поэтических строках лирический герой пишет:

*«Эдельвейс-цветок
С книжной полки
Рвется к свету –
Звездный бродит ток»* [24: 70].

Прозаический фрагмент в центре произведения составляет 3 абзаца. В стилистическо-смысловом отношении он насыщен художественными словесными макро- и микрообъемами, объединенными общей семиотикой и символической поэтикой вечности, устремленности в космос, привязанности к Земле как дому: «в вечную поэму звездного неба»; «крохотные лепестки антенн»; «живут, дыша цветами вечности».

Таким образом, прозаическая часть развивается и углубляет поэтику лирического жанра, выступая важным художественно-стилистическим средством воплощения авторской идеи и образов.

Композиция синкретических жанров

Наиболее частотной структурой синкретических жанров является двухчастная композиция «прозаический фрагмент» + «стиховой фрагмент». Прозаическое начало чаще всего выполняет метаописательную функцию:

*«Написано на свободных страницах книги
жалоб и предложений чайханы № 5 Душанбинского горпищеторга.
...Омар Хайям,
как убеждают критики, –
блудник, язычник,
как сама луна»* [22: 320].

Стихотворный фрагмент представляет собой эпиграмму – «текст в тексте», который описывает автор в предшествующем прозаическом комментарии. Приведем еще один пример метатекста в прозе:

*«Деревенские мальчишки ловят плотву на удочку. Безногий бородач на телеге с сеном. В моем блокноте – зарисовки, первое, что пришло на ум.
Избы вздыбились на косогоре,
как плоты на речном повороте
при заторе»* [22: 291].

Метапроза, передающая рефлексию автора, помогает определить стихотворные строки как сиюминутные «зарисовки» поэта, «первое, что пришло на ум».

В следующем произведении стиховой фрагмент – это заклинание баксы ('шаман'), прозаическая часть в конце описывает заключительный акт магического камлания:

«И одна, одна змея
извивается
в моей руке,
изгони,
моя змея,
из больного тела
недуг...
Э-эх-хх!!!

Баксы в бешеном ритме танца бьет об-
рядовым бичом по телу лежащей больной»
[24: 79].

Прозаическая вставка может выполнять
функцию вступления:

«На берегу Средиземного моря торчит
из песка камень. У этого камня, по пре-
данию, останавливался на минуту Саади.
К этому камню раз в году приходит, обо-
гнув землю, волна, которая его видела.
У финикийских гор
Она прошла,
между столбами Калпе и Абила,
о камни Нэгро
губы обожгла,
в Бискайе, злая, корабли топила» [22: 198].

Обычно при двухчастной структуре соот-
ношение прозаического и поэтического фраг-
ментов составляет 1: 3 или 1: 4. Однако
расположение и чередование стихотворных
и прозаических частей в синкретических жан-
рах может иметь и более сложную структуру,
например, «стиховой фрагмент» + «прозаиче-
ский фрагмент» + «стиховой фрагмент» или
«стиховой фрагмент» + «прозаический фраг-
мент» + «стиховой фрагмент» + «прозаический
фрагмент». Так, поэма Б. Канапьянова «Кочев-
ница» состоит из трех частей, первая и третья
поэтические части – это эпитафии на гибель

двух женщин-кочевниц, вторая часть – это ле-
генда, повествующая об их гибели [24: 81–83].
Реже встречаются более сложные композиции.

Важной функцией прозиметрума, которая
вызывала особое внимание казахстанских по-
этов, является его способность усложнять рит-
мическую организацию художественного тек-
ста. М. М. Гиршман писал о необходимости
широкого понимания ритма: «Под ритмом по-
нимается не только ритмическая организация
прозаической речи, но и в целом повторяе-
мость любых схожих элементов в определен-
ной закономерности. Ритм может проявляться
на любом уровне произведения» [27: 76]. Про-
зиметрум используется как способ постоянной
«перебивки» ритма, приводящего к созданию
необычного «неровного» ритма синкретиче-
ских произведений за счет чередования в раз-
нообразных вариациях прозаических и поэти-
ческих строк.

Мы выявили различные варианты син-
теза традиционных жанров: притча + по-
следняя (предсмертная) песня; предание +
айтыс; эпитафия + легенда; лирическое раз-
мышление + лирический рассказ-миниатюра
и т. д. Основная модель синкретизации ос-
нована на соединении в одном произведении
двух жанров (поэтического и прозаическо-
го), в итоге возникают необычные в ком-
позиционном, художественно-стилистическом
отношении произведения. Лирозэпические и ли-
рические синкретические жанры дифферен-
цируются в зависимости от художественных
способов и средств, объединяющих прозу
и поэзию в целостное произведение. В ли-
роэпических жанрах это общность сюжета,
системы персонажей, хронотопа и т. п. В ли-
рических синкретических жанрах речь идет
о доминанте идейно-смысловых скреп: сквоз-

Синкретические жанры как результат применения прозиметрума

Table. Syncretic Genres as a Result of Applying Prosimetrum

Синкретические жанры	Синтез традиционных жанров (прозаических и поэтических)	Художественные способы и средства объединения в целостное произведение
Лирозэпические жанры	Притча + последняя (предсмертная) песня	1) общий сюжет, хронотоп, система персонажей; 2) прозаический фрагмент зачастую выполняет метаописательную функцию; 3) своеобразный ритм, образованный чередованием стиха и прозы
	Предание + айтыс	
	Эпитафия + легенда	
	Рассказ + поэтическое заклинание	
	Метапрозаический комментарий + поэтическая зарисовка	
Лирические жанры	Метапрозаический комментарий + эпитаграмма	1) общие смысловые скрепы: сквозной мотив, символика, поэтические макро- и микрообразы; 2) своеобразный ритм, образованный чередованием стиха и прозы
	Прозаическое вступление + посвящение	
	Легенда + элегия	
	Поэтическое размышление + лирический рассказ-миниатюра	

ной темы, поэтической символики, общности макро- и микрообразной системы. К общим художественно-эстетическим свойствам синкретических жанров относится специфическая ритмическая организация, порожденная чередованием стихотворных и прозаических строк.

Синкретизация жанров в результате использования прозиметрума схематически представлена в таблице ниже.

В таблице описаны наиболее репрезентативные варианты, дающие общее представление о процессе синкретизации жанров в казахстанской поэзии.

Заключение

Соединение в рамках одного поэтического творения стихотворных и прозаических строк, характерное для творчества казахских русскоязычных поэтов второй половины XX в., является частью общего процесса прозаизации. Прозиметрум приводит к изменениям в системе литературных жанров, к обогащению

ее синкретическими лирическими и лироэпическими произведениями, построенными на разнообразных вариациях традиционных жанров.

Прозаическая часть нередко выполняет метатекстовую функцию, в этом случае поэтические строки представляют собой «текст в тексте». Казахские поэты активно используют прием самореференции, усложняющий субъектную структуру и создающий полифонию художественного текста. Чередование прозаических и поэтических элементов создает особый, прерывистый ритм, который является специфическим признаком прозиметрических произведений.

Таким образом, прозиметрум расширяет эстетико-поэтический инструментарий автора, позволяя ему свободно оперировать художественными формами действительности, моделировать варианты авторского «я» – «не я», ритмической стороной художественного текста и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в русской прозе XX в. (опыт типологии) // Славянский стих: Стихование, лингвистика и поэтика : материалы междунар. конф., Москва, 19–23 июня 1995 г. / под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М. : Наука, 1996. С. 58–64.
2. Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М. : МГУ, 1995. 158 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
4. Зенкевич М. О новом стихе // Футурум АРТ. 2001. № 2–3. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=8480> (дата обращения: 03.09.2024).
5. Журбина А. В. Прозиметр // Большая советская энциклопедия 2004–2017 гг. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4998757> (дата обращения: 02.09.2024).
6. O'Donoghue H. Prosimetrum in the Íslendingasögur // The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature / eds. H. O'Donoghue, E. Parker. Cambridge University Press, 2024. P. 247–263.
7. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М. : РГГУ, 2002. 685 с.
8. Чжу Б. Жанровый синтез в лирической прозе и стихотворениях в прозе Н. М. Карамзина // Жанры речи. 2024. Т. 19, вып. 3 (43). С. 256–265. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO
9. Dauvois N. De la satura à «La bergerie»: Le prosimètre pastoral en France à la Renaissance et ses modèles. Paris, Champion, 1998. 316 p.
10. Le prosimètre à la Renaissance. Paris : D'Ulm, 2005. 176 p.
11. Papst B. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter, 1–2. Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 1994. 1184 S.
12. Prosimetrum: Crosscultural Perspectives on Narrative in Prose and Verse / eds. J. Harris, K. Reichl. Cambridge : DS Brewer, 1997. 444 p.
13. Eckhard C. D. The Medieval Prosimetrum Centres (from Boethius to Boece) // Genre. 1983. № 16. P. 21–38.
14. Bartoňková D. Prosimetrum, the mixed style, in Tolkien's work “The lord of the rings.” // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada klasická. 2008. Vol. 57, № 13. P. 5–21.
15. Plecháč P., Kolár R. Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling // Studia Metrica et Poetica. 2022. Vol. 9? № 1. P. 7–19.
16. Ives L. On the Many Ways and Reasons to Mix Poetry and Prose: Contributing to A Long-Standing and Very Various Tradition. Literary Hub. 2 August 2016. URL: <https://lithub.com/on-the-many-ways-and-reasons-to-mix-poetry-and-prose/> (дата обращения: 11.10.2024).
17. Қайырбеков Ф. Өлгендер (Стихи). URL: <https://www.zharar.com/> (дата обращения: 03.10.2024).
18. Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система // Slavica Hierosolymitana. 1979. № 4. P. 1–35.
19. Hatlen B. Borges and metafiction // Simply a Man of Letters: Panel discussion and Papers from the Proceedings of a Symposium on J. L. Borges held at the University of Maine at Orono. Univ. of Maine, 1982. 390 p.
20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction (New Accents). Routledge, 2002. 188 p.
21. Темиргазина З. К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л. А. Новикова языка как искусства слова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>
22. Сулейменов О. О. Определение берега. Алма-Ата : Жазушы, 1976. 455 с.
23. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K., Akosheva M., Luczyk M., Kulumzhanov N., Shaharman A., Zyludbayeva R. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication // Metaphor and the Social World. 2022. Vol. 12, iss. 2. P. 270–291. <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

24. Кананьянов Б. М. Избранное : в 2 т. Т. 2. Алматы : Издательский дом «Жибек жолы», 2011. 536 с.

25. Акишева М. К., Рахимжанов К. Х. С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке // *Slavia Centralis*. 2022. Vol. 15, № 1. P. 138–154.

26. Temirgazina Z. K., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Cognitive Mechanism of Metaphorization in Zoological Terms // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Vol. 13, № 12. P. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>

27. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М. : Советский писатель, 1982. 366 с.

REFERENCES

1. Orlitskij Yu. B. Verse origin in Russian prose of the 20th century (typology experience). In: *Slavyanskii stikh: Stikhovedenie, lingvistika i poetika: materialy mezhdunar. konf., 19–23 iyunya 1995 g. Pod red. M. L. Gasparova, T. V. Skulachevoi* [Gasparov M. L., Skulacheva T. V., eds. Slavic Verse: Versification, Linguistics, and Poetics: Proceedings of the International conference, Moscow, June 19–23, 1995]. Moscow, Nauka, 1996, pp. 58–64 (in Russian).

2. Kormilov S. I. *Marginal'nyje sistemy russkogo stikhoslozhenija* [Marginal systems of Russian verse]. Moscow, Moscow University Press, 1995. 158 p. (in Russian).

3. Valgina N. S. *Teorija teksta* [Text theory]. Moscow, Logos, 2003. 173 p. (in Russian).

4. Zenkevich M. On the new verse. *Futurum ART*, 2001, no. 2–3. Available at: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=8480> (accessed September 03, 2024) (in Russian).

5. Zhurbina A. V. Prosimetr. In: *Bol'shaja sovetskaja entsiklopedija 2004–2017 gg.* Available at: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4998757> (accessed September 02, 2024). (in Russian).

6. O'Donoghue H. Prosimetrum in the Íslendingasögur. In: O'Donoghue H., Parker E., eds. *The Cambridge History of Old Norse-Icelandic Literature*. Cambridge University Press, 2024, pp. 247–263.

7. Orlitskij Yu. B. *Stikh i proza v russkoj literature* [Verse and prose in Russian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 685 p. (in Russian).

8. Zhu B. Genre synthesis: Lyrical prose and a poem in prose by N. M. Karamzin. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, iss. 3 (43), pp. 256–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO

9. Dauvois N. *De la satura à «La bergerie»: Le prosimètre pastoral en France à la Renaissance et ses modèles*. Paris, Champion, 1998. 316 p. (in French).

10. *Le prosimètre à la Renaissance*. Paris, D'Ulm, 2005. 176 p. (in French).

11. Papst B. *Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter, 1–2*. Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 1994. 1184 S. (in German).

12. Harris J., Reichl K., eds. *Prosimetrum: Crosscultural Perspectives on Narrative in Prose and Verse*. Cambridge, DS Brewer, 1997. 444 p.

13. Eckhard C. D. The Medieval Prosimetrum Centres (from Boethius to Boece). *Genre*, 1983, no. 1, pp. 21–38.

14. Bartoňková D. Prosimetrum, the mixed style, in Tolkien's work "The lord of the rings." *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada klasická*, 2008, vol. 57, no. 13, pp. 5–21.

15. Plecháč P., Kolár R. Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling. *Studia Metrica et Poetica*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7–19.

16. Ives L. On the Many Ways and Reasons to Mix Poetry and Prose: Contributing to A Long-Standing and Very Various Tradition. *Literary Hub*. August 2, 2016. Available at: <https://lithub.com/on-the-many-ways-and-reasonsto-mix-poetry-and-prose/> (accessed October 11, 2024).

17. Kairbekov G. *Olender* [Poems]. Available at: <https://www.zharar.com/> (accessed October 03, 2024) (in Kazakh).

18. Segal D. M. Literature as a Secondary Modeling System. *Slavica Hierosolymitana*, 1979, no. 4, pp. 1–35 (in Russian).

19. Hatlen B. Borges and metafiction. In: *Simply a man of letters. Panel discussion and papers from the proceedings of a symposium on J. L. Borges held at the University of Maine at Orono*. University of Maine, 1982. 390 p. 390 p.

20. Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction (New Accents)*. Routledge, 2002. 188 p.

21. Temirgazina Z. K. Poetem as a tool for analyzing a lyrical text in L. A. Novikov's concept of language as an art of words. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

22. Suleimenov O. O. *Opredelenije berega* [Definition of the coast]. Alma-Ata, Zhazushy, 1976. 455 p. (in Russian).

23. Temirgazina Z., Rakhimzhanov K., Akosheva M., Luczyk M., Kulumzhanov N., Shaharman A., Zyludubayeva R. Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*, 2022, vol. 12, iss. 2, pp. 270–291. <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

24. Kanapjanov B. *Izbrannoje: v 2 t. T. 2* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. Almaty, Izdatel'skij dom "Zhibek zholy", 2011. 536 p. (in Russian).

25. Akosheva M. K., Rakhimzhanov K. Kh. With whom do we compare ugly people? Standards of ugliness in the Russian language. *Slavia Centralis*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 138–154 (in Russian).

26. Temirgazina Z. K., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Cognitive mechanism of metaphorization in zoological terms. *American Journal of Applied Sciences*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 1385–1393. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1385.1393>

27. Girshman M. M. *Ritm khudozhestvennoj prozy* [Rhythm of fiction]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1982. 366 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 15.08.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 15.08.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 161–170

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 161–170

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

Научная статья

УДК 821.161.1-3-9.09+811.161.1'42

Внутренняя немая сцена в автокоммуникации

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Настоящая работа продолжает и развивает тему, поднятую мною в статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров». Феномен внутренней немой сцены (ВНС) впечатляюще усиливает автокоммуникативный динамизм внутренней речи. Основанием для ВНС служат нечаянно являющиеся нам в процессе речемыслительной работы поворотные моменты – новые внешние и внутренние сигналы, побуждающие к более или менее значительной переориентировке внимания. ВНС, с точки зрения основных сценарных компонентов, изначально предполагает привычный, относительно ровный ход мысли, способный прерваться нежданной догадкой, озадачивающим открытием, ошеломляющим впечатлением, внезапным осознанием цены прежде неразличимого или казавшегося несущественным. При этом заметно меняется отношение субъекта наблюдений к себе самому, к другим, к окружающим обстоятельствам, к времени и пространству. Прозрение часто сопровождается эмоционально окрашенным, исполненным сокрушения / удивления / радостного подъема речежанровым аккомпанементом восклицательного / вопросительного / констатирующего толка. В результате течение мысли обретает новые эмоционально-смысловые импульсы, новое качественное содержание.

Вариации ВНС в автокоммуникативном процессе трудно поддаются пока системному исчислению. Сюжетно-композиционное развитие ВНС может отчетливо запечатлеваться в эгодокументальных свидетельствах, в лирической медитации, в художественно-психологических повествованиях. В статье предлагаются наблюдения над текстами И. А. Гончарова, М. М. Пришвина, А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Семантическая направленность ВНС способна заметно (и позитивно, и драматически остро) влиять на состоятельность и результативность речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: внутренняя немая сцена, внутренняя речь, автокоммуникация, речемыслительный процесс, речежанровое сопровождение, эгодокументы, лирика, художественная проза

Для цитирования: Прозоров В. В. Внутренняя немая сцена в автокоммуникации // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 161–170. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

An inner silen scene in autocommunication

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The present article continues and develops the topic of the article “A Silent Scene in view of the speech genre theory”. The phenomenon of an inner silent scene (ISC) remarkably enhances the autocommunicative dynamism of inner speech. The basis for an ISC can be seen in critical moments within our verbal and thinking activities – new inner and outer signals causing more or less meaningful reorientation of our attention. From the point of view of basic script components, an ISC originally presupposes a customary and relatively even thinking process able to be interrupted with an unexpected guess, a puzzling discovery, an amazing

impression or a sudden awareness of the value of what earlier seemed meaningless or invisible. At the same time, one remarks the noticeable change in the attitude of the subject of observation to themselves, others, the surrounding circumstances, time, and space. The enlightenment is often accompanied by exclamations, questions or statements which are usually emotionally colored and full of surprise, anguish or a happy inspiration. As a result, the flow of thoughts acquires new emotional and conceptual impulses and a new quantitative meaning.

Varieties of ISC in the autocommunicative process still defy systemic estimation. The development of the plot and composition of a ISC may be distinctly imprinted in ego documentary evidences, lyrical meditations or fictional psychological narratives. The author offers his observations of the texts of I. A. Goncharov, M. M. Prishvin, A. S. Pushkin, M. E. Saltykov-Shchedrin, L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev, and A. P. Chekhov. The semantic slant of a ISC can noticeably impact the consistency and productivity of verbal and thinking activities.

Keywords: inner silent scene, inner speech, autocommunication, verbal and thinking process, speech genre accompaniment, ego documents, lyrics, fiction

For citation: Prozorov V. V. An inner silent scene in autocommunication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 161–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая работа продолжает и развивает тему, поднятую мною в статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров» [1].

Внутренняя речь (далее – ВР), или автокоммуникация [2: 164–165], понимается как скрытый от внешнего наблюдения монолог с элементами диалогической активности. Особый исследовательский интерес вызывает «дискурсивная системность внутренней речи» [3: 13] как явления когнитивного порядка и как феномена речевой культуры. ВР определяется в современной психологии как инстанция самосознания: «Я – Другое-Я» [4: 77–82]. ВР может быть обращена не только к себе самому, но и к воображаемому собеседнику, с которым автор привычно ведет свой художественно-образный диалог. Вспоминается наставление Н. В. Гоголя: «слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет» [5: 103]. Внутренний адресат словно водит рукой автора, способствуя надежности и состоятельности его высказываний: «Самая монологическая, самая сосредоточенная на своем предмете речь (максимально далекая всякой риторичности)» имеет «диалогические обертоны» [6: 239].

Касающиеся ВР капитальные суждения в русской и мировой психологии по всеобщему признанию восходят к Л. С. Выготскому: «внутренняя речь есть особое по своей психологической природе образование, особый вид речевой деятельности, имеющий свои совершенно специфические особенности и состоящий в сложном отношении к другим видам речевой деятельности» [7: 286]. ВР являет собой «психологическую трансформацию внешней, её »внутреннюю проекцию»» [8: 3]. Работы разных лет, посвященные ВР, содержат ценную информацию об актуальных направлениях

и перспективах в исследовании проблем автокоммуникации [8–14 и др.].

Открытым в современной науке остается вопрос о том, является ли ВР разновидностью преимущественно внеречевой мыслительной деятельности или в её совершении заметная роль отводится и вербально-коммуникативной составляющей. Давно уже высказывалось убеждение в безусловной справедливости идеи «невербальности собственно мыслительного процесса». Именно «на невербальном уровне обеспечивается мотивация, формируется этап интенции, производится оценка ситуативных условий общения» [10: 40, 66]. Но с другой стороны, не менее убежденно в наше время (как и в прежние времена) говорится и о том, что «речь и мысль взаимодействуют, совершенствуя друг друга: речь возникает на базе аморфной мысли, не имеющей дискретной структуры, но становится таковой под воздействием ею же рожденной речи» [15: 34].

Оставляя сейчас в стороне обсуждаемый вопрос, мы используем компромиссное рабочее понятие процессуальности речемыслительного акта и рассматриваем интересующую нас внутреннюю немую сцену (ВНС) как своего рода внезапную, разной силы взрывную приостановку (заминку, сбой, паузу) в указанном процессе, способствующую его более или менее существенной корректировке (уточнению, обновлению, пересмотру и т. д.).

Словосочетание «немая сцена» обращает нас в отечественной коллективной памяти к финалу комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», но вместе с тем имеет в виду и более широкий спектр смыслопроявлений, о котором идет речь в моей статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров». Теперь нам предстоит разобраться в эмоционально-интеллектуальном диапазоне автокоммуникативной немой сцены, определить

приметы ее речевжанрового сопровождения и выражения.

ВНС – взрывающая молчание, часто этически преломленная когнитивная вспышка разной силы, вызванная некоторым замешательством, самоукоризной, удивлением, восторгом, озарением по случаю явившегося вдруг самому себе нового впечатления, откровения, резко ощутимого поворота мысли. Основанием для подобной вспышки служат нечаянные догадки, свои или внешние раздражения-подсказки, осознание прежде неразличимого, казавшегося несущественным и т. п. В любом случае ВНС – чувствительная пауза, а затем и перемена в текущем речемыслительном процессе, соответствующая семантике глаголов «удивиться», «спохватиться», «очнуться», «вспомнить», «осознать», «прозреть».

Молчание взрывается произвольными возгласами, расхожими фразеологизмами («Как же так?!», «Ну и ну!», «Ничего себе!», «А что, если...?», «Вот здорово!» и т. п.), отделимыми, подходящими к ситуации репликами ликования / удивления / сомнения («Такого представить себе не мог!»; «Тут что-то не так!»; «Но ужель он прав, и я не гений?» – Пушкин, «Моцарт и Сальери»). В основании этих реакций – мгновенный отклик нашего «внутреннего собеседника» на новые, достойные удивления вести, вдруг явившиеся откровения, радостная констатация сделанного только что открытия (Пушкин по окончании работы над «Борисом Годуновым» – в письме к П. А. Вяземскому от ноября 1825 г.: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»). Эти и другие ментально-речевые образования характеризуются особенностями языковой личности, её психологическими, объективно-статусными и многими др. признаками [16: 8–102].

Ценность ВНС заключена в поддержании благотворного речемыслительного напряжения, в добавлении огня в тлеющий и постепенно замигающий костёр откровенного общения с самим собой. «Непонимание», возникающее порой в начальный момент ВНС, живительно, оно «представляется столь же ценным смысловым механизмом, что и понимание» [2: 16]. ВНС – когнитивно востребованная корректировка потаённого хода мысли.

1. ВНС в процессе самонаблюдений

Хрупкость самонаблюдений в ходе изучения ВНС очевидна. Подбор живых доказательных примеров ВНС из реальной повседневной коммуникативной практики – дело невероятно затруднительное с точки зрения фиксации и передачи на письме достоверности и убеждающей отчетливости этих примеров: «Внутренняя речь как психолингвальный феномен практиче-

ски не поддается воспроизведению» [17: 8]. Хотя память подсказывает нам немало разного рода примеров ВНС, вызванных досадой, раздражением, удивлением, ошеломлением по поводу неожиданных жизненно-сюжетных поворотов – от обыденно частотных и невинных до экспрессивно ярко выраженных и вызывающих сильную досаду / боль / удивление / радость:

- шёл куда-то в обычной задумчивости и вдруг с досадой сообразил, что прошёл мимо намеченного пункта...
- пребывал в ровном расположении духа, и тут внезапно зазвонил телефон, и пришла неожиданная грустная весть...
- понадеялся на помощь человека, а он в нужный момент обнаружил свою вопиющую необязательность и вовсе исчез из поля зрения...
- смотрела в окно, размечталась, и откуда ни возьмись на подоконник села ворона и ненароком как бы постучалась: вмиг всё внимание весело сконцентрировалось на забавной гостье...
- долго бился – бился над решением трудной задачи, и нежданно-негаданно пришло озарение – кратчайший путь к разгадке...

Примеров сосредоточения собственного внимания на вдруг обнаружившем себя новом предмете рефлексии – как из рога изобилия. При попытке обстоятельного и точного описания многих из них в воспринимающем сознании роится нечеткое множество переплетающихся подтекстовых и контекстуальных причинно-следственных процессов. Относительно отчетливая граница разделяет фиксируемое исходное состояние и внезапный повод для его приостановки. Но далее следует очень трудно поддающаяся рассудительной описательности эмоционально-экспрессивная реакция на возникший, смутивший душу повод, на попытки с ним обдуманно разобраться, а после этого, в свете случившегося, еще и вернуться к утраченному или пошатнувшемуся душевному состоянию.

Чем серьезнее повод, нарушивший ровное, предваряющее ВНС самочувствие, тем сложнее клубок рожденных им противочувствий. Внедрение некоего неожиданного коммуникативного события (акта) в речемыслительный процесс в любом случае влечет за собой непредусмотренный автокоммуникативный сбой.

Нагляднее всего описание ВНС дается художникам слова, владеющим искусством поразительно глубокого самонаблюдения, проникновения в тайны человеческой психики, в «диалектику души». Очевидно, что сюжетно-композиционное развитие ВНС с разной степенью внятности запечатлевается в эгодокументальных усмотрениях, в художественно-образных повествованиях, оно может быть обнаружено в полутонах и мелодике лирической

медитации. Сосредоточим свои наблюдения над такого рода материалами, тем более, что «искусство – это опыт одного, в котором многие должны найти и понять себя» [18: 5].

В дневниковых тетрадках М. М. Пришвин делится открытием, сделанным им в процессе размышлений, посвященных писательскому дару: *«Что это значит, талант? Однажды весной я подумал об этом, и вот вижу, на высокой елке, на самом верхнем ее пальчике, сидит маленький птичик. Я догадался, что птичик этот поет, потому что клювик его маленький то откроется, то закроется. Но такой он маленький, птичик, что песенка его до земли не доходит и остается вся там, наверху. Птичик этот крохотный пел, чтобы славить зарю, но не для того он пел, чтобы песенка славилась птичку. Так я тогда в этом птичке и нашел ответ себе на вопрос: что такое талант. Это, по-моему, есть способность делать больше, чем нужно только себе: это способность славить зарю, но не самому славиться»*. ВНС здесь – плод зорких и цепких авторских наблюдений над живой жизнью, в которой для влюбленного в нее и исполненного к ней доверия человека таятся простые по видимости подсказки, касающиеся сложных метафизических вопросов бытия. Подслушанное, точнее сказать, подсмотренное вдруг художником непосредственное (неадресованное) эмоционально-рефлекторное самопроявление птахи становится внезапным предлогом для умозаключений интеллектуально-прикладного порядка, давно занимавшего писателя.

Такого рода скрытых признаков ВНС много в открытых эгодокументальных признаниях. Случаются и более явные, напрямую связанные со злобой дня приметы взрывающей немоты оторопи. У Пришвина запись от 1 января 1938 г.: *«/.../ каждый раз, как сказал кому-нибудь лишнее, через некоторое время одумаешься и расскажешь: «Зачем я сказал!» Понятно, что при этой одумке допускаешь возможность доноса»*. Хмуро-тревожные социально-исторические обстоятельства жизни характеризуют и специфику ВНС, отражаются в ней.

Психологические самонаблюдения, включающие воссоздание эпизодов ВНС, всегда сопряжены с эффектом *внезапности и нечаянности*. Такого рода характерные признаки ВНС находим у И. С. Тургенева в его стихотворении в прозе «Мы еще повоюем!». Сосредоточенная на себе авторская мысль («Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге»), начальное горестное состояние («Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною»), и вдруг неожиданное солнечное впечатление: взгляд падает на «целую семейку воробьев», которая «прыгала бойко, забавно, самонадеянно». Особенно покорила тот, что «надсаживал

бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикал»: «А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого» воробья. Непроизвольно приглянувшаяся сценка резко повлияла на настроение автора: «Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся – и грустные думы тотчас отлетели прочь». И родилось невольное спасительное восклицание: «Мы еще повоюем, чёрт возьми!» Здесь автору является живой, подсознательно, по-видимому, желанный, крохотный повод для ВНС, и стойкое уныние сменяется благотворным душевным подъемом.

Комическую версию рождения ВНС рисует А. П. Чехов в одном из ранних своих «осколочных» рассказов «Не в духе». Становой пристав Семен Ильич Прачкин склонен к нудной рассудительности. Мысль, что буравит его сознание, касается вчерашнего дня, когда он «заезжал по делу к воинскому начальнику, сел нечаянно играть в карты и проиграл восемь рублей». Сумма для него ничтожная, но осадок остался и теперь теревит его, душу выматывает: «Восемь рублей – экая важность! /.../ Люди и больше проигрывают, да ничего. И к тому же деньги дело наживное... Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже еще больше!» Но не тут-то было! Внутренние терзания не оставляют Прачкина. А еще, в соседней комнате, сын его Ваня громко зубрит какой-то странный в понимании станového стих «Зима! Крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь...» На фоне этих раздражающих его строк Прачкин пробует уговориться с собственным alter ego. Этому alter ego и имя у повествователя готово: «бес жадности и корыстолюбия /.../ сидел в ухе станového и упрекал его в расточительности» по поводу вчерашнего восьмирублевого проигрыша. И бес этот берет в нем верх. Финал рассказа – ВНС – освобождение от разрывающей душу тоски: восьми рублей, как ни крути, не вернуть! – и является внезапное компенсационное, как сказали бы психологи, решение...выпороть Ваню. За что? Какая разница! За разбитое вчера стекло.

ВНС в автокоммуникациях часто дружна с нравственно-психологическими категориями совести и стыда. Вспоминается цепь немых сцен в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть». Каждый микросюжет здесь – про внутренние диалоги разных персонажей с внезапно обретаемой ими совестью. «Жалкого пропойцу» начинает беспощадно угнетать «процесс самоосуждения». Мерещится вереница вопросов, «на которые он может отвечать только удивлением и полнейшей бессознательностью». Хозяин кабака Прохорыч в неожиданно явившихся ему «философических упражнениях» рассуждает о совести как об осенившей его «благодати». Квартальный надзиратель Ловец,

«порядочный лихоимец», соприкоснувшись с совестью, в испуге думает: «Не очумел ли я, не во сне ли это все мне представляется?» По сказочному сюжету финансист Бржозский получил совесть по почте, в «штемпельном конверте», и едва взял этот злополучный конверт в руки, как «заметался во все стороны, словно угорь на углях». Художественная словесность представляет нам не только бесконечное разнообразие переживаний ВНС, но и самые неожиданные (в том числе, и сатирические) версии связанных с нею исходов и преодолений.

2. ВНС в лирической медитации

Природа автокоммуникативной ВНС косвенно и осторожно может обнаружить себя и в лирическом роде высказывания с его интенсивной исповедальной доверительностью, выразительностью, чаще всего нечетко проступающей нарративностью [19: 311–312]. Более того, отдельно взятый лирический текст, «смысловой сгусток лирического слова» [18: 8], нередко представляет всю цепочку характерного построения ВНС: от исходного, погруженного в себя состояния («Душа вкушает холодный сон...») к неожиданно явленному пробуждению («Но лишь божественный глагол // До слуха чуткого коснётся...») и от него к проникновенному, просветленному («И звуков, и смятенья полн...») финалу. Но часто весь лирический текст во всей своей полноте представляет сам апофеоз ВНС в момент прояснения, озарения, просветления души.

Вглядимся в пушкинское стихотворение «Ты и вы». Память о нечаянной, но желанной местименной подмене вызывает едва сдерживаемую пылкую реакцию лирического героя: «Пустое *вы* сердечным *ты* // Она, обмолвись, заменила /.../». Случайная ли обмолвка, невольная ли, но подсознательная оговорка – вдохновляющий побудительный предлог для сполна так и не выговоренного сокровенного признания. Про ВНС – вся нежная по тембру лирическая миниатюра.

Пушкинское «Я вас любил: любовь еще, быть может...» – послание, но еще больше исповедь: трудно дающееся себе обещание не тревожить ее отныне. Любовь не прошла, напротив, достигла высшей степени самоотречения. Скрытый от самого себя звучит как укор мотив ревнивого мужского великодушия: «Я вас любил так искренно, так нежно // Как дай вам Бог любимой быть другим». В прошедшем «любил» угадывается пронзительное и неиссякаемое настоящее. Всё стихотворение – исполненное светлой печали прощание-признание. ВНС – в её взволнованном, трепетном самоосуществлении.

Первые четыре строфы пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье» – давнее благодарное и благодатное, но, увы, с годами

померкшее воспоминание о той, чьи «небесные черты» почти уже забыты. Всё в прошлом: «Шли годы...», «И я забыл...», «Тянулись тихо дни мои...». Истоки ВНС приоткрываются в пятой строфе. Сперва передается общая, вернувшаяся поэту полнота ощущения собственного радостного чувства, нового прилива сил. «Душе настало пробужденье»: время самое что ни на есть настоящее, уже, к счастью, осуществившееся! И тут-то как раз оживает ВНС: вновь – упоительно радостная встреча: «И вот опять явилась ты...» Динамика поэтического настроения – от трогательного «Я помню» к грустному «я забыл» и, наконец, духоподъемное «явилась ты». Финал – апофеоз дарованных сердцу пылких волнений и переживаний: «воскресли вновь // И божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь».

В восьмистишии Пушкина «Я думал, сердце позабыло...» первые шесть стихов – про то, что ушло, развеялось, исчезло. Прошедшее глагольное время («Я думал...», «Я говорил», «Прошли восторги...») несколько смягчает решительность начального утверждения, и это смущение окупается финалом стихотворения: «Но вот опять затрепетали // Пред мощной властью красоты». ВНС несет в себе присущее лирическому герою ощущение душевного возрождения и просветления.

Сдается, что проникновенные лирические медитации, чувственные излияния души, переживания лирического субъекта, запечатлевающие глубокую эмоционально-интеллектуальную рефлексию самопознания, по своей природе близки феномену ВНС. Но это отдельная самостоятельная тема.

3. ВНС в психологической прозе

Многочисленные описания ВНС разной побудительности и интенсивности, разного причинно-следственного преломления находим в художественно-психологической прозе. Подобного рода ситуации щедро прослеживает автор романа «Обломов» И. А. Гончаров, трогательно и бережно регистрирующий внутренние состояния и превращения в мыслительных процедурах своего любимого героя. Здесь и образцы едва намечающейся, но не реализуемой в яви ВНС, и полные сложных психологических подтекстов эпизоды внезапно обнаруживаемой речемыслительной активности Ильи Ильича Обломова.

Вот пример едва обозначившейся, но сполна не осуществляемой ещё ВНС. Поначалу «*мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности*». Однако случалось с Обломовым и так, что «*на лицо набегала из души и туча заботы, взгляд туманился,*

на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга, но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте». Так даже в привычном, относительно ровном самочувствии человека, пребывающего в добром расслабленном состоянии, на какое-то время проскальзывает легкая тень озадаченности. Словно бы предваряя НС, состояние это однако в немую сцену, строго говоря, не обращается.

Что же касается внезапных вестей – «неприятных сюрпризов», непосредственно касавшихся Обломова и приходивших к нему из внешнего мира, то они с настойчивостью пробовали уже вызвать интересующую нас реакцию: «Обломов стал думать. Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, приняться ли сводить счеты? Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: «Ах, Боже мой! Трогает жизнь, везде достает»». Здесь уже мыслительно-чувственный процесс стопорится, рождаются недоумения, которые пробуют разрешиться невольными горестными возгласами. Мы свидетели целого потока внутренних немых сцен. От нахлынувших вдруг разнородных вестей мысль героя бессильно затормаживается, человек ощущает неразрешимость заполонивших его забот, теряется и пробует («отрывистыми восклицаниями») утешить себя нехитрой психолого-философской констатацией неизбежности с ним случившегося.

Совсем иного масштаба, мучительно беспощадная НС описывается автором в момент самооткровения героя, когда Обломов неожиданно для себя «очнулся и открыл глаза». Его посещает сильно тревожащее душу прозрение; откуда ни возьмись, является цепь трудно разрешимых и безжалостных в отношении к себе вопросов: «Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и на значении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались, один за другим, и беспорядочно, пугливо носились, как птицы, пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы».

Горькое самоедство, «тайная исповедь перед самим собою», «жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратить жало их. Но на кого? «Это все... Захар!» – прошептал он». Простодушно лукавое бессилие ответа сразу же становится ему понятным: «Пускав

бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить как следует, как живут “другие”, он вздохнул, закрыл глаза, и чрез несколько минут дремота опять начала понемногу оковы его чувства. “И я бы тоже... хотел... – говорил он, мигая с трудом, – что-нибудь такое... Разве природа уж так обидела меня... Да нет, слава Богу... жаловаться нельзя...” За этим послышался примирительный вздох. Он переходил от волнения к нормальному своему состоянию, спокойствию и апатии». В этом эпизоде ВНС с обезоруживающей внезапностью предъявляет очнувшемуся Обломову сильное душевное испытание, заставляет переживать и страдать, а затем, в поисках самозащиты, естественно приводит к истощению душевных сил и привычно клонит ко сну. Здесь ВНС – сгусток (вихрь) эмоционально-интеллектуального напряжения, одолевающий человека в кризисном состоянии и разрешающийся по неписаным императивам самосохранения. Автор чутко регистрирует сплав вербальной и чувственно-бессловесного переживания героем ВНС.

В буквальном и переносном смысле попутная и кратковременная вспышка – ВНС настигает Обломова, отправляющегося на встречу с Ольгой. Илья Ильич «пошел тише, тише, тише, одолеваемый сомнениями. “А что, если она кокетничает со мной?.. Если только...” Он остановился совсем, оцепенел на минуту. “Что, если тут коварство, заговор... И с чего я взял, что она любит меня?”» Нарастающее смущение обращается в растерянность, растерянность приводит к минутному остоленению, и нежданно-негаданно рождается, казалось бы, ни на чем не основанное подозрение... ВНС может обнаружить себя и в моменты недоверчивой настороженности, сосредоточенности на внезапно угнетающих напрасных догадках.

4. ВНС в диалогическом общении

Совсем иначе ВНС проявляется в чрезвычайно напряженном и трогательном любовном диалоге, в котором обе стороны, каждая по-своему, с повышено чувствительной экспрессией и недосказанностью переживают происходящее между ними: Ольга Ильинская и Илья Ильич Обломов «шли тихо; она слушала рассеянно, мимоходом сорвала ветку сирени и, не глядя на него, подала ему. – Что это? – спросил он оторопев. – Вы видите – ветка. – Какая ветка? – говорил он, глядя на нее во все глаза. – Сиреневая. – Знаю... но что она значит? – Цвет жизни и... Он остановился, она тоже. – И?.. – повторил он вопросительно. – Мою досаду, – сказала она, глядя на него прямо, сосредоточенным взглядом, и улыбка говорила, что она знает, что делает. Облако непроницаемости слетело с нее. Взгляд ее был говорящий и понятен. Она как будто

нарочно открыла известную страницу книги и позволила прочесть заветное место. – Стало быть, я могу надеяться... – вдруг, радостно вспыхнув, сказал он. – Всего! Но... Она замолчала. Он вдруг воскрес. И она, в свою очередь, не узнала Обломова: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись; заиграли краски на щеках; задвигались мысли; в глазах сверкнули желания и воля...»

Исполненный невербальной символики эпизод, чрезвычайно важен и для самочувствия романских героев [О мотиве сирени в романе «Обломов» см.: 20: 124–129], и для нашей темы, связанной с ВНС. Предельная трепетность диалога многозначительно прерывается цепью ВНС, чутко фиксируемой автором, чтобы сперва Ольга, а вслед за ней и Илья Ильич в состоянии могли ощутить всю глубину осознанно открывающихся им навстречу друг другу глубоких чувств. ВНС сосредоточивает в себе невыразимые движения души, передает их через произвольно направленные действия («мимоходом сорвала ветку сирени») и многозначительные жесты (подала ему сорванную ветку сирени) недоговорённые фразы («Цвет жизни и...»). Ольга в этой немой сцене предельно внятно открывает ему заветные чувства, и Илья Ильич их воспринимает с радостным озарением. Возможности ВНС психологически неисчерпаемы и могут по-своему контактно и вместе монологически глубинно осуществляться в каждом из очень близких друг другу партнеров общения. Мы свидетели жанра проникновенного и согласного любовного диалога, каждый из участников которого трепетно переживает свою автокоммуникативную роль, свою ВНС.

Подобный же феномен параллельной ВНС автор отметит и в привычном уже молчаливо диалоговом контакте своих героев: «Они иногда молчали по получасу. Ольга углубится в работу, считает про себя иглой клетки узора, а он углубится в хаос мыслей и живет впереди, гораздо дальше настоящего момента. Только иногда, взглядываясь пристально в нее, он вздрогнет страстно, или она взглянет на него мимоходом и улыбнется, уловив луч нежной покорности, безмолвного счастья в его глазах». Мы свидетели переживаемой героями романа ситуации, в которой «лишь молчание понятно говорит». ВНС здесь вспыхивают украдкой, чтоб вскоре вновь и вновь о себе напомнить...

Сложнейший клубок переживаний передает наступающая Обломова ВНС, которой предшествует неожиданное для Ильи Ильича признание Андрея Штольца: Ольга Ильинская стала его женой... «Кто ж, кто этот счастливец? Я и не спрощу. – Кто? – повторил Штолец. – Какой ты недогадливый, Илья! Обломов вдруг остановил на своем друге неподвижный взгляд:

черты его окоченели на минуту, и румянец бежал с лица. – Не... ты ли? – вдруг спросил он. – Не шути, Андрей, скажи правду! – с волнением говорил Обломов. – Ей богу, не шучу. Другой год я женат на Ольге. Мало-помалу испуг пропадал в лице Обломова, уступая место мирной задумчивости; он еще не поднимал глаз, но задумчивость его через минуту была уж полна тихой и глубокой радости, и когда он медленно взглянул на Штольца, во взгляде его уж было умиление и слезы». Эта сцена – один из важнейших контрапунктов романного повествования. Но здесь, в диалоге с близким другом Илья Ильич переживает ВНС – поразительно сложный водоворот самых разных, невыговариваемых, молниеносно сменяющих друг друга жизнеощущений. ВНС обнаруживает чистоту и удивительно трепетную глубину обломовских переживаний.

5. ВНС в диапазоне мотивов гибели и возрождения

ВНС может стать и становится предлогом не только для приостановки найденного уже и пылко испытанного хода мысли, но и для заметного вдруг притока сомнений в правильности избранного пути. Константин Левин в счастливый день своей свадьбы, оставшись один после веселой встречи-беседы с приятелями, припоминая их доводы о женитьбе, которая, по их стойкому холостяцкому убеждению, ведет к потере собственной свободы и способна вызывать «чувство, как у гоголевского героя, что в окошко хочется выпрыгнуть», думает про себя, есть ли у него в душе чувство сожаления о своей свободе: «Он улыбнулся при этом вопросе. “Свобода? Зачем свобода? Счастье только в том, чтобы любить и желать, думать её желаниями, то есть никакой свободы, – вот это счастье!” “Но знаю ли я её мысли, её желания, её чувства?” – вдруг шепнул ему какой-то голос. Улыбка исчезла с его лица, и он задумался. И вдруг на него нашло странное чувство. На него нашел страх и сомнение, сомнение во всем». И далее, в ключе внезапно захватившего его сомнения следует исполненный сильной растерянности внутренний монолог, побуждающий его ринуться к Кити с совершенно поразившими её расспросами (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). Каверзно застающая героя врасплох ВНС, способна стать испытанием, нарушающим внутреннее душевное равновесие.

ВНС может оказаться роковой для человека, чьи нервы накалены до предела и чьи поиски выхода из сложившихся противоречий не находят по видимости никакого положительного решения. В безнадежном омуте неразрешимых вопрошений находится Анна Каренина после тяжелой размолвки с Вронским: «В душе ее была какая-то неясная мысль, которая одна инте-

ресовала ее, но она не могла ее сознать. /.../ “Зачем я не умерла?” – вспомнились ей тогдашние ее слова и тогдашнее ее чувство. И она вдруг поняла то, что было в ее душе. Да, это была та мысль, которая одна разрешала все». Медленно подбиравшаяся к ней и вдруг со всей очевидностью обнаруженная мысль, уже посетившая её в очень трудных жизненных испытаниях, внезапно представилась Анне по-настоящему всё разрешающей и вызывающей болезненно приятную волну сочувствия к самой себе. Нервически отчаянная ВНС здесь – предвестие катастрофы, что случится с главной героиней романа Толстого.

Ещё одна сильная размовка Анны и Вронского оборачивается ВНС, в которой Анна в сердцах и на пределе отчаяния придумывает подсказанные ревностью и страшно ее уязвляющие ситуации и слова-укоры, которые наверняка, как ей кажется, *готов был бы* сказать ей Вронский. И слова эти, угадываемые ею, про себя выговоренные и к себе самой адресованные, подавляют ее с еще большей, беспощадной болезненной силой: « /.../ вспоминаю все те жестокие слова, которые он сказал, Анна придумывала еще те слова, которые он, очевидно, желал и мог сказать ей, и все более и более раздражалась. “Я вас не держу, – мог сказать он. – Вы можете идти, куда хотите. Вы не хотели разводиться с вашим мужем, вероятно, чтобы вернуться к нему. Вернитесь. Если вам нужны деньги, я дам вам. Сколько нужно вам рублей?” Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в ее воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их». ВНС выстраивается как более чем вероятный, предельно жесткий диалог не с собой, а с воображаемым любимым собеседником, которому Анна, потрясенная бесчувствием Вронского, придает черты крайне холодной жестокости и мелочной расчетливости.

Вскоре Вронский переживет свою ВНС. В ответ на брошенную ему Анной отчаянную реплику о ждущем его раскаянии «он вскочил и хотел бежать за нею, но, опомнившись, опять сел и, крепко сжав зубы, нахмурился. Эта неприличная, как он находил, угроза чего-то раздражала его. “Я пробовал все, – подумал он, – остается одно – не обращать внимания”, и он стал собираться ехать в город и опять к матери, от которой надо было получить подпись на доверенности». На этот раз ВНС, которую пережил и испытал на себе Вронский и которую мысленно заключил хладнокровным приговором «не обращать внимания», вплотную подведет Анну к трагической развязке. ВНС таит в себе риски серьезных психологических испытаний. В состоянии тягостных душевных терзаний ВНС для субъекта её оборачивается сладостно-му-

чительной попыткой совершения действий себе и ближним во зло.

С другой стороны, ВНС готова нести в себе и жизнетворный заряд позитивного обновления общего душевного состояния. Заключительные главы 8-й части романа «Анна Каренина» посвящены «от полноты сердца» преследующим Константина Левина напряженным мучительным раздумьям о вере и неверии, о пределах, положенных на этом свете рациональному познанию мира и о силе чувственного, нравственного восприятия жизни. У Левина «мысль не поспевала за чувством». Психологически очень точно схвачена одна из важнейших примет ВНС. Глубоко волнующая Левина мысль то и дело оборачивается пронзительными вопросами, которые задает себе толстовский герой: «что он такое и для чего он живет». Сильное внутреннее прозрение происходит у героя в откровенном разговоре с крестьянином Федором: « /.../ люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит. – Как Бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин. – Известно как, по правде, по-Божью. Ведь люди разные. Вот хоть вас взять, тоже не обидите человека... – Да, да, прощай! – проговорил Левин, задыхаясь от волнения, и, повернувшись, взял свою палку и быстро пошел прочь к дому. Новое радостное чувство охватило Левина. При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-Божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом». Так впечатляюще отрадно разрешается финальная ВНС у любимого автором романного героя. Описанная Л. Н. Толстым ВНС позволяет нам открыть потаённый мир человеческих исканий истины.

6. Предварительные итоги

Впереди пора тщательного изучения ВНС в автокоммуникации. Но уже на нынешней стадии предварительного погружения в хрупкую и постоянно сопутствующую нам проблему ясно, что уникальную отчетливость и многообразие проявления ВНС, запечатленную в литературной культуре, трудно переоценить. На одном полюсе обнаружения ВНС – повседневная когнитивная активность с импульсивным речевым сопровождением, вносящая более или менее заметные коррективы в обыденный речемыслительный процесс, на другом – предельно сложное сопряжение отчаянно пульсирующей мысли и интенсивной эмоционально-экспрессивной речи, приводящее к заметной, порой

судьбоносной перемене ценностных жизненных и житейских ориентиров и представлений.

ВНС различается по шкале своей отчетливой эмоционально-экспрессивной устремленности: грусть – тревога – пороговое смущение – радостный подъем – счастливое потрясение. Важный различитель ВНС – разновидности его непосредственного речевжанрового сопровождения: возгласы, вопросы, восклицания, одобрения, выражения восхищения, ликования, возражения, ворчания, резюме, констатации, сентенции, афористические откровения, назидания, насмешки, самоуговоры, объяснения, раскаяния, признания... Очевидна непосредственная зависимость эмоционально-экспрессивного переживания ВНС от языковой личности субъекта, от особенностей его речевого поведения. Требуется специального доказательного рассмотрения органичная связь в русской автокоммуникативной культуре самой природы ВНС с концептами «правда» и «душа» [21: 326–330].

Автокоммуникативный феномен ВНС, с точки зрения основных его компонентов, может быть представлен так: привычный, относительно ровный процесс речемыслительной деятельности внезапно прерывается новыми внешними и внутренними сигналами, случайно обнаруживаемыми или подсознательно подготовленными, и сигналы эти оказывают на речемыслительный процесс отрезвляющее / озадачивающее / ошеломляющее впечатление, приводят к огорчениям, озарениям, неожиданным умозаключениям. При этом может едва заметно / чувствительно / круто меняться настроение, самочувствие, отношение к себе, к другим, к оцениваемым событиям и обстоятельствам. Прозрение в таких случаях часто сопровождается эмоционально окрашенным речевжанровым (вопросительно-восклицательным) аккомпанементом и выводит на некий новый уровень восчувствования, осво-

ения реальности. В результате ВНС мысль обретает новые качественно-смысловые импульсы, новое качественное содержание. В пушкинской версии: «Случай, Бог изобретатель».

Подытоживая, отметим: наиболее впечатляющее нас явление ВНС с ментальной достоверностью определяется цепью примерно таких рассуждений: думал о чем-то, и вдруг... пронзила мысль / обратило на себя внимание событие / открылась правда, заставляющая что-то пересмотреть, на что-то посмотреть другими глазами, всё вмиг расставить по местам. В состоянии душевного подъема, изумления, обурившейся на человека тревоги субъект ВНС может продолжить исходную думу, благодарно смущенный / озадаченный / удивленный / отрезвленный неожиданным открытием. Состояние, переживаемое в процессе ВНС, может быть близко к оппозиции, устами Чацкого обозначенной в комедии А. С. Грибоедова: «ум с сердцем не в ладу». Рациональное и чувственное приходят в тревожное противоречие и оборачиваются душевными терзаниями. ВНС таит в себе риски серьезных психологических испытаний.

При внезапной концентрации внимания «Я» на позитивных сторонах жизни, на преодолевающих горести и недуги человеческих возможностях и готовностях ВНС способен оказывать утешительное, успокоительное, вдохновляющее аутопсихотерапевтическое воздействие на субъекта когнитивных самонаблюдений. ВНС в процессе *позитивной* внутриличностной коммуникации невольно способствует социально-психологической адаптации к сложным обстоятельствам жизни. В любом случае семантическая направленность ВНС существенно (и позитивно, и драматически остро) влияет на состоятельность и результативность нашей речемыслительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прозоров В. В. Немая сцена в свете теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV
2. Лотман Ю. М. Система с одним языком. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 14–17; 163–177.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
4. Евченко Н. А., Лисецкий К. С., Березин С. В. Роль внутреннего диалога «Я – Другое-Я» в развитии личности // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 1. С. 76–82.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 718 с.
6. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. 732 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. Изд. 2-е. М. : URSS, 2007. 256 с.
9. Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. Минск : Университетское, 1988. 304 с.
10. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 112 с.
11. Верани Анке. Роль внутренней речи в высших психических процессах / пер. с англ. // *Культурно-историческая психология*. 2010. № 1. С. 7–17.
12. Кольцова Е. А., Карташкова Ф. И. Особенности функционирования внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. Т. 8, № 4. С. 55–73.
13. Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого). М. : Изд-во МПГУ, 2003. 348 с.

14. Кружилина Т. В. Внутренняя речь при вербальной интерференции // Вопросы психолингвистики. 2023, № 4 (58). С. 94–108.

15. Визель Т. Г. Прикладная нейролингвистика. М. : Московский институт психоанализа, Когито-Центр, 2020. 339 с.

16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.

17. Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Изд-во МПГУ, 2011. 180 с.

18. Гинзбург Л. Я. О лирике. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. 378 с.

19. Татару Л. В. Жанровая, когнитивная, нарративная природа лирики // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 300–313.

20. Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов). Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. 392 с.

21. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).

REFERENCES

1. Prozorov V. V. A silent scene in view of the speech genre theory. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

2. Lotman Y. M. A Single-Language System. Autocommunication: “I” and “Other” as addressees. In: Lotman Y. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, 2001, pp. 14–17 ; 163–177 (in Russian).

3. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

4. Evchenko N. A., Lisetsky K. S., Berezina S. V. The role of the internal dialogue “I – Other-I” in personality development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 1, pp. 76–82 (in Russian).

5. Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t. T. 12* [Complete Works: In 14 vols. Vol. 12]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 718 p. (in Russian).

6. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]. Moscow, Russkie slovari, 1997. 732 p. (in Russian).

7. Vygotzky L. S. *Myshleniye i rech'. Izd. 5-e, ispr.* [Thinking and Speech. 5th ed., corrected]. Moscow, Labyrint, 1999. 352 p. (in Russian).

8. Sokolov A. N. *Vnutrennyaya rech' i myshleniye. Izd. 2-e* [Inner Speech and Thinking. 2nd ed.]. Moscow, URSS, 2007. 256 p. (in Russian).

9. Kuchinsky G. M. *Psikhologiya vnutrennego dialoga* [Psychology of Inner Dialogue]. Minsk, Universitetskoe, 1988. 304 p. (in Russian).

10. Gorelov I. N. *Neverbal'nyye komponenty kommunikatsii. Izd. 4-e* [Non-verbal components of communication. 4th ed.]. Moscow, LIBROKOM, 2009. 112 p. (in Russian).

11. Verani Anke. The role of inner speech in higher mental processes. Trans. from English. *Cultural and Historical Psychology*, 2010, no. 1, pp. 7–17 (in Russian).

12. Koltsova E. A., Kartashkova F. I. Features of the functioning of inner speech in linguopragmatic and psychological aspects. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–73 (in Russian).

13. Artyushkov I. V. *Vnutrennyaya rech' i yeye izobrazheniye v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F. M. Dostoyevskogo i L. N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2003. 348 p. (in Russian).

14. Kruzhilina T. V. Inner speech during verbal interference. *Questions of Psycholinguistics*, 2023, no. 4 (58), pp. 94–108 (in Russian).

15. Vizel T. G. *Prikladnaya neyrolingvistika* [Applied neurolinguistics]. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalysis, Cogito Center, 2020. 339 p. (in Russian).

16. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 476 p. (in Russian).

17. Blokh M. Ya., Sergeeva Yu. M. *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner speech in the structure of the fiction text]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2011. 180 p. (in Russian).

18. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel', 1964. 378 p. (in Russian).

19. Tataru L. V. Genre, cognitive, narrative nature of lyrics. *Zhany rech'i: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labyrint, 2012, pp. 300–313 (in Russian).

20. Pyrkov I. V. *Gnezdo nad obryvom. Ritm, prostanstvo i vremya v russkoy usadbenoy literature XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)* [Nest over the cliff. Rhythm, space and time in Russian estate literature of the 19th century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)]. Saratov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy” Publ., 2017. 392 p. (in Russian).

21. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Studia Philologica. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 20.09.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 20.09.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 171–177

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 171–177

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

Научная статья

УДК 821.161.1-3-9.09+811.161.1'42+929Ильф

Жанровые характеристики «Записных книжек» И. Ильфа

В. И. Карасик^{1,2✉}, Э. А. Китанина^{1,2}

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, ¹заведующий кафедрой общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

Аннотация. Рассматривается речевой жанр «Журналистский блокнот» на материале «Записных книжек» Ильи Ильфа. Базовым интенциональным признаком этого жанра является фиксация наблюдений и размышлений, выраженных в словах и высказываниях, замеченных внимательным и ироничным писателем. Журналистский блокнот представляет собой совокупность ярких речевых примеров, записанных в качестве материала для дальнейшего использования в публицистических статьях и художественных текстах. Этот жанр включает следующие единицы: 1) контрадикторные обозначения, содержащие в себе некое внутреннее противоречие и представленные множеством однословных и неоднословных номинативных конструкций, странных забавных фамилий, смешных окказионализмов, 2) экспрессивные описания, точно характеризующие изображаемую реальность и включающие пародируемые образцы речи и различные виды стилизации, 3) конденсированные повествования, в сжатой форме показывающие различные сюжеты, в которых проявляются определенные типы людей, 4) имплицативные рассуждения, для интерпретации которых требуется объяснение контекста эпохи, такие импликации создают ощущение включенности в действительность двадцатых и тридцатых годов прошлого века, 5) экзистенциальные констатации, содержащие в себе ценностную картину мира. Журналистский блокнот как комплексный речевой жанр сближается с дневником и комментарием, выражает акцентированно личное отношение автора к происходящему и фиксирует наиболее важные признаки эпохи. Для писателя журналистский блокнот выступает в качестве предтекста для создания художественного произведения. Многие записи из журналистского блокнота И. Ильфа вошли впоследствии в романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», написанные в соавторстве с Е. Петровым.

Ключевые слова: речевой жанр, журналистский блокнот, Илья Ильф, ценностная картина мира, юмор

Для цитирования: Карасик В. И., Китанина Э. А. Жанровые характеристики «Записных книжек» И. Ильфа // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 171–177. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre characteristics of “Notebooks” by I. Ilf

V. I. Karasik^{1,2✉}, E. A. Kitanina^{1,2}

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka, Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Ella A. Kitanina, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

Abstract. The paper considers the speech genre “Journalist’s Notebook” on the material of Ilya Ilf’s “Notebooks”. The basic intensional feature of this genre is the fixation of observations and reflections expressed in words and statements noticed by the attentive and ironic writer. The journalistic notebook is a set of vivid speech examples recorded as material for further use in journalistic articles and fiction texts. This genre includes the following units: 1) contradictory denotations, which contain a certain internal contradiction and are represented by a multitude of one-word and non-word nominative constructions, strange funny names, funny occasionalisms, 2) expressive descriptions, which accurately characterize the depicted reality and include parodied speech samples and various types of stylization, 3) condensed narratives, which concisely show various plots in which certain types of people appear, 4) implicative reasoning, the interpretation of which requires an explanation of the context of the epoch, such implicatures create a feeling of inclusion in the reality of the twenties and thirties of the last century, 5) existential statements containing a value picture of the world. The journalistic notebook as a complex speech genre comes closer to the diary and commentary, expresses the author’s accentuated personal attitude to what is happening and fixes the most important signs of the epoch. For a writer, the journalist’s notebook acts as a pre-text for the creation of a work of fiction. Many notes from I. Ilf’s journalistic notebook were later included in the novels “The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”, written in co-authorship with E. Petrov.

Keywords: speech genre, journalistic notebook, Ilya Ilf, value picture of the world, humor

For citation: Karasik V. I., Kitanina E. A. Genre characteristics of “Notebooks” by I. Ilf. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 171–177 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Записная книжка для многих людей докомпьютерной эры была постоянным спутником жизни. Мы фиксировали в ней дни рождения родных и друзей, номера телефонов и всякую полезную информацию, которая может понадобиться по случаю. Затем у нас появились ежедневники, органайзеры, толстые блокноты, куда записывались текущие поручения и сведения, необходимые по работе. У некоторых сформировалась привычка с утра записывать то, что следовало сделать в течение дня, и вечером вычеркивать выполненное. Сейчас на смену этим блокнотам пришли электронные планшеты и смартфоны. Разумеется, в записных книжках отражалась личность человека, который ее вел. В этом плане заслуживают внимания записные книжки писателей, документальное свидетельство сбора актуального жизненного материала, который впоследствии превращался в художественное произведение. Жанровый статус журналистского блокнота еще требует обоснования, но, как представляется, этот тип речевой коммуникации может рассматриваться в качестве объекта теории речевых жанров [1, 2].

В данной работе предметом анализа являются записные книжки замечательного отечественного писателя Ильи Арнольдовича Ильфа, хорошо известного нашим соотечественникам по книгам «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», написанным в соавторстве с Евгением Петровичем Петровым. Творче-

ство И. А. Ильфа и Е. Е. Петрова привлекало внимание исследователей [3–10]. «Записные книжки» И. Ильфа были изданы в виде отдельной книги¹. Эти записи часто делались во время творческих командировок: писатель был журналистом, и, как и многие представители этой профессии, сумел побывать в разных странах и городах, отметить яркие впечатления и заслуживающие внимания факты. Писатель фотографически точно заносил в свой блокнот выхваченные из реальности языковые знаки: «Замечательный стилист, Ильф в своих записных книжках экспериментировал со словом, производил отбор точных, ярких, образных выражений, коллекционировал интонации, ритмы разговорных фраз, с наслаждением приглядываясь к тому, как в глубинах словосочетаний загораются искорки юмора» [4: 119].

Основные результаты и их обсуждение

По времени записи в этих книжках распадаются на датированные фрагменты с 1925 по 1937 г.

Можно выделить следующие разновидности записей в рассматриваемом тексте: 1) контрадикторные обозначения, 2) экспрессивные описания, 3) конденсированные повествования, 4) имплицативные рассуждения, 5) экзистенциальные констатации. В основу такого выделения типов записей положены признаки композиционно-речевых форм речи (повествования, описания, рассуждения) и базовые

¹Ильф И. А. Записные книжки. М. : Советский писатель, 1957. 216 с.

интенции автора (наименование, намёк, комментарий).

Контрадикторные обозначения содержат в себе некое внутреннее противоречие, они представлены множеством однословных и неоднословных номинативных конструкций:

Циничная погода (по-видимому, погода, насмешливо опровергающая прогнозы), *планомерная ангина* (болезни не должны происходить по плану), *подсознательный насморк* (сталкиваются несополагающиеся понятия).

В блокноте приводится множество странных и забавных фамилий:

Каучуконосов, Улучшанский-Ухудшанский, Июньский-Июльский, Ледовитов, Нерасторгуев, Парижанский-Пружанский и др. Парадоксально сочетаются имя с фамилией и отчество: *Борис Абрамович Годунов*. У известного русского исторического персонажа неожиданно появляется еврейское отчество. Такие антропонимы фоносемантически создают калейдоскопическую картину реальности, в которой случается всё. Этот антропонимикон впоследствии вошел в текст дилогии «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

Зафиксированы окказиональные обозначения:

Изобретенческие вопросы. Стандартным было бы прилагательное *изобретательские*, в окказиональном слове заложен другой смысл: возможно, это вопросы, возникающие в ходе изобретения. *Дымоуправление*. Это отклонение от слова *домоуправление* иронически характеризует контору, которая занимается ненужным и бесполезным делом: дымом управлять невозможно. *Памятник первопечатнику*. Перед нами игровое каламбурное совмещение слов *первопечатник* и *опечатка*.

В жанровом плане весьма интересны небольшие экспрессивные описания, словесные зарисовки, точно характеризующие ту реальность. Например:

Как забыть, Самарканд, твои червонные вечера, твои пирамидальные тополя, немного нищего, целующего поданную медную монету.

В этом высказывании, начинающемся классическим анапестом, виден почерк настоящего мастера пера. Возникает несколько ярких образов, усиленных повторами местоимений и цветовых образов (червонный вечер – медная монета).

Записан удачный эпитет:

Тяжёлая, чужунная, осенняя муха.

Уточняющая характеристика «тяжелая чужунная» является оригинальным авторским описанием.

Глупость хлынула водопадом.

Экспрессивное описание показывает мощный поток высказанных глупостей.

Вызывает улыбку сравнение несопоставимых ситуаций:

Кот повис на диване, как Ромео на верёвочной лестнице.

Мы помним, что Ромео пытался попасть к Джульетте, когда между их семьями была кровавая вражда, и поэтому каждое его движение было рискованным.

Среди разных описаний попадаются фразы, которые граничат с пустоговорками, эти высказывания, вероятно, фиксировались для речи будущих героев художественного текста:

Ах, как трудно быть красивым, когда некрасив.

Писатель точно воспроизводит образцы канцелярита:

Из статьи в газете: «По линии огурцов дело обстоит благополучно...»

Вызывают ироническую улыбку тяжеловесные псевдоюридические определения:

Пожаром признаётся всякое несчастье, происшедшее от огня, какие бы причины его ни вызвали.

Дана точная характеристика определенным типам людей:

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Выражение – всеми фибрами души, т. е. испытывать какую-либо эмоцию в максимальной степени («фибра» означает «жилка, нерв») [11, 12] – трансформируется в карикатурное обозначение «всеми фибрами чемодана», мы понимаем, что чемодан замещает душу этого субъекта.

Писатель в совершенстве владел приёмами стилизации:

Знайте же, о члены комиссии по сокращению штатов, что жил некогда бедный счетовод в Багдаде.

Происходит накладка двух сюжетов: заседает комиссия по сокращению штатов, но некий счетовод начинает говорить языком Шахерезады.

Некоторые формулировки иронически модифицируют различные устойчивые выражения:

Над городом слышался скрип колеса Фортуны.

Действия Фортуны – богини удачи – невозможно предугадать, выражение «колесо Фортуны» означает переменчивость судьбы, как правило – от хорошего к плохому. Она изображалась стоящей на крылатом колесе. Такая конкретизация фразеологического образа переводит ситуацию из высокой в обиходно-сниженную.

Некоторые выражения интересны как приемы скрытого сравнения:

– *Крепкий у вас волос, – сказал парикмахер, который в будние дни играл на скрипке.*

Волосы сравниваются со струнами музыкального инструмента.

Мы сразу представляем себе участников диалога:

Одной наивностью теперь не возьмете, дорогой мой. Надо еще и думать иногда. Одним темпераментом не обойдетесь.

Так, вероятно, журил опытный редактор начинающего автора.

Запоминается необычный взгляд на привычные явления:

Вечерняя газета писала о затмении солнца с такой гордостью, будто она сама его устроила.

Писателю удавалось найти интересные сравнения:

Два затуманенных от высоты самолёта тащили за собой белые рукава.

Юморист удивительно точно характеризует типы людей:

Снялся на фоне книжных полок, причем вид у него был такой, будто все эти книги он сам написал.

Некоторые высказывания стали крылатыми фразами:

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все рано на титульном листе было написано: «Британская энциклопедия».

Запоминаются конденсированные повествования, в которых показан сюжет, заслуживающий внимания:

Омолодился и умер от скарлатины.

В этом повествовании иронически охарактеризована насмешка судьбы.

Отдельные записи выражают абсурдные сюжеты:

Иванов решил нанести визит королю. Узнав об этом, король отрёкся от престола.

Отречение от престола – это чрезвычайный акт отказа от власти и королевских регалий. Следовательно, встреча с этим Ивановым была бы для короля абсолютно невыносимой. Этот абсурдный сюжет перекликается с сюжетами Д. Хармса.

Для сатирика особенно значимы определенные типы людей:

Сам себе писал множество писем, чтобы досадить почтальону.

Можно пожалеть туриста, которого околдовали иностранные витрины:

Не в силах отвести глаз от витрин, так и не заметил он Стамбула и Афин.

В определенной мере эта фраза является характеристикой многих наших современников.

Мы не знаем, речь идет о фактах или вымысле, но примеры запоминаются:

Шел Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: «Сказочные материалы». Это

было так непонятно, что он вернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: «Смазочные материалы».

Поэт видит то, что ему хочется видеть.

К имплицативным рассуждениям можно отнести высказывания, для интерпретации которых требуется широкий контекст эпохи.

Заслуживает внимания описание торжественного заседания, на котором произносятся длинные речи, а в определенные моменты звучат марши духового оркестра:

Когда начинается «да здравствует», музыканты уже надувают щёки. Читается не резолюция, а текст, годный для конституции республики средних размеров.

Мы понимаем, что выступление сопровождается эмоциональными здравицами в адрес руководства страны и прославления народа, совершившего революцию (поездка в одну из республик Средней Азии в 1925 г.). Это собрание носит характер тщательно соблюдаемого ритуала, речи продолжают долго.

Запоминаются объявления:

Дирекция просит публику не нарушать художественной цельности спектакля аплодисментами во время хода действия.

Мы понимаем, что аудитория состоит из эмоциональных, экспансивных и не очень образованных людей, которые с восторгом реагируют на театральное представление.

От внимательного взгляда репортера не ускользают бытовые недостатки:

Опасно ласкать рукой радиаторы парового отопления – они всегда покрыты пылью.

В этом описании можно заметить удивление тех, кто лишь недавно стал жить в доме с паровым отоплением, людям хотелось погладить эти чугунные батареи.

Некоторые фразы можно прочесть как диагноз эпохи:

Конкурс лгунов. Первый приз получил человек, говоривший правду.

Определенные формулировки требуют исторического комментария:

Он за советскую власть, а жалуется он просто потому, что ему не нравится вообще наша солнечная система.

Быть против советской власти означало быть врагом. Жалоба на что-либо могла восприниматься как провокация. Объяснение в приведенном примере выводит высказывание за рамки здравого смысла. Мы понимаем, что кто-то пытается спасти человека, не сдержавшего свои чувства.

Чуткий журналист записывает чьи-то фразы или конструирует их как заготовки для будущего сюжета:

«Я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты».

Видно, что этому герою всю жизнь хотелось конфет, и у него не было средств, чтобы их купить. Перед нами грустная обобщающая метафора: счастье сводится к сытой сладкой жизни. Такое представление о счастливом будущем входило в государственную идеологию нашей страны на определенном этапе ее развития для некоторой части населения. Но допустима и иная интерпретация этой фразы: умереть на пороге счастья – значит почти прикоснуться к нему.

В центре внимания сатирика находится точная характеристика определенных человеческих типов:

Человек, с которым надо сидеть рядом и указывать ему, что хорошо, а что плохо, иначе он может перепутать.

Обычно так ведут себя родители с маленькими детьми. Здесь можно увидеть ассоциацию с известным стихотворением В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?».

Заслуживают внимания типичные способы маскировки своего невежества:

Если человек говорит: «Мне нужно освежить в памяти сюжет», это значит, что он ничего не читал.

В ряде случаев мы действительно сталкиваемся с банальной забывчивостью, но проницательный сатирик показывает, что весьма часто подобные фразы используются для сохранения лица.

Иронично звучит название учреждения:

Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Легенда о прокрустовом ложе является иллюстрацией болезненной подгонки разных людей под единый стандарт. Вероятно, во время командировок журналисту не раз приходилось спать на слишком коротких кроватях. В этой фразе мы видим осуществление идеологической программы увековечения памяти известных деятелей государства в названиях населенных пунктов и учреждений.

В некоторых лапидарных объявлениях (или квазиобъявлениях) можно увидеть серьезную критику социальных недостатков:

По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда.

Понимающий читатель сразу догадается, что в этой столовой процветало воровство.

Интересны записи, которые представляют собой концентрированные сюжеты:

Анекдот о петухе, которого несут к часовщику, потому что он стал петь на час раньше.

Диагнозом эпохи является отношение ко всему как к механизмам, предназначенным для выполнения определенных функций.

Впечатляют фантастические гиперболы И. Ильфа:

Она была так ошеломлена тем, что увидела, что выбежала из комнаты и тут же превратилась в растение. Теперь это называется «История одного фикуса в зеленой кадлушке».

Особый тип записей образуют экзистенциальные констатации, высказывания, содержащие в себе ценностную картину мира.

Удивительна добрая ирония, с которой писатель смотрит на мир:

Слёзы, пролитые на спектаклях, надо собирать в графины.

Это наблюдение характеризует всю эпоху двадцатых годов XX века, когда в нашей стране возникало новое общество удивительно искренних людей.

Заслуживают внимания аллюзии:

Ему 33 года. А что он сделал? Создал учение? Говорил проповеди? Воскресил Лазаря?

Упоминаются деяния Иисуса Христа.

Записи изобилуют жизненными наблюдениями:

Актёры не любят, когда их убивают во втором акте четырёхактной пьесы.

Мы понимаем, что актёрам нужно внимание публики.

Глубокий критический смысл виден в формулировке:

Неправильную установку можно выправить. Отсутствие установки исправить нельзя.

Речь идет о людях с предельной эластичностью мнений, т. е. о приспособленцах.

Писатель иронически изображает общество, в котором все действуют по приказам:

Приказано быть смелым.

Смелость не может появиться по приказу.

Вызывает сочувствие экзистенциальное несовпадение взглядов на мир у людей, принадлежащих к разным эпохам:

– Бога нет!

– А сыр есть? – грустно спросил учитель.

Учитель понимает, что его ученики повторяют, как попугаи, пропагандистское клише. Он не спорит с ними, а задает вопрос самому себе.

Вызывает улыбку замечание, записанное, наверно, после неприятного разговора с редактором:

Почему, когда редактор хвалит, то никого кругом нет, а когда мямлит, что плоховато, что надо доработать, то кругом толпа и даже любимая стоит тут же.

Это искреннее и немного детское огорчение говорит нам о том, что все мы очень ранимы.

Писатель с горечью констатирует, во что превращается творческий человек, когда вдохновение покидает его:

Композиторы ничего не делали, только писали друг на друга доносы на нотной бумаге.

Среди различных смешных и занимательных фраз в записной книжке И. Ильфа выделяется диалог, резко контрастирующий по своей тональности с бытовыми зарисовками писателя:

- Ты меня слышишь?
- Да, я тебя слышу.
- Хорошо тебе на том свете?
- Да, мне хорошо.
- Почему же ты такой грустный?
- Я совсем не грустный.
- Нет, ты грустный. Может, тебе плохо среди серафимов?
- Нет, мне совсем не плохо. Мне хорошо.
- Где же твои крылья?
- У меня отобрали крылья.

Этот диалог начинается как спиритический сеанс встречи с близким человеком, который уже умер и попал в рай. Спрашивающий сразу понимает, что его собеседнику плохо в том раю. Неожиданный ответ потрясает: это, оказывается, был не человек. Охраняющие рай серафимы лишили пришельца крыльев. Кем

был тот, кого лишили крыльев? Мы понимаем, что этот рай похож на тюрьму.

Заключение

«Записные книжки» И. Ильфа представляют собой особый речевой жанр – журналистский блокнот, базовым интенциональным признаком которого является фиксация наблюдений и размышлений, выраженных в словах и высказываниях, замеченных внимательным и ироничным писателем. Речевыми единицами этого жанра являются 1) контрадикторные обозначения, 2) экспрессивные описания, 3) конденсированные повествования, 4) имплицитные рассуждения, 5) экзистенциальные констатации. Журналистский блокнот как комплексный речевой жанр сближается с дневником и комментарием, выражает акцентированно личное отношение автора к происходящему и фиксирует наиболее важные признаки эпохи. Для писателя журналистский блокнот выступает в качестве предтекста для создания художественного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с.
3. Афанасьева Т. С. Литературная архетипика и мотивно-образная система диалогии И. Ильфа и Е. Петрова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 23 с.
4. Вулс А. З. И. Ильф, Е. Петров. Очерк творчества. М. : Гослитиздат, 1960. 376 с.
5. Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.
6. Лурье Я. С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. 236 с.
7. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М. : Изд-во РГГУ, 2015. 293 с.
8. Поздняков К. С. Творчество Ильи Ильфа и его литературный круг: формирование креативного класса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2019. 40 с.
9. Попченко И. В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
10. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

11. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд. М. : ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
12. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010. 600 p. (in Russian).
2. Demytyev V. V. *Integral'noe opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
3. Afanasyeva T. S. *Literary Archetypes and Motif-image System of the Dialog of I. Ilf and E. Petrov*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Magnitogorsk, 2009. 23 p. (in Russian).
4. Vulis A. Z. *I. Ilf, E. Petrov. Ocherk tvorchestva* [I. Ilf, E. Petrov. Sketch of creativity]. Moscow, Goslitizdat, 1960. 376 p. (in Russian).
5. Dergileva J. I. *Artistic Anthroponymicon in Linguo-cultural Representation (on the Material of I. Ilf's and E. Petrov's Dialog "The Twelve Stooges" and "The Golden Telegraph")*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2008. 22 p. (in Russian).
6. Lurie Ya. S. *V krayu nepuganykh idiotov. Kniga ob Il'fe i Petrove* [In the land of unscares idiots. The book about Ilf and Petrov. 3rd ed., rev. and suppl.]. Saint Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2005. 236 p. (in Russian).
7. Odesskiy M. P., Feldman D. M. *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova: Ocherki verbalizovannoy povsednevnosti* [Worlds of I. A. Ilf and E. P. Petrov: Sketches of verbalized everyday life]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2015. 293 p. (in Russian).

8. Pozdnyakov K. S. *Creativity of Ilya Ilf and his Literary Circle: the Formation of the Creative Class*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Samara, 2019. 40 p. (in Russian).

9. Popchenko I. V. *Comic Picture of the World as a Fragment of the Emotional Picture of the World (On the Material of the Texts of I. Ilf and E. Petrov)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2005. 24 p. (in Russian).

10. Shcheglov Y. K. *Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya* [The novels of Ilf and Petrov. A Reader's Companion]. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2009. 656 p. (in Russian).

DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS

11. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii. Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo* [Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., eds. Academic Dictionary of Russian Phraseology. 2nd ed.]. Moscow, LEKSRUS, 2015. 1168 p. (in Russian).

12. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar': okolo 6000 frazeologizmov. Pod red. V. M. Mokienko* [Mokienko V. M., ed. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: About 6000 phraseological phrases]. Moscow, Astrel, AST, Lyuks, 2005. 926 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 178–184

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 178–184

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-178-184>, EDN: POONQJ

Научная статья

УДК 821.161.1-92-95.09+929Измайлов

Юбилейная статья в литературно-критической практике А. А. Измайлова

А. С. Александров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Александров Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы, aspiros.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

Аннотация. На широком источниковедческом материале в литературно-критическом и историко-литературном ключе исследована природа юбилейной статьи, особого жанра массовой периодической печати и газетно-журнальной литературной критики конца XIX – начала XX в. Во введении рассмотрены теоретические работы, посвященные разным аспектам названного жанра, сформулирована задача исследования – выявить дополнительные характеристики и особенности публикаций этого типа. Предметом изучения стали материалы творческого наследия критика-фельетониста, сотрудника ведущих столичных изданий «Биржевые ведомости», «Слово», «Русское слово» А. А. Измайлова (1873–1921). В частности, работы, посвященные 10-летию писательской деятельности Л. Н. Андреева, 30-летию вхождения в литературу В. В. Розанова, 80-летию Л. Н. Толстого. Впервые введены в научный оборот материалы служебной переписки Измайлова с редактором «Русского слова» Ф. И. Благовым. Анализ источниковедческих материалов позволил выявить синтетическую природу исследуемого жанра: в своей основе юбилейная статья близка к жанру литературного портрета, но в газетной практике приобретает более сложную форму, вбирая в себе элементы других жанров: мемуаров, интервью, беседы, анкеты, опроса и пр.

Ключевые слова: юбилей, интервью, канон, фельетон, статья-портрет, газета, литературная критика

Для цитирования: Александров А. С. Юбилейная статья в литературно-критической практике А. А. Измайлова // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 178–184. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-178-184>, EDN: POONQJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anniversary article in the literary critical practice of A. A. Izmailov

A. S. Aleksandrov

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) Russian Academy of Science, 4 Makarov Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Aleksandr S. Aleksandrov, aspiros.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

Abstract. The article deals with the nature of an anniversary article, a special genre of mass periodicals and journealese literary criticism of the late 19th – early 20th centuries/ The research is based on ample source material in a literary-critical and historical-literary vein. The introduction examines theoretical works devoted to various aspects of this genre, and formulates the research task – to identify additional characteristics and features of publications of this type. The subject of the study is the creative heritage of the critic-feuilletonist, employee of the leading metropolitan publications “Birzhevy Vedomosti”, “Slovo”, “Russian Word” A. A. Izmailov (1873–1921), in particular, works dedicated to the 10th anniversary of L. N. Andreev’s writing career, the 30th anniversary of V. V. Rozanov’s writing career, and the 80th anniversary of L. N. Tolstoy. The materials of Izmailov’s official correspondence with the editor of “Russian Word” F. I. Blagov were first introduced into scientific discourse. The analysis of source materials made it possible to reveal the synthetic nature of the genre under study: at its core, the anniversary article is close to the genre of literary portrait,

but in newspaper practice it takes on a more complex form, incorporating elements of other genres: memoirs, interviews, conversations, questionnaires, surveys, etc.

Keywords: anniversary, interview, canon, feuilleton, portrait article, newspaper, literary criticism

For citation: Aleksandrov A. S. Anniversary article in the literary critical practice of A. A. Izmailov. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 178–184 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-178-184>, EDN: POOHQJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона отмечено древнееврейское происхождение слова «юбилей» [1: 272], здесь же подчеркнуто, что в России общепринятое название «юбилей» «служит передачей не библейского собственно, а латинского слова *jubilaus*, заключающего в себе мысль о радостном восклицании» [1: 272]. В литературном быту начала XX в. юбилей означал круглую дату, как правило, кратную пяти, связанную с каким-либо литературным событием. Важным сопровождением таких событий были юбилейные статьи, занимавшие заметное место в массовой периодической печати в конце XIX – начале XX в.

В теоретических работах, посвященных литературной критике, юбилейная статья сопоставлена с жанром литературного портрета. Л. Гроссман соотносит его с одноименным жанром живописи и определяет как «словесный метод изображения», который «дает одновременно изображение и характеристику оригинала, обычно в статическом состоянии, выделяя и даже подчас подчеркивая все существенное и типическое» [2: 11]. В. В. Перхин, анализируя природу юбилейных статей, отмечает, что авторы подобных материалов делают акцент на «выявлении позитивного вклада писателей в русское творчество, в художественную культуру, на оценке роли их личности и творчества в жизни и судьбе нации» [3: 55]. М. В. Михайлова в обстоятельной работе об эволюции жанровых форм в литературной критике начала XX в., относя к разновидностям жанра портрета писателя «панегирик (обычно приурочиваемый к юбилею)» и статьи «памяти писателя (некролог)», указывает, что «широкое распространение в критике начала XX века юбилейных статей было связано с каскадом юбилеев писателей, получивших в сознании общественности статус классиков» [4: 649]. При этом о полном отождествлении литературного портрета и юбилейных статей говорить не приходится.

В настоящей работе мы обратимся к анализу материалов этого типа в литературно-критической практике видного фельетониста начала XX в. А. А. Измайлова, сотрудника

ряда авторитетных периодических изданий, в том числе газет «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Слово», с целью выявления дополнительных характеристик и особенностей публикаций, приуроченных к круглой дате.

Основная часть

Феномен юбилея и литературный быт начала XX века

Массовая периодическая печать начала XX в. дает богатый материал для изучения феномена писательского юбилея: юбилейные комитеты, торжественные вечера, заседания литературных обществ, комитеты почина, праздничные обеды, торжественные банкеты, камерные юбилейные заседания.

Круглая литературная дата – это неотъемлемая часть газетной хроники, летописи литературных событий и литературного быта эпохи. Для автора юбилей – достойный повод напомнить о себе читательской аудитории, для журналиста – информационный повод дать обстоятельный фельетон (порой на разворот газетного листа), с характеристикой творчества, напоминанием о важных вехах творческой деятельности известного человека, дополнительная возможность заработка.

Помимо непосредственного информационного сопровождения, неизменными атрибутами этих мероприятий были программы, пригласительные билеты, памятные жетоны и пр. Любопытные примеры юбилейной атрибутики перечисляет О. С. Муравьева в статье, посвященной торжествам к 100-летию русских классиков: «с папиросами «В память Пушкина», шоколадом «Пушкин», чернильницами и водочными бутылками в форме головы Пушкина могли успешно конкурировать карамель «Гоголь» и пряники «Ревизор», а также булавки с фарфоровой головкой, на которых умельцы исхитрились уместить портрет Гоголя» [5: 668].

Юбилей классика для писателей начала XX в. – это не только причина собраться в большой аудитории и провести масштабное торжественное заседание с докладами,

обсуждениями, полемиками¹. В литературном быту юбилей – это и уместный повод встречи для общения в интимной компании литераторов-единомышленников, возможность прочесть новое произведение и выслушать мнение коллег. Измайлов вспоминал удивительную традицию отмечать юбилей классиков, заведенную И. Л. Леонтьевым-Щегловым: «Маленькие свидания с литературными друзьями, которые были для него своего рода праздником, он старался приурочивать к каким-нибудь дням рождения Пушкина или Гоголя. Он затевал у себя в уголке, в Артиллерийском переулке, какие-нибудь “макароны по-гоголевски” и ближайшим друзьям закидывал записки: – “В понедельник, 26 апреля, в 2 часа пополудни, у Ивана Щеглова будут гоголевские макароны, – 70-тилетний макаронный юбилей... В надежде, что Вы почтите Вашим аппетитным вниманием”. Ему было не лень присоединять к этому выписку, кажется из Анненкова, о том, как в 1840 году Гоголь приготавливал макароны. “Повар подал макароны не совсем доваренные. Гоголь положил сначала множество сливочного масла” и т. д. Очевидно, весь под впечатлением этого воспоминания он писал письмо товарищу, не имевшему возможности посетить его завтрака. – “Только что ушли из моей артиллерийской берлоги Альбов, Баранцевич, Фидлер, Ясинский, Богданов-Бельский и т. д. Макароны удалась очень счастливо. Все было в итальянском гоголевском стиле. Память Гоголя почтили трогательным вставанием. <...> Решено и на будущее время памятовать у меня Гоголя...”» [6: XVI]. Приведенные примеры – свидетельства насыщенной жизни писательского сообщества, в которой юбилей занимал значимое место.

**Формы юбилейной статьи
в литературно-критической практике
А. А. Измайлова**

Именно традиции быта писательского сообщества в немалой степени способствовали закреплению жанра юбилейной статьи в периодической печати. Из бытовой практики приходит в массовую периодику статья по случаю годовщины литературной деятельности. Для авторов празднование круглой даты с момента первой публикации – юбилея дебюта (рассказа, стихотворения, статьи и пр.) в кругу

коллег-литераторов, т. е. фиксация момента вступления в профессиональное сообщество – действенный способ легитимизации писательского статуса.

Подобные события, как правило, имели информационное сопровождение, масштаб которого зависел от личности юбиляра. В ряде случаев юбилею посвящались специальные торжественные номера, внеочередные иллюстрированные выпуски, приложения. М. А. Фролов на основе материалов «Нового времени» наблюдает такое явление, как «юбилейный цикл»: «публикации, связанные с отмечаемой литературной и читающей общественностью торжественной датой – будь то юбилей писателя, журналиста, актера, музыканта, издателя, общественного деятеля, памятная годовщина или важная дата в истории культуры – публиковались нередко в течение целого месяца, складываясь в результате в некий «цикл», включающий в ряде случаев до двух десятков публикаций – от кратких анонсов и объявлений до подробных отчетов обо всех формах чествования юбиляра или празднования той или иной памятной даты» [7: 85].

В апреле 1908 г. отмечалось 10-летие творческой деятельности Леонида Андреева. Круглая дата широко освещалась в прессе². Появился целый ряд статей, приуроченных к юбилею, по содержанию они сопоставимы с литературными портретами. В этих публикациях речь шла о знаменательных моментах вхождения в литературу, упомянуты отдельные биографические подробности, подведены даже определенные итоги литературной деятельности, достижения за десять лет творчества, намечены перспективы. В бытовом плане андреевский юбилей сопровождался рядом отнюдь не пышных, но камерных мероприятий. Центральным событием стало чтение самим юбиляром нового произведения – «Рассказа о семи повешенных» – в узком кругу литераторов на квартире Андреева в Петербурге.

По поводу предстоящего торжественного события Измайлов писал редактору газеты «Слово» И. Л. Щеглову-Леонтьеву: «8-го апреля <1908 года>, как Вы, вероятно, уже знаете, будет пышно чествоваться Леонид Андреев по случаю десятилетия его писательства. Если Вы признаете необходимым отметить

¹См., например, публикации докладов, прозвучавших на заседании Общества любителей российской словесности в дни гоголевских торжеств: Гоголевские дни в Москве. 1809–1909/О-во любителей рос. словесности. М.: Печ. А. И. Снегиревой, [1910]. [1], 336 с.

²См., напр.: Брусянин В. На заре: 10 лет литературной деятельности Л. Андреева // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 8 апр. № 10443. С. 6; Чаговец В. «Андреевское десятилетие» и его итоги // Киевская мысль. 1908. 10 апр. № 101. С. 2; Петроний [Пильский П. М.]. Жизнь Леонида Андреева: К 10-летию литературной деятельности // Свободные мысли. 1908. 15 апр. № 49. С. 1–2; Чуковский К. Оптимизм Леонида Андреева: К 10-летию литературной деятельности // Там же. С. 2–3.

этот день и, в частности, поставите это мне в необходимом, то будьте добры как-нибудь предупредить меня об этом. Мы сговорились бы, как удобнее сделать это» [8: 244].

Андреевскому юбилею в «Слове» был отведен небольшой раздел в составе фельетона на текущие литературные темы. Измайлов, в частности, писал: «8 апреля исполнилось десять лет писательства Леонида Андреева. Десять лет назад скромный судебный хроникер московской газеты «Курьер» напечатал в ней, в пасхальном номере, по предложению секретаря редакции, маленький праздничный рассказ «Баргамот и Гараська» <...> Волшебное чудо расцвело в жизни маленького судебного хроникера. Сейчас он – мировая известность. Его переводят на все языки. Издатели покупают его вещи для издания в пятидесяти тысячах экземпляров. Жизнь его – сказка, феерия, фантасмагория. Десять лет, конечно, не юбилей. Друзья и поклонники писателя хорошо сделали, отказавшись от своей мысли как-либо внешне ознаменовать этот день. <...> Но можно отметить этот день. <...> По сравнению с поколением старших, Андреев сейчас самый сильный из русских писателей-трагиков, один из самых чутких писателей, искренно откликающихся на все волнения современного духа»³. Эта заметка – классический юбилейный отклик-панегирик, риторически не выдающийся из множества подобных материалов, традиционно подразумевающих «минимум критических замечаний» [9: 649].

Развернутый фельетон Измайлова «О Леониде Андрееве» в «Русском слове», написанный по тому же поводу, более интересен⁴. В зачине статьи описание творческого пути, фиксация моментов вхождения в литературу, освещение роли литературной критики в деле достижения писательского успеха. Упомянут И. И. Ясинский, одним из первых отозвавшийся на дебютные шаги начинающего автора, отмечено приветствие Н. К. Михайловского, подчеркнута важность первых критических откликов в становлении прозаика.

Затронув вопросы, связанные с писательским дебютом, с формированием успешной писательской репутации, Измайлов отметил

роль скандалов в творческой биографии Андреева, и прежде всего, инвектив со стороны С. А. Толстой⁵. Призывы к бойкотированию андреевских тем со стороны супруги великого писателя, как отмечает автор юбилейной статьи, способствовали, однако, обратному – увеличению популярности Андреева: «Гром из Ясной Поляны, аутодафе, которому предавали в некоторых патриархальных семьях книги Андреева, специальные кампании и травли <...> – все это слилось в один пестрый и спутанный шум, какой следует сейчас за триумфаторской колесницей Андреева»⁶.

Инкорпорированное в текст фельетона интервью с автором-юбиляром (беседа состоялась накануне), в котором Андреев подтвердил свою приверженность «реально-психологическому рассказу», завершило статью. Полученное интервьюером приглашение на первое чтение нового произведения – «Рассказа о семи повешенных» – в рамках статьи трансформировалось в анонс будущей публикации.

Спустя продолжительное время после юбилейных торжеств в «Огоньке» прошла третья статья Измайлова об Андрееве. Она представляла собой статью-впечатление, воспоминание о юбилее, первом чтении «Рассказа о семи повешенных»⁷.

Материалы А. А. Измайлова о Леониде Андрееве: небольшая заметка в «Слове», обстоятельный фельетон в «Русском слове» и специальная статья в «Огоньке», – встраиваются в общий юбилейный цикл к 10-летию литературной деятельности автора «Баргамота и Гараськи». Статьи этого юбилейного цикла наделены чертами классического жанра литературной критики – портрета писателя. В то же время формат газетной публикации привносит новации: в юбилейных статьях выделяются элементы анонса, рекламы, текст дополняется личными субъективными впечатлениями, вставками мемуарного характера, интервью.

Разнообразная палитра анализируемого жанра предстает в переписке Измайлова и редактора газеты «Русское слово» Ф. Благова (в обязанности ведущего литературного критика вменялось не только обзирать книжные новинки, но и следить за новостями лите-

³Неблагодарный читатель [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: (Академия и Пушкин. – От судебного хроникерства до мировой известности. – Литературный распад и первые застрельщики борьбы с ними) // Слово. 1908. 11 апр. № 429. С. 2.

⁴См.: Измайлов А. О Леониде Андрееве // Русское слово. 1908. 8 апр. № 82. С. 3.

⁵Речь идет о полемике по поводу рассказа Л. Андреева «В тумане». Дискуссию открыло «Письмо в редакцию» газеты «Новое время» С. А. Толстой, в котором она, согласившись с общей негативной оценкой рассказа В. П. Бурениным, назвала это произведение порнографическим произведением (Толстая С. А. Письмо в редакцию // Новое время. 1903. 7 февр. № 9673. С. 4). Письмо было массово републиковано столичными и провинциальными изданиями и сопровождалось бурным обсуждением.

⁶Измайлов А. О Леониде Андрееве // Русское слово. 1908. 8 апр. № 82. С. 3.

⁷Смоленский А. [Измайлов А.]. На первом чтении рассказа о «Семи повешенных» // Огонек. 1909. № 6. С. 4–8.

ратурного мира, в том числе отслеживать юбилеи). В письме от 29 сентября 1908 г. критик сообщал: «К сведению редакции: совершенно точная дата 100-летие рождения Кольцова 3-ье (третье) октября, – по метрике, не 2 как говорил Белинский, не 9-е, как умничают сейчас невежественные репортеры. Вероятно, 10-го Вы получите мой фельетон» (НИОР РГБ. РС. Карт 14. Ед. хр. 68. Л. 9 об.). В начале января 1911 г.: «21 янв<аря> 30 лет Писемскому и 28-го 30 – Достоевскому. Статька (маленькая?) я пришлю, если нужно. О Достоевском. У Вас есть два письма, еще никогда не печатавшихся. Они уже приобретены редакцией. Летом мне прислали их текст, к<ото>рый у меня сохранен. *Надо ли написать к ним вводную пояснительную статейку “от редакции?”* Если надо, нельзя ли узнать, к кому они? На моем тексте это не означено. Беседу с Чириковым посылаю. Статья о нем будет к 17-му февраля, – дню чествования» (Там же. Л. 16). 7 апреля 1911 г.: «Идет май с юбилеем Белинского, и август с десятилетием <со дня смерти В. С.> Соловьева. Не будет ли Соловьевский №, – я бы своевременно пощупал “воспоминательный”, – есть интересные, как друг его, Радлов» (Там же. Л. 18 об.). 9 мая 1912 г.: «К 6 июня, дню столетия рождения Гончарова, позвольте прислать обычный литер<атурный> портрет его» (Там же. Л. 24 об.).

9 февраля 1912 г. сотрудник информировал редактора о ряде круглых дат, связанных с вхождением литераторов на творческую стезю: «В этом месяце, в Санкт-Петербурге есть три небольших юбилея – 12-го – библиографа Лисовского (40 лет), 15-го – поэта Мазуркевича (25 лет) и 21-го Глинского – (25 лет). О Лисовском посылаю сейчас биографическую справку, которой, я думаю, и достаточно. О Мазуркевиче – статейку, небольшую, и, я полагаю, без подписи. О Глинском пришлю невольное обстоятельный фельетон» (Там же. Ед. хр. 69. Л. 6–6 об.).

В массовой периодике юбилейные статьи находили самые необычные воплощения. Приведенные корреспонденции демонстрируют расширительное понимание термина, когда в качестве юбилейной статьи автор-критик предлагал: фельетон («воспоминательного характера», «живой», «обстоятельный»), публикацию писем с преамбулой, маленькую статью («статейку»), беседу, интервью с писателем, статьи мемуарного характера, литературный портрет, биографическую справку.

За юбилеями, особенно относящимися к моменту вхождения писателя в литерату-

ру (юбилей дебюта), следили, как правило, именно присяжные критики-летописцы. Они выступали инициаторами чествований, собирали информацию, обращались за материалом к авторам. Так, в 1912 г. Измайлов обратился к В. В. Розанову с предложением отметить годовщину его литературного дебюта: «На днях от одного из читат<елей> и почитателей Ваших я получил письмо с извещ<ением>, что в этом июне истекло 30 лет педагогич<еской> деят<ельности> В. В. Роз<анова> и что он мог бы дать нам о сем статью. Переговорив с ред<актором>, я мог ему ответить просьбой – прислать статью. А ведь это, д<олжно> б<ыть>, совпадает и с юбил<еем> литературным? Я знаю Ваши взгляды насчет чествований, но газетн<ые> статьи – дело особое. И если Вы подтвердите факт, – Вам сотворим триумф» [9: 446].

Судьба этой инициированной критиком юбилейной статьи-беседы о Розанове курьезна. Выдвинув дружеское предложение к моменту летних отпусков, критик не смог сдержать обещания; через месяц он перепоручил проект интервью своему коллеге, о чем сообщал юбиляру: «Я просил В. Ф. Боцяновского выполнить это дело за меня, побеседовав с Вами <...> думается, беседа может выйти исключительного интереса» [9: 469]. Боцяновский также не смог исполнить поручения. В итоге юбилейную статью Розанов написал собственноручно, изложив в ней основные вехи биографии, представив самопрезентацию, оценку творчества. Статья была подписана псевдонимом Измайлова (Аякс). Таким образом, первоначальная идея обстоятельной юбилейной статьи трансформировалась в проект несостоявшегося интервью, а de facto воплотилась в виде автобиографии писателя⁸.

В августе 1908 г. отмечался 80-летний юбилей Л. Н. Толстого. Несмотря на то, что сам писатель отказался от каких-либо торжеств, литературное сообщество готовилось широко чествовать живого классика. 28 августа все без исключения русские газеты и журналы (и многие иностранные) вышли со статьями, посвященными «великому писателю земли русской». Некоторые материалы выглядели шаблонными. Критикам, готовившим праздничные выпуски, в борьбе за читателя приходилось прибегать к нетривиальным методам подачи материала. Измайлов в ряду публикаций, посвященных этому событию, планировал юбилейный опрос, для чего рассылал корреспондентам типовое письмо от редакции «Биржевых ведомостей»: «В № 28-го августа,

⁸См.: Аякс [Измайлов А. А.]. В. В. Розанов: (К 30-летию юбилею. 1882–1912 гг.) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 21 нояб. № 13260. С. 5–6. Подробнее об обстоятельствах этой публикации см. в переписке Розанова и Измайлова: [9: 465–469].

посвященном Толстому, редакция предполагает дать *свод мнений* современных писателей о Льве Николаевиче. Безразлично, будет ли это личное воспоминание, мнение, указание на влияния, оказанные на Вас Толстым, два-три афоризма о Толстом, частная мысль по поводу какого-нибудь отдельного его сочинения, анекдот и т. д. Позвольте надеяться, что Вы не откажете дать нам таких 20–30–40 строк. Если Вам не хотелось бы давать их как свое сочинение, они могут быть представлены в виде отрывка из беседы с Вами» [8: 246].

Публикация по итогам опроса прошла в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» от 28 августа 1908 г. и представляла собой широко распространенный газетный жанр начала XX в. – ответы знаменитых литераторов и деятелей культуры на типовую анкету. Реплики сопровождалась факсимильными подписями. Среди респондентов были И. И. Ясинский, К. С. Баранцевич, С. А. Венгеров, А. И. Куприн, П. М. Невежин, В. Я. Светлов, В. А. Тихонов, К. М. Фофанов⁹.

Заключение

Подача материала, расстановка акцентов зависели не только от масштаба события, личности писателя-юбиляра, но и актуального нового материала, которым располагал критик, его кругозора и широты круга общения. В этом отношении работы Измайлова, хорошо известного в столичных писательских кругах, сотрудничавшего и лично знакомого со многими литераторами, весьма показательны. Стремясь к занимательности, критик органично дополнял свои юбилейные статьи литературными беседами, воспоминаниями, письмами, частными мнениями, афоризмами, анекдотами, а *propos* включал эпистолярные материалы из личного архива, что соответствовало целевым установкам массовой периодической печати, рассчитанной на широкие читательские круги.

Газета, ориентированная на массового читателя, предлагала своим сотрудникам широ-

кие возможности по оформлению юбилейных материалов – от обстоятельных фельетонов аналитического, портретного, мемуарного характера – до небольших заметок, анкет, анекдотов. Очевидно, что юбилейная статья в русской периодике начала XX в. не выстраивалась в строгом каноне, обладала синтетической природой.

В отличие от критического фельетона установка юбилейной статьи – позитивная, хвалебная. Публикации этого жанра – в центре которых, безусловно, личность юбиляра, портрет, важные события творческой биографии – не замыкаются исключительно на личности автора. Юбилей – это повод обсудить художественные произведения, напомнить об успешном или неудачном дебюте, назвать творческие достижения, восстановить в памяти литературные скандалы – все то, что непосредственно связано с литературной репутацией писателя.

Личность юбиляра, его вовлеченность в жизнь профессионального литературного сообщества не в последнюю очередь влияла на форму и качество праздничных материалов. Известны случаи, когда значимые годовщины были отмечены лишь пунктирно, как формальное исполнение требований юбилейной риторики, связанной с традициями литературного быта эпохи.

Начало XX в. озаменовано настоящими информационными взрывами, поводами к которым были юбилеи писателей-классиков. Эти события, сопровождавшиеся публикациями юбилейных статей практически во всех газетах и журналах Российской империи и даже мировой прессы (в первую очередь 80-летие Толстого, 100-летие со дня рождения Пушкина, Гоголя, Белинского и др.), связаны со сложными процессами культуры – канонизацией и мифологизацией писателя. В ряде случаев юбилейные материалы содержат уникальные сведения из первых уст, редкие биографические и мемуарные свидетельства живых участников литературного процесса, потому их анализ актуален в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. XLI (81). 586 с.
2. Гроссман Л. П. Цех пера: Статьи о литературе. М. : Федерация, 1930. 301 с.
3. Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...»: Литературная критика от рецензии до некролога: Серебряный век. СПб. : Лицей, 2001. 256 с.
4. Михайлова М. В. Литературная критика: Эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы

конца XIX – начала XX века: Динамика жанра. Общие положения. Проза. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 620–704.

5. Муравьева О. С. Два юбилея: Пушкин, Гоголь и русское общество // Феномен Гоголя: материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / под ред. М. Н. Виролайнена и А. А. Карпова. СПб. : Петрополис, 2011. С. 667–680.

6. Измайлов А. А. Трагедия тоскующего юмориста: Литературно-критический очерк об И. Л. Щеглове-Леонтьеве // Щеглов И. Народ и театр: Очерки и ис-

⁹См.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 28 авг. № 10678. С. 1–2.

следования современного народного театра. Санкт-Петербург, [1911]. С. I–XXVIII.

7. Фролов М. А. Литература, журналистика и публицистика на страницах газеты «Новое время» начала 1900-х годов: Темы, жанры, рубрики: (Опыт аналитического обзора) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: Формы взаимодействия и методология анализа : коллективная монография / отв. ред. и сост. А. А. Холиков при участии Е. И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 57–88. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-1-57-88>

8. Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911) / вступ. ст., подгот. текста и ком. А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. С. 227–270. <https://doi.org/10.31860/0202-0262-2019-36-227-270>

9. А. А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2017. 728 с.

REFERENCES

1. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Saint Petersburg, 1904. Vol. XLI (81). 586 p. (in Russian).

2. Grossman L. P. *Tsekh pera: Stat'i o literature* [The pen shop: Articles about literature]. Moscow, Federatsiia, 1930. 301 p. (in Russian).

3. Perkhin V. V. "Otkryvat' krasoty i nedostatki...": *Literaturnaia kritika ot retsenzii do nekrologa. Serebrianyi vek* ["Discovering beauty and shortcomings...": Literary criticism from review to obituary. Silver Age]. Saint Petersburg, Litsei, 2001. 256 p. (in Russian).

4. Mikhailova M. V. Literary Criticism: Evolution of genre forms. In: *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka: Dinamika zhanra. Obshchie polozheniia. Proza* [Poetics of Russian literature of the late XIX – early XX centuries: Dynamics of the genre. General provisions. Prose]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 620–704 (in Russian).

5. Murav'eva O. S. Two anniversaries: Pushkin, Gogol and Russian Society. In: *Fenomen Gogolia: materialy Iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia N. V. Gogolia. Pod red. M. N. Virolainen, A. A. Karpova* [Virolainen M. N., Karpov A. A., eds. The Gogol Phenomenon: Proceedings of the Anniversary International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of N. V. Gogol]. Saint Petersburg, Petropolis, 2011, pp. 667–680 (in Russian).

6. Izmailov A. A. The tragedy of a yearning humorist: Literary critique of I. L. Shcheglov-Leontyev. In: *Shcheglov I. Narod i teatr: Ocherki i issledovaniia sovremennogo narodnogo teatra* [The People and the Theatre: Essays and Studies on Contemporary Folk Theatre]. Saint Petersburg, [1911], pp. I–XXVIII (in Russian).

7. Frolov M. A Literature, journalism and publicism on the pages of the newspaper "New Time" of the early 1900s: Topics, genres, headings: Experience of an analytical review. In: *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: Formy vzaimodeistviia i metodologiya analiza: kollektivnaia monografiia. Otv. red. i sost. A. A. Kholikov pri uchastii E. I. Orlovoi* [A. A. Kholikov, ed. and compl. with partic. E. I. Orlova. Russian literature and journalism pre-revolutionary era: Forms of interaction methodology of analysis: Collective monograph]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 57–88. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-1-57-88> (in Russian).

8. Correspondence between A. A. Izmaylov and I. L. Leontyev (Shcheglova) (1904–1911). Introduct. art., text prepar. and comp. by A. S. Alexandrov, O. L. Fetisenko. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2018–2019]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2019, pp. 227–270. <https://doi.org/10.31860/0202-0262-2019-36-227-270> (in Russian).

9. А. А. Измайлов: *Perepiska s sovremennikami. Sost., vstup. st. A. S. Aleksandrova, predisloviia, podgot. tekstov i primech. A. S. Aleksandrova, E. K. Aleksandrovoi, N. Yu. Griakalovoi* [Alexandrov A. S., comp., introduct. art., Alexandrov A. S., Alexandrova E. K., Gryaklova N. Y. preface prepar. of text and notes. A. A. Izmailov: Correspondence with contemporaries]. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom, 2017. 728 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 24.04.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 24.04.2024; published online 30.05.2025

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 185–195

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 185–195

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-185-195>, EDN: PZSZKR

Научная статья

УДК [004.738.5:070]:811.161.1'27'42

Медийный формат vs жанр в социальных медиа

Л. Ю. Щипицина[✉], В. В. Казяба

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (САФУ),
Россия, 163002, г. Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, д. 17

Щипицина Лариса Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой
и французской филологии, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Казяба Виктория Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
и германского языкознания филиала САФУ в г. Северодвинске, v.kazyaba@narfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1777-1712>

Аннотация. В статье рассматривается соотношение между медийными форматами интернет-коммуникации (например, сообщения социальной сети или мессенджера) и жанрами как типовыми коммуникативными практиками, используемыми для определенных прагматических задач. Теоретические идеи работы иллюстрируются результатами наблюдений над сообщениями социальных медиа, собранных на основе технологии больших данных для изучения имиджа города Архангельска. Семантический «ручной» анализ жанров и наблюдения над сервисами и медийными форматами, в которых воплощаются эти жанры, позволяет предложить типологию социальных медиа, среди которых выделяются коммуникационные, информационно-развлекательные и потребительские, в соотношении с типичными медийными форматами интернет-коммуникации – публикация социальной сети, сообщение мессенджера, публикация сайта и др. Выявлены те форматы, которые востребованы в имиджевом дискурсе. Кроме того, составлен перечень жанров, используемых в каждом типе социальных медиа. Предложенный перечень категорий и медийных форматов социальных медиа в соотношении с используемыми в них жанрами может быть использован при исследовании других видов дискурсов интернет-среды и имиджей других территориальных образований.

Ключевые слова: медийный формат, жанр, интернет-коммуникация, социальные медиа, социальная сеть, мессенджер, блог, платформа отзывов

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-10074), <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>.

Для цитирования: Щипицина Л. Ю., Казяба В. В. Медийный формат vs жанр в социальных медиа // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 185–195. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-185-195>, EDN: PZSZKR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Media format vs genre in social media

L. Yu. Shchipitsina[✉], V. V. Kaziaba

Northern (Arctic) Federal University, 17 Naberezhnaya Severnoy Dviny St., Arkhangelsk 163002,
Russia

Larisa Yu. Shchipitsina, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Viktoria V. Kaziaba, v.kazyaba@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1777-1712>

Abstract. The article examines the correlation between the media format in social media (for example, messages on a social network or instant messenger) and the genre as a typical communicative practice of using this format for certain pragmatic tasks. The theoretical ideas of the article are illustrated by the results of observation of social media messages collected using big data technology to study the image of the city of Arkhangelsk. Semantic “manual” analysis of genres and observations of the media formats in which they are published allow us to propose a typology of social media, among which communication, infotainment and consumer ones stand out, in relation to typical technical formats of Internet communication – social network publication, messenger message, website publication, etc. The article identifies formats that are in demand in image discourse. In addition, the authors compile a list of genres used in each type of social media. The proposed list of categories and media formats of social media in relation to the genres used in them can be used in the study of other types of discourses of the Internet environment and images of other territorial entities.

Keywords: media format, genre, Internet communication, social media, social network, messenger, blog, review platform

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation (Project № 23-28-10074), <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>.

For citation: Shchipsitsina L. Yu., Kaziaba V. V. Media format vs genre in social media. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 185–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-185-195>, EDN: PZSZKR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В связи с необычайной гибкостью, разнообразием и многофункциональностью современных жанров интернет-среды авторы нередко неправильно определяют суть базовых понятий исследования: социальные сети смешиваются с социальными медиа, а социальная сеть или блог называются жанром. На самом деле в социальной сети получили распространение не только те возможности коммуникации, которые поддерживаются технически (статус, публикация на стене сообщения, беседа и т. д.), но и сами публикации на стене сообщений могут иметь самые разные прагматические цели, тем самым обуславливая разную жанровую природу соответствующего текста.

Это ставит перед исследователями задачу выявления типологии жанров социальных медиа как одной из особых коммуникативных площадок интернет-среды. Дело в том, что данный тип коммуникативных практик довольно разнообразен и при этом развивается очень быстро. В результате к настоящему моменту современные социальные медиа разительно отличаются от того перечня входящих в них форматов и жанров общения, который был зафиксирован одними из первых исследователей данного коммуникативного явления А. Капланом и М. Хэнлейном в 2010 г. [1]. А исследователи социальных медиа в основном ограничиваются либо широким гуманитарным взглядом на этот феномен, без обращения к характеристике типичных для них форматов и жанров [2], либо сосредотачиваются на лингвистической характеристике отдельных коммуникативных

практик и жанров, не претендуя на более или менее полный перечень реально существующих сегодня жанров социальных медиа (например, [3, 4]).

Представленные соображения ставят актуальную исследовательскую задачу соотношения медийных форматов и жанров социальных медиа, которой посвящена настоящая статья. Для решения данной задачи прежде всего обратимся к определению основных понятий исследования – понятию интернет-жанра и социальных медиа. Предложенные теоретические идеи проиллюстрируем собранными нами сообщениями из социальных медиа, которые используются для создания имиджа города Архангельска.

1. Теоретические основы исследования

1.1. Жанр интернет-коммуникации

Жанр мы предлагаем понимать в традиционном смысле как повторяющуюся коммуникативную практику, которая служит для воплощения коммуникативной цели и имеет узнаваемую, но не фиксированную форму и соответствует ожиданиям коммуникантов [5: 6]. В условиях интернет-коммуникации среди параметров жанра наряду с прагматическими, структурными или языковыми аспектами целесообразно учитывать их *медийное воплощение*, поскольку с использованием цифровых устройств все жанры оказываются погружены в экранную программную среду: именно с конкретной программы или сервиса начинается восприятие сообщений конкретного жанра или их создание.

Для темы настоящей статьи важен также вопрос о соотношении *медийного формата* (интерфейса и функционала программной среды, в которой бытуют и создаются сообщения конкретного жанра) и его *коммуникативной стороны*, т. е. того, кто, зачем, с каким содержанием и языковым оформлением создает конкретные тексты в данном формате. Например, формат сообщения социальной сети можно использовать для публикации новости, комментария общественного события или рекламы товара. Именно новость, комментарий или рекламное сообщение являются в нашем понимании жанрами, в то время как стена сообщений или паблик социальной сети – это общий для них медийный формат интернет-коммуникации, создающий медийную среду для воплощения соответствующего коммуникативного намерения.

В моделях описания жанра, которые являются, по сути, междисциплинарными [ср. 6] выделяются разные стороны бытования жанра: медийная, прагматическая, содержательная и сугубо языковая, впрочем, все они в той или иной степени связаны с языковым воплощением соответствующего аспекта и каждый из аспектов или все они в комплексе могут стать объектом исследования в лингвистическом рассмотрении жанра.

Так, при изучении жанров интернет-среды ученых привлекают языковые механизмы осуществления коммуникативного взаимодействия [7], метафорическое конструирование образа страны [4], основные коммуникативные цели и тональность текста [8], диалогические проявления жанра интернет-комментария и его классификация [9]. Нас же интересует, каким образом в жанрах социальных медиа формируется языковой имидж города, т. е. какие языковые средства служат для его формирования. Определенный образец для этого дает исследование Н. В. Мельник и Д. М. Герасимчук, которые проводят контент-анализ и анализ коммуникативных стратегий и тактик в сообщениях социальной сети ВКонтакте главы одного из российских регионов, что позволяет исследователям получить список субимиджей региона, определить их иерархию на основе количественных показателей, а также представить перечень частотных коммуникативных стратегий и тактик в исследуемом материале [10]. Тем не менее, в данном исследовании авторы базируются только на одном типе социальных медиа – социальной сети ВКонтакте – и одном медийном формате (публикации на стене сообщений социальной сети), не задаваясь вопросом о тех жанрах, в которые эти публикации воплощаются. Нас же интересуют разные социальные медиа и разные исполь-

зуемые в них жанры. Соответственно, далее обратимся к определению социальных медиа и представим их типологию, а также затронем вопрос об используемых в них жанрах.

1.2. Социальные медиа

Социальные медиа представляют собой достаточно широкое поле разнообразных форматов современной интернет-среды, дающих пользователям различные возможности взаимодействия – от простой реакции на сообщение другого автора до генерации собственного контента. Соответственно, одной из главных отличительных черт социальных медиа исследователи считают «принцип партиципаторности» [11: 123].

Интересно отметить, что разные сферы современной жизни – масс-медиа, бизнес, образование, политика и т. д. – все больше осваивают социальные медиа как в плане добавления социальных функций к уже имеющимся жанрам и форматам общения, так и в плане широты охвата разных социальных медиа, так что в результате создается определенный «шлейф» представленности компаний, организаций и отдельных людей в социальных медиа. Так, масс-медиа добавляют функцию комментирования к публикациям журналистов, тем самым вовлекая читателей в обсуждение и привлекая их к потреблению информации на своих страницах. Различные фирмы и компании включаются в сетевые справочники и навигаторы, где есть возможность прочесть отзывы о их деятельности или написать свой. Эксперты образуют профессиональные сообщества в социальных медиа, делясь новостями и давая советы. Родительские и домовые чаты, паблики городских сообществ, новостные и развлекательные порталы, экспертные форумы – все это примеры социальных медиа и относящихся к ним форматов интернет-коммуникации.

В одной из первых попыток типологии социальных медиа А. Каплан и М. Хенлейн выделяют среди них совместные проекты типа вики (например, Википедия), блоги, сообщества по производству контента (в том числе YouTube), социальные сети, виртуальные игровые миры (типа *World of Warcraft*) и виртуальные социальные миры (типа *Second Life*) [1]. В перечне Т. Айхингера и Ф. Якоба [12: 259] выделяются уже 13 типов социальных медиа, правда, принципиально новые категории в классификацию не добавляются, а увеличение количества типов достигается путем выделения разных типов социальных сетей (деловая, корпоративная, обычная) и вычленением фото- и видеохостеров в отдельные категории.

Учитывая появление (и исчезновение!) новых социальных сервисов и социальных функций у уже известных форматов общения, типология социальных медиа все время видоизменяется. Так, в 2015 г. М. Фабер предлагает выделять 4 категории социальных медиа:

- 1) сообщества знаний (вики и совместные проекты, форумы, блоги и микроблоги, социальные закладки);
- 2) потребительские сообщества (отзывы и рецензии, социальные торговые площадки);
- 3) обмен контентом и развлечение (видео и фотохостеры, подкасты, социальные игры, социальные новости, социальные навигационные сервисы);
- 4) социальные сети (глобальные, региональные, специальные) [13].

Данная классификация не является бесспорной, поскольку не включает, например, мессенджеры (типа *WhatsApp* или *Telegram*), которые в настоящее время позволяют осуществлять не только личные звонки и переписку, но и создавать экспертные группы по интересам или публиковать новости. Конечно, это не могло не привлечь внимание исследователей [14, 15]. Форумы и блоги служат как для обмена экспертным знанием, так и для развлечения, а соцсети могут служить площадками для обмена экспертным знанием, новостями, развлекательным контентом. Кроме того, одна из активно используемых сегодня функций социальных медиа – публикация и комментирование новостей – в данной классификации оказывается в третьей группе вместе с развлекательным контентом, что, на наш взгляд, не совсем оправданно. Соответственно, типология социальных медиа еще требует своего дополнения, но уже сейчас можно заметить неравнозначность *типов* социальных медиа как более крупных категорий, которые выделяются на основе определенных прагматических характеристик (ведущая функция) и медийных *форматов* общения, распределяемых по разным типам социальных медиа (как в классификации М. Фабера).

Что касается жанров текстов в социальных медиа, то подобные исследования только начинаются. В. С. Шардакова предлагает выделять личные, рекламные и рекламно-личностные «посты» в социальной сети ВКонтакте [16], а И. А. Пакшина и Е. С. Руськина – такие жанры той же социальной сети, как пост-обсуждение, пост-провокация, пост-хайп, пост-фотография, пост-критика власти, пост-диалог с представителем власти, пост-вопрос, пост-игра, пост-официальный доклад [17]. Пост-хайп авторами характеризуется, например, как «шумиха вокруг сообщения о событиях, проис-

шествиях, катастрофах, получивших большой общественный резонанс» [17: 337].

В основе всех названий таких жанров наблюдаем компонент «пост», который является сквозным формальным способом самостоятельных (инициирующих обсуждение) публикаций в разных социальных медиа – мессенджерах, социальных сетях, блогах, микроблогах и т. д. Так, Д. Фенг рассматривает продвигающие университет «посты» в мессенджере WeChat [18], а Ю. О. Соловьева – «посты» правовой тематики, публикуемые в популярных масс-медиа [19]. Несмотря на всю популярность и краткость обозначения «пост» в англоязычной научной литературе, которое проникает и в русскоязычные статьи (ср. [16, 19]), нельзя не отметить его жаргонный характер в русском языке, а потому мы предпочитаем использовать в подобных случаях рамочное обозначение «публикация». Публикации социальных медиа можно противопоставить комментариям к инициирующим сообщениям, которые технически и содержательно не являются самостоятельными текстами, а всегда дополняют исходную публикацию, выступая паратекстом по отношению к первичной записи. В нашем исследовании мы ограничиваемся самостоятельными публикациями социальных медиа, исключая пока из предмета рассмотрения *комментарии к ним*, несомненно, дающие интереснейший материал для наблюдений, учет которых тем не менее значительно осложнил бы методологию нашего исследования в количественном и качественном плане.

Интересным является предложение В. И. Карасика классифицировать сообщения социальной сети на демонстративы, репоративы, социативы и некоторые другие [20]. Правда, это не перечень конкретных жанров, на который мы могли бы ориентироваться в своем исследовании, а классификация их типов, сопоставимая, скорее, с речевыми актами.

Предлагая типологию жанров самостоятельных публикаций социальных медиа, мы ориентировались на ведущую функцию сообщения и типичные жанровые формы, используемые вне зависимости от цифровой среды, например новостное сообщение или отзыв. Комментарий также присутствует в выделенных нами жанрах, но это именно самостоятельная публикация, в которой автор в своем аккаунте комментирует событие или другую публикацию (со ссылкой на нее). Типологию постов по И. А. Пакшиной и Е. С. Руськиной (пост-диалог, пост-игра и т. д.) пока не представляется возможным произвести в нашем практическом материале в связи с незначительным удельным весом

каждого из названных текстов. Подобные публикации, отличающиеся ярко выраженной авторской позицией и оценочностью, мы объединяем под общим обозначением «авторские сообщения». Получившийся перечень жанров в их соотношении с медийными форматами сообщений представим далее в результатах исследования.

2. Материал и методы исследования

Материалом для иллюстрации теоретических положений выступают сообщения социальных медиа, в которых формируется имидж города Архангельска. В составе группы, выполняющей исследование по гранту РНФ «Анализ имиджа города Архангельска в социальных медиа с помощью технологий больших данных» (2023–2024 гг.), мы определили форматы и типы социальных медиа, в которых формируется имидж города, очертив тем самым круг из 46 источников практического материала исследования. Из этих источников с помощью созданной в рамках проекта программной оболочки на основе триггерных слов с возможностью включения их разных форм (*Архангельск**, *столиц* Севера* и некоторых других) автоматическим образом стал отбираться и аккумулироваться практический материал. Количество сообщений социальных медиа из отобранных исследовательской группой источников, реализующих имиджевый потенциал города, только за 2023 г. составило порядка 685 тыс. Из этого исследовательского корпуса с помощью фильтров для поиска были выделены пилотные выборки примеров для осуществления «ручного» семантического, жанрового, контент-анализа и эмотивного анализа сообщений. В частности, нами выделены имиджевые сообщения социальных медиа за ноябрь 2023 г.¹, которые после проведенного семантического и жанрового анализа были использованы для иллюстрации соотношения медийных форматов, типов социальных медиа и жанров текстовых сообщений.

3. Результаты исследования

3.1. Форматы и сервисы интернет-коммуникации

Как показывают наши наблюдения, формат – это способ осуществления интернет-коммуникации, обусловленный интернет-сервисом, например, статус социальной сети или публикация в ленте сообщений. Форматы различаются в зависимости от сервиса

и заложенного в него функционала. В целом, к сервисам социальных медиа мы вслед за большинством исследователей интернет-коммуникации [1, 12, 13, 21 и др.] относим: 1) социальные сети, 2) мессенджеры, многие из которых сегодня дают возможность создавать публичные каналы (в частности, Телеграм), 3) блоги (Дзен) и микроблоги (например, X – бывший Твиттер), 4) новостные порталы, 5) информационные сайты и порталы, интегрирующие социальные функции, 6) видео- и фотохостеры (самый известный – YouTube), 7) тематические форумы, 8) сайты отзывов (типа Irecommend), 9) навигаторы и публичные карты с социальными функциями (например, 2GIS), 10) облачные сервисы (обмен файлами и совместная работа с документами разных типов), 11) вики-проекты (например, Wikimedia), 12) онлайн-доски (например, Miro), 13) игровые миры (типа World of Warcraft) и социальные миры (Second Life). Из всего этого многообразия коммуникативных возможностей для исследования имиджа города мы остановились на тех сервисах, которые а) имеют наибольший потенциал для формирования имиджа города, б) наиболее востребованы среди жителей города, в) могут быть интегрированы в автоматический отбор сообщений по триггерным словам в наш корпус примеров. В результате из полного списка сервисов социальных медиа мы остановились на 5 из них, которые считаем базовыми: социальная сеть, мессенджер, новостной портал с социальными функциями, видеохостер и сайт отзывов.

Социальная сеть являет собой гиперформатное образование, поскольку здесь коммуникация осуществляется в профиле пользователя (ведущая функция – самопрезентация), через сообщения на стене пользователя (новости, экспертные мнения, перепост, мультимедийные публикации и т. д.) с комментариями и реакциями к ним со стороны подписчиков, публичные дискуссии и закрытые беседы, прямые эфиры, поиск по аккаунту и всей платформе, списки друзей, подборки музыки и видео и т. д. Для исследования имиджа города нами выбраны сообщения на стене из личных аккаунтов политиков (глава города, губернатор), паблики городских властных и бизнес-структур, официальных масс-медиа, туристических организаций. Об имидже города можно также получить представление из сообщений локальных инфлюенсеров, к которым мы относим активных горожан, регулярно публикующих сообщения городской тематики и имеющих не менее 3 тысяч подписчиков, что, по сути, выводит

¹Исключением являются неофициальные потребительские сообщества – в связи с малочисленностью и нерегулярностью публикаций этой группы в пилотную выборку наблюдений включены сообщения за весь 2023 год.

их на статус гражданских масс-медиа. Сюда же отнесем коллективные или личные паблики о городской жизни. Таков, например, паблик местного инфлюенсера Михаила Шишова под названием «Коротко и по делу».

Мессенджер – это сервис, обеспечивающий личную и публичную коммуникацию пользователей в устном (в виде синхронного звонка или асинхронных голосовых сообщений) и письменном виде (сообщения, беседы, комментарии к сообщениям). При этом, создаваясь изначально как альтернатива мобильной связи (личные звонки и SMS-сообщения), мессенджеры, ориентируясь на запросы пользователей, стали активно включать функции социальных медиа – создание групповых и публичных каналов и подписок, публикация мультимедийного контента, возможность поставить реакцию, прокомментировать или поделиться важным сообщением, принять участие в голосовании. Все это в совокупности с большей по сравнению с социальными сетями безопасностью данных позволило мессенджерам потеснить последние по популярности, оперативности освещения текущих событий и удобству просмотра, особенно среди молодежной аудитории. В нашем исследовании нас интересуют публичные городские каналы мессенджера Телеграм: публикации губернатора Архангельской области и публичные каналы официальных масс-медиа или неформальных групп, собирающих и публикующих информацию о городской жизни.

Новостной городской портал – это многофункциональный сайт, специализирующийся на публикации новостей и рекламы и предлагающий различные социальные функции (прокомментировать или оценить публикацию, поставить реакцию, предложить свою новость). В наш корпус примеров включены наиболее популярные среди жителей города новостные порталы <https://www.news29.ru/> и <https://29.ru/>, а также некоторые другие порталы.

Видеохостер – платформа, позволяющая создавать, хранить и просматривать видео, а также подписываться на каналы. Анализ самих видео как аудиовизуальных произведений не входит на данный момент в цели нашего исследования, хотя именно видео составляют основное содержание публикаций видеохостера. Из-за специфики программных оболочек, служащих для сбора материала в нашем проекте, мы ограничились в исследовании текстовыми подписями к видео. Соответственно, если в сопровождающем видео вербальном тексте (название, описание, хэштеги) встречаются триггерные слова, указывающие на город, то такие описания автоматически попадают в наш материал исследования.

Правда, город Архангельск, имидж которого выбран в качестве исследовательского объекта, очень редко фиксируется в паратекстовых частях видео. Так что такой материал в нашем исследовании представлен лишь немногочисленными примерами.

Сайт отзывов – многофункциональный сайт, специализирующийся на сборе и публикации отзывов о разных объектах (в том числе о городах и отдельных локациях города). Сайты отзывов могут специализироваться на туризме (Tripadvisor) или не иметь такой специализации (IRecommend, Отзовик). В обоих случаях возможен автоматический отбор отзывов как в целом о городе, так и об отдельных сторонах его жизни (достопримечательности, рестораны, отели и т. д.).

Итак, к социальным медиа относятся различные сервисы (социальная сеть, мессенджер, видеохостер и т. д.), в которых заложены технически обусловленные медийные форматы осуществления коммуникации – публикация социальной сети, портала, блога или сайта, сообщение мессенджера и некоторые другие. Отличие, например, публикации от сообщения в их объеме и самостоятельности (сообщение обычно отличается своей краткостью и нередко интегрировано в беседу). Зачастую мессенджер или социальная сеть дают краткое сообщение о событии, полное представление о котором в виде публикации приводится на портале.

3.2. Типы социальных медиа

Наряду с техническими форматами, в которых осуществляется коммуникация в социальных медиа, можно выделять и их типы, хотя здесь задействуются уже другие критерии классификации – прагматические.

Так, социальные медиа предполагают различную *степень вовлечения* пользователя во взаимодействие с информацией. В зависимости от активности пользователя в коммуникации выстраивается определенная пирамида действий, где в основании располагаются наиболее частотные и наименее трудоемкие виды коммуникативной деятельности, требующие от аудитории лишь небольших усилий, чтобы процитировать сообщение в своем аккаунте («Поделиться») или поставить реакцию на прочитанное, а в верхней части – наиболее трудоемкие, а потому – не самые частотные виды деятельности, сопровождающиеся созданием собственных сообщений (рис. 1). Таким образом, можно заметить, что пользовательский контент в соцмедиа носит репродуктивный или продуктивный характер, а также способен порождаться в результате активных или реактивных действий коммуникантов.

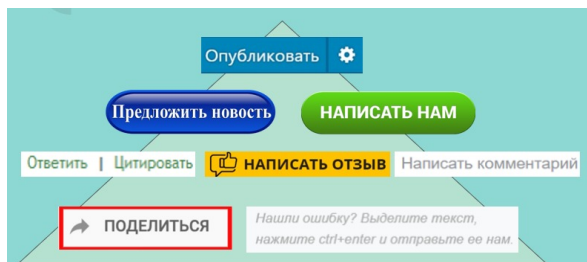

Рис. 1. Пирамида активности пользователя при коммуникации в социальных медиа

Fig. 1. Pyramid of user activity when communicating on social media

В нашем исследовании мы рассматриваем самостоятельные публикации пользователей, т. е. активно продуцируемый пользователем контент. Количество различных реакций (лайков, эмодиконов), комментариев и цитирований опубликованного сообщения дает информацию об успешности коммуникации и дополняет анализ исходного сообщения.

Кроме того, по ведущей функции коммуникации в социальном медиа мы, вслед за М. Фабером, считаем важным выделять следующие *типы социальных медиа*: 1) коммуникационные (личные группы в социальных сетях и мессенджерах), 2) информационно-развлекательные (новостные порталы и сайты новостей с функцией комментирования/реакций, паблики социальных сетей и мессенджеров медиаизданий, компаний и органов власти, каналы на видеохостерах, подкасты), 3) потребительские (рецензии и отзывы на сайтах отзывов, торговых площадках, в геосервисах). Экспертные сообщества как четвертая категория в классификации М. Фабера, включающая тематические форумы, блоги и сайты с функцией комментирования, в собранном нами материале не представлены, поэтому в нашей классификации в итоге получилось три большие категории социальных медиа по их ведущей функции.

Важно добавить и еще один критерий классификации социальных медиа – *по статусу автора*. Если автор выступает в социальных медиа от имени официального института или организации (властные и бизнес-структуры, официальные масс-медиа), то такие сообщения мы относим к официальным. Если же автор является частным лицом и публикует свои сообщения как гражданин, иногда даже анонимно или под псевдонимом, то такие сообщения рассматриваются нами как неофициальные. Сочетая три типа социальных медиа со статусом автора, получаем матрицу из 6 типов социальных медиа: официальные и неофициальные коммуникационные, официальные и неофициальные информационные, официальные и неофициальные

потребительские. Самая малочисленная группа – официальные коммуникационные, куда вошли публикации главы города и губернатора из личных аккаунтов социальных сетей и мессенджеров. Самая многочисленная группа – информационные неофициальные, где собраны публикации с новостных порталов и пабликов социальных сетей и мессенджеров без принадлежности к официальному масс-медиа или организации, поддерживаемые силами энтузиастов.

Проиллюстрируем примерами официальный и неофициальный тип сообщений социальных медиа. Автор коммуникационных официальных публикаций однозначно идентифицируется сообществом как представитель властной структуры, а следовательно, стиль такой публикации отличается деловым характером и направлен на информирование. Единственное, что выдает принадлежность таких публикаций к коммуникационному типу, – это экспликация персонального авторства сообщения через местоимения и формы глагола 1-го лица, а также некоторые другие средства персональной отнесенности, ср. пример (1) (жирным шрифтом мы выделили значимые для анализа языковые средства. – Л. Щ., В. К.):

(1) **Мы** утвердили логотип юбилея Архангельска, который **отметим** уже в следующем году.

Делюсь графическими файлами: все желающие могут скачать их и использовать для оформления упаковки, витрин, сувенирной продукции, открыток, календарей (https://vk.com/id40615930?w=wall40615930_23986, 20.11.2023)

В качестве иллюстрации неофициального сообщения приведем один из отзывов о городе, опубликованный на платформе отзывов (потребительский тип социальных медиа) (рис. 2).

Автор примера, приведенного на рис. 2, указан под псевдонимом *Evdokiya35*, живет в Вологде, т. е. является частным, неофициальным лицом и представляет в отзыве свои впечатления как гость Архангельска. Неофициальный статус сообщений поддерживается и самим стилем отзыва: для примера характерны указания на личное мнение и персональную отнесенность речи (*я решила, я была, мне показалось, не помешало мне*), что создает соответствующее восприятие высказанного в отзыве мнения как частного, не претендующего на обязательность. Впрочем, функции сайта позволяют увидеть статистику – сколько негативных и позитивных отзывов о городе дано (фильтры в верхней части рис. 2) – и при желании перейти по ссылке именно к ним.

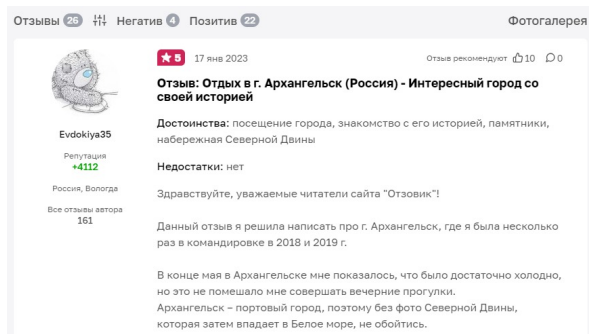

Рис. 2. Фрагмент отзыва об Архангельске с сайта отзывов (потребительский неофициальный тип социальных медиа) (https://otzovik.com/review_14215315.html, 23.01.2023)

Fig. 2. Fragment of a review about Arkhangelsk from a review site (consumer unofficial type of social media) (https://otzovik.com/review_14215315.html, January 23, 2023)

Итак, социальные медиа мы предлагаем разделять на основании 1) их ведущей функции, 2) статуса автора сообщений. Кроме того, коммуникация пользователя в социальных медиа предполагает разную степень его вовлечения во взаимодействие с контентом, от активного производства сообщений до реактивного с ним взаимодействия.

3.3. Жанры сообщений в социальных медиа и их соотношение с форматом и типом медиа

Ограничение определенным типом дискурса (имиджевый) позволило нам выделить 10 более или менее часто используемых в нем жанров публикаций социальных медиа. В эту классификацию входят новостные тексты, анонсы предстоящих событий, комментарии к событиям городской жизни, отзывы о посещении города, продвигающие город тексты, подписи к медиа (фото, видео или тексту на сайте), авторские сообщения, прогнозы, рекламные тексты, отчеты и некоторые другие. Подробная характеристика этих жанров не входит в задачи настоящего исследования, в данной статье мы хотим продемонстрировать, что сама по себе социальная сеть или мессенджер не являются жанром в общепринятом смысле этого слова, это именно сервисы, задающие медийные форматы общения, которые, в зависимости от задумки автора, позволяют поделиться новостью, анонсировать событие или порассуждать на злобу дня в комментариях к событию. Соотношение данных феноменов проиллюстрируем в виде таблицы, где собраны зафиксированные в нашем материале типы социальных медиа, медийные форматы и типичные жанры, используемые при представлении имиджа города.

Из данных таблицы становится понятно, что отдельные форматы интернет-общения, предлагаемые разными программами и сервисами (публикации социальной сети, блога, сайта отзывов или сообщения мессенджера) распределяются между выделяемыми крупными категориями социальных медиа, но не являются характерными только для одной из них. В частности, публикация социальной сети в данном подходе попадает и в коммуникационные, и в информационно-развлекательные, и в потребительские социальные медиа. Казалось бы, очевидный именно для видеохостера жанр подписи к медиа не ограничивается только видеохостером и вполне активно используется также в публикациях социальной сети и мессенджера. На новостном портале публикуются не только новостные тексты, но и анонсы и комментарии к событиям. Пожалуй, лишь сайт отзывов задает не только формат, но и жанр (отзыв). Во всех остальных случаях это происходит достаточно свободно.

Соотношение типа медиа, формата и жанра
(на примере имиджевого дискурса)

Table. Correlation between media type, format and genre
(on the example of image discourse)

Тип социальных медиа	Медийный формат	Жанр
Коммуникационный	<ul style="list-style-type: none"> • Публикация социальной сети • Публикация блога • Сообщение мессенджера 	<ul style="list-style-type: none"> • Авторское сообщение • Отчет • Комментарий • Подпись к медиа
Информационно-развлекательный	<ul style="list-style-type: none"> • Публикация новостного портала • Публикация социальной сети • Сообщение мессенджера • Описание видео в видеохостере 	<ul style="list-style-type: none"> • Новостной текст • Анонс • Прогноз • Подпись к медиа
Потребительский	<ul style="list-style-type: none"> • Публикация социальной сети • Сообщение мессенджера • Публикация тематического сайта • Публикация на сайте отзывов 	<ul style="list-style-type: none"> • Продвигающий текст • Анонс • Отзыв

Наиболее активно эксплуатируется формат публикации социальной сети, где воплощаются самые разные жанры: новостной текст,

авторское сообщение, комментарий, подпись к медиа, продвигающий текст, реклама. Пример 2 и рис. 3, источниками которых являются публикации социальной сети ВКонтакте, иллюстрируют два жанра из всего жанрового разнообразия публикаций социальной сети. В примере (2), представляющем неофициальный коммуникационный тип социальных медиа, наблюдаем комментарий события из сферы городской жизни:

(2) *Просто отказались.*

ООО сфера отказались обслуживать дом Люксембург 70 из-за большого процента износа. Понятно, что жжх – это бизнес, но если так, то должна быть государственная управляющая компания, которая поддерживает дома, которые никто не берёт на содержание. (https://vk.com/archangelregion?w=wall-122998519_67087, 20.11.2023)

Сообщение в примере (2) небольшое по объему, при этом включает как само комментируемое событие (ООО «Сфера» отказалась обслуживать дом из ветхого фонда), так и рассуждения автора по этому поводу с соответствующими логическими связками (*Понятно, что..., но если..., то...*). Интересно, что автор сообщения (известный архангельский инфлюенсер М. Шишов) ввел своего рода заголовок в текст (*Просто отказались*), правда, не отметив его шрифтовым выделением и с точкой в конце, что не характерно для заголовков. Такое свободное оформление текста, а также определенная небрежность в орфографии и выражении мысли (отсутствие кавычек при указании названия фирмы, написание имени собственного и аббревиатуры строчными буквами, сокращение «дом Люксембург 70» вместо «дом по адресу: улица Розы Люксембург, 70») говорит об отсутствии устоявшегося жанрового канона комментария в социальных медиа, а также о стремлении к экономии мысли и выражения.

Конечно, свобода оформления наблюдается и в самом распространенном в нашем материале жанре новостного текста, который иллюстрирует рис. 3.

Источником сообщения на рис. 3 выступает официальный паблик «Открытый Архангельск». Также, как и пример (2), небольшое по объему, оно представляет новость об открытии музея при Театре кукол в Архангельске. Наряду с фактом открытия музея приводится описание его атмосферы с большим количеством эпитетов, называются авторы и спонсоры идеи, а также дается анонс возможности посетить музей. Анонсы выделяются нами и как отдельный жанр публикаций социальной сети, но в данном случае анонс дополняет основное сообщение, ве-

дущей функцией которого мы определяем сообщение новости.

Рис. 3. Фрагмент публикации социальной сети (информационно-развлекательный тип социальных медиа) (https://vk.com/otkrytiarkhangelsk?w=wall-161193561_213107, 29.11.2023)

Fig. 3. Fragment of a review about Arkhangelsk from a review site (consumer unofficial type of social media) (https://vk.com/otkrytiarkhangelsk?w=wall-161193561_213107, January 29, 2023))

Наблюдения над собранным материалом подтверждают наше первоначальное утверждение о проницаемости границ между современными форматами интернет-коммуникации и их пластичности, а также показывает правомерность намерения изучать именно жанры интернет-среды, а не медийные форматы.

4. Выводы и перспективы исследования

Проведенное исследование позволяет новым образом взглянуть на соотношение форматов и жанров в интернет-среде и дает примерную классификацию жанров публикаций разнообразных социальных медиа, которая в будущем может служить отправной точкой для классификаций жанров, используемых как для создания имиджа других территориальных образований (поскольку мы не исключаем, что распространение и частотность тех или иных жанров может зависеть от привычек жителей), так и для других целей в сферах бизнеса, образования, масс-медийного информирования и т. п.

В целом наши наблюдения показывают, что прагматические особенности в характеристике отобранных нами источников обуславливают различия в типе социальных медиа (коммуникационные, информационные, потребительские), а ведущая цель сообщения

и языковое воплощение этой цели в целом тексте обуславливает его жанр. Жанры бытуют в том или ином медийном формате коммуникации, но чаще всего не задаются им (публикация социальной сети, портала или блога, подпись к видео в видеохостере, сообщение мессенджера и т. д.), предоставляя коммуникативную свободу пользователю социального медиа, т. е. сообщение социальной сети как один из медийных форматов социальных медиа может воплощаться и в жанре авторской публикации, и в виде комментария, прогноза или подписи к медиа. И наоборот, комментарий по поводу некоторого события

может быть опубликован в формате сообщения социальной сети, блога, портала или мессенджера.

Хотя мы производили свое исследование на материале имиджевого дискурса, наблюдения о соотношении формата и жанра сообщения в социальных медиа претендуют на достаточно широкий и общезначимый характер. Впрочем, эта идея, а также предлагаемый нами перечень жанров, используемых в социальных медиа, могут быть проверены на материале обращения к другим видам дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // *Business Horizons*. 2010. Vol. 53, iss. 1. P. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
2. Cho H., Cannon J., Lopez, R., Li W. Social media literacy: A conceptual framework // *New Media and Society*. 2024. Vol. 26, iss. 2. P. 941–960. <https://doi.org/10.1177/14614448211068530>
3. Ефанова Е. В. Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети TWITTER) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25, № 3. С. 172–179. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15>
4. Колмогорова А. В., Мельникова М. И. Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа // *Евразийский союз ученых*. 2020. № 4 (73). С. 48–52.
5. Tardy C. M. How epidemiologists exploit the emerging genres of twitter for public engagement // *English for Specific Purposes*. 2023. Vol. 70. P. 4–16. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2022.10.005>
6. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY
7. Круглов А. С. Специфика коммуникативного взаимодействия в российском сегменте социальных медиа: на материале социальной сети «ВКонтакте» и видеохостинга «You Tube» : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2017. 200 с.
8. Карасик В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 79–89. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOVH
9. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
10. Мельник Н. В., Герасимчук Д. М. Стратегии формирования имиджа региона (контент-анализ официальной страницы С. Е. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте») // *Филология и человек*. 2020. № 3. С. 45–59. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)3-04)
11. Дукин Р. А. Феномен социальных медиа: проблемы социологического осмысления // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки*. 2015. № 4 (40). С. 122–126.
12. Aichner T., Jacob F. Measuring the degree of corporate social media use // *International Journal of Market Research*. 2015. Vol. 2, № 57. P. 257–275. <https://doi.org/10.2501/IJMR-2015-018>
13. Faber M. Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien // *Realizing Progress: Blog*. 02.12.2015. URL: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/>
14. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 92–100. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100>
15. Herasimenka A., Bright J., Knuutila A., Howard Ph. N. Misinformation and professional news on largely unmoderated platforms: The case of telegram // *Journal of Information Technology & Politics*. 2023. Vol. 20, iss. 2. P. 198–212. <https://doi.org/10.1080/19331681.2022.2076272>
16. Шардакова В. С. Речевой жанр «пост» в социальной сети «ВКонтакте» (к проблеме описания) // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов IV (XVIII) Международной конференции молодых ученых (Томск, 20–22 апреля 2017 г.)*. Вып. 18, т. 1. Лингвистика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 130–132.
17. Пакишина И. А., Руськина Е. С. Города Мордовии: идентичность в медийном дискурсе // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2020. № 2. С. 328–343.
18. Feng D. (William). Interdiscursivity, social media and marketized university discourse: A genre analysis of universities' recruitment posts on WeChat // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 143. P. 121–134. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.007>
19. Соловьева Ю. О. Жанрово-стилистические особенности постов правовой тематики // *Вестник Московского университета*. 2021. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 133–142.
20. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
21. Пустовалов А. В. Социальные коммуникации в Интернет: учебно-методическое пособие. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 91 с.

REFERENCES

1. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 2010, vol. 53, iss. 1, pp. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
2. Cho H., Cannon J., Lopez R., Li W. Social media literacy: A conceptual framework. *New Media and Society*, 2024, vol. 26, iss. 2, pp. 941–960. <https://doi.org/10.1177/14614448211068530>
3. Efanova E. V. Social media in American public policy (on the example of the social network Twitter). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 172–179 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.15>
4. Kolmogorova A. V., Melnikova M. I. Metaphorical means of constructing the image of Krasnoyarsk in the discourse of social media. *Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 4 (73), pp. 48–52 (in Russian).
5. Tardy C. M. How epidemiologists exploit the emerging genres of twitter for public engagement. *English for Specific Purposes*, 2023, vol. 70, pp. 4–16. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2022.10.005>
6. Dementyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>
7. Kruglov A. S. *Specifics of Communicative Interaction in the Russian Segment of Social Media: on the Material of the Social Network “VKontakte” and Video Hosting “You Tube”*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kaliningrad, 2017. 200 p. (in Russian).
8. Karasik V. I. Reader’s comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>
9. Kolokoltseva T. N. Internet comments as a network genre: General characteristics, dialogical potency, classification problems. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 164–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
10. Melnik N. V., Gerasimchuk D. M. Strategies for forming the image of the region (content analysis of the official page of S. E. Tsvilev on the social network VKontakte). *Philology and Man*, 2020, no. 3, pp. 45–59 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)3-04)
11. Dukin R. A. The phenomenon of social media: Problems of sociological understanding. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Ser.: Social Sciences*, 2015, no. 4 (40), pp. 122–126 (in Russian).
12. Aichner T., Jacob F. Measuring the degree of corporate social media use. *International Journal of Market Research*, 2015, vol. 2, no. 57, pp. 257–275. <https://doi.org/10.2501/IJMR-2015-018>
13. Faber M. *Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien. Realizing Progress: Blog*. 02.12.2015. Available at: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/>
14. Goroshko O. I., Zemliakova O. O. Polyformat messenger telegram as a genre 2.0 (on the example of messenger of instantaneous report Telegram). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 92–100. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-115-92-100> (in Russian).
15. Herasimenka A., Bright J., Knuuttila A., Howard Ph. N. Misinformation and professional news on largely unmoderated platforms: The case of telegram. *Journal of Information Technology & Politics*, 2023, vol. 20, iss. 2, pp. 198–212. <https://doi.org/10.1080/19331681.2022.2076272>
16. Shardakova V. S. Speech genre “post” in the social network “VKontakte” to the problem of description. *Current Issues of Linguistics and Literary Criticism: Coll. Materials of the IV (XVIII) International conference of young scientists (Tomsk, April 20–22, 2017)*, iss. 18, vol. 1. Linguistics. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2017, pp. 130–132 (in Russian).
17. Pakshina I. A., Ruskina E. S. Cities of Mordovia: Identity in media discourse. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2020, no. 2, pp. 328–343 (in Russian).
18. Feng D. (William). Interdiscursivity, social media and marketized university discourse: A genre analysis of universities’ recruitment posts on WeChat. *Journal of Pragmatics*, 2019, vol. 143, pp. 121–134. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.007>
19. Solovyova Yu. O. Genre and stylistic features of posts on legal topics. *Bulletin of Moscow University*, 2021, series 19: Linguistics and intercultural communication, no. 3, pp. 133–142 (in Russian).
20. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
21. Pustovalov A. V. *Sotsial’nye kommunikatsii v Internet: ucheb.-metod. posobie* [Social communications on the Internet: Textbook]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2021. 91 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 17.08.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 17.08.2024; accepted for publication 17.08.2024; published online 30.05.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 196–203

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 196–203

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHDQQV

Научная статья

УДК 004.738.5:811.161.1'27'42

Прецедентные феномены в постах сетевых блогов

Е. А. Дреготень

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дреготень Екатерина Александровна, аспирант, ассистент кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики, kates5.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4567-651X>

Аннотация. Статья посвящена функционированию разных видов прецедентных феноменов в постах сетевых блогов. Сетевой блог понимается как макрожанр интернет-коммуникации, а пост – как микрожанр. Выделяются и систематизируются основные характеристики сетевых постов, устанавливается согласованность их жанровых особенностей с использованием в сетевых постах прецедентных единиц. Обладая чертами узнаваемости, оценочности, экспрессивности, гипертекстовости, прецедентные единицы расширяют и углубляют смысловое наполнение исследуемого жанра, способствуют реализации основных задач сетевого поста (привлечение и удержание внимания аудитории, передача информации, демонстрация уровня профессионализма) и служат одним из важных средств текстовой организации данного жанра. Отмечается, что в жанре поста сетевого блога используются разные виды прецедентных единиц: прецедентные высказывания, прецедентные имена, апелляция к прецедентным ситуациям и прецедентным текстам. Преобладающей разновидностью прецедентных феноменов в постах сетевых блогов являются прецедентные высказывания, источниками которых, как правило, выступают фразеология и паремиялогия – единицы общенационального культурного фонда (национально-прецедентные феномены). Сложившаяся картина объясняется особенностями сферы употребления таких единиц, а также ориентацией исследованных постов в сетевых блогах на российских пользователей. Высказывается гипотеза о том, что преобладание прецедентных высказываний – наиболее эксплицитных форм прецедентности – связано с дистантным характером, массовой аудиторией и письменной формой сетевого поста. На основе сопоставления прецедентных феноменов в жанре сетевого поста с функционированием прецедентных единиц в других сферах коммуникации (русской диалектной и литературно-разговорной устной речи) выявлены сходства и различия, обусловленные дискурсивными особенностями осуществления коммуникации, а также социокультурной дифференциацией русскоязычного общества.

Ключевые слова: прецедентный феномен, интернет-коммуникация, сетевой блог, сетевой пост, жанр сетевого блога, виды прецедентных феноменов, источники прецедентности

Для цитирования: Дреготень Е. А. Прецедентные феномены в постах сетевых блогов // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 196–203. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHDQQV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Precedent phenomena in online blog posts

E. A. Drevoten

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Drevoten, kates5.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4567-651X>

Abstract. The article presents the analysis of different types of precedent phenomena in the genre of online blog posts. The author defines a network blog as a macrogenre of Internet communication and a post as its microgenre. The author describes the main characteristics of online posts peculiar to other Internet genres and establishes the consistency of their genre features with the use of precedent units in online posts. Precedent

units, possessing the features of recognition, evaluativeness, expressivity, hypertextuality, expand and deepen the semantic content of the genre under study, contribute to the realization of the main task of the online post – attracting and retaining the attention of the audience – and serve as one of the important means of textual organization of this genre. In the genre of the network post different types of precedent units are used: for example, precedent statements, precedent names, appeals to precedent situations and precedent texts. The predominant type of precedent units in online posts are precedent statements, the sources of which, as a rule, are phraseology and paremiology, which are units of the national cultural fund (national precedent phenomena). These features are determined by the peculiarities of the Internet communication, as well as the orientation of the studied posts in online blogs to Russian users. It is hypothesized that the predominance of precedent statements – the most explicit forms of precedence – is related to the remote nature, the mass audience and the written form of the online post. The author compares precedent phenomena in the genre of online post and the use of precedent units in other spheres of communication (Russian dialect and literary-spoken discourse) and reveals a number of similarities and differences due to the discursive features of communication, as well as the socio-cultural differentiation of Russian-speaking society.

Keywords: precedent phenomenon, Internet communication, network blog, network post, genre of network blog, types of precedent phenomena, sources of precedence

For citation: Drevoten E. A. Precedent phenomena in online blog posts. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 196–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHQDQV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последнее время всесторонне исследуется жанровая система сетевого дискурса – сложная и многоуровневая, она «весьма подвижна, наряду с относительно оформленными жанрами существуют диффузные жанровые образования» [1: 55]. Исследователями разрабатываются различные классификации интернет-жанров, в рамках которых выделяется жанр сетевого блога. Он «связан с жанром личного дневника, который под влиянием технических характеристик виртуальной среды стал средством самопрезентации языковой личности и ведущим направлением ее коммуникативного поведения в сети» [2: 125].

Сетевой блог определяется как «целый веб-сайт или одна страница, где автор блога или любой другой пользователь Интернета выкладывает различные записи и их комментируют» [3: 137]. В рамках интернет-коммуникации блог является макрожанром, который состоит из набора микрожанров – постов, взаимосвязанных между собой в виде гипертекста. При этом пост определяется как небольшая по объему текстовая или мультимедийная публикация в сетевом блоге, содержание и формат которой могут существенно различаться даже внутри одного блога [4: 942]. Именно такого понимания этих терминов мы придерживаемся в своем исследовании.

Исследователями выделяется ряд характеристик, в разной степени свойственных интернет-жанрам в целом и сетевым блогам в частности. Одним из таких свойств является гипертекстуальность, то есть «построение текста из отдельных, соединенных гиперссылками блоков» [2: 127]. При наличии комментариев или репостов можно говорить о еще двух важнейших

характеристиках – диалогичности [4: 941, 942], которая определяется как «активное речевое взаимодействие в виртуальном пространстве как интернет-пользователей, так и их произведений» [5: 167], и аксиологичности и экспрессивной насыщенности [5: 168].

В рамках данной проблематики особый интерес представляет изучение использования и функционирования категории прецедентности в интернет-пространстве, которая по-новому реализуется «благодаря появлению новых видов интернет-дискурса» [6: 122]. Прецедентные единицы являются одним из значимых компонентов интернет-коммуникации, так как их использование согласуется с вышеперечисленными важнейшими характеристиками сетевых жанров. Так, любой прецедентный феномен (ПФ) можно считать одним из связующих элементов гипертекста, в качестве которого выступает единое культурное пространство, связывающее разные национальные и социальные группы между собой [7: 184]. Кроме того, ПФ, поскольку изначально аксиологичны и экспрессивны, «способны передавать авторскую мировоззренческую позицию» и эмоции, а также «стимулировать интерес читателя к публикации, изменять общественное сознание» [8: 187].

За последние несколько лет сетевой блог и посты в нем как жанры интернет-коммуникации исследовались с разных точек зрения разными исследователями (ср. [4, 9, 10] и др.). Но категории прецедентности на таком материале посвящены пока единичные работы (напр., [6, 11]). Это и обуславливает актуальность и новизну нашего исследования, целью которого является изучение особенностей использова-

ния прецедентных феноменов в постах сетевых блогов.

В нашем исследовании мы придерживаемся считающегося традиционным в современной лингвистике понимания прецедентности, которое дал Ю. Н. Караулов. Он называл прецедентными единицы, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [12: 216].

Прецедентные единицы обладают различными свойствами и характеристиками, позволяющими отличать их от других похожих единиц (пересказов, ссылок, аллюзий и т. п.) и определяющими особенности их функционирования в том или ином дискурсе. Это такие характеристики, как «персонифицированность, жесткая ассоциативность, маркированность, стандартность формы (клишированность), известность» и т. д. [13: 31]. Эти свойства подчеркивают сложность и многоаспектность ПФ, что отражается и описывается в многочисленных классификациях, в основу которых могут быть положены различные критерии: соотносённость с исходным текстом, характер источника, степень известности, распространённости, цельность и др. (см., напр., [14–16]).

Виды прецедентных феноменов в постах сетевых блогов

Материалом нашего исследования стали текстовые посты разного характера (информационные, экспертные, развлекательные, вовлекающие) в сетевых блогах, размещённых на популярных интернет-платформах: «ВКонтакте», «Telegram», «Яндекс-Дзен». Объем исследованного материала – 603 поста из 33 блогов, 123 прецедентные единицы, выделенные из данного текстового континуума.

Анализ полученной выборки показал, что в текстах сетевых постов встречаются различные виды ПФ. В большом количестве (около половины, а если быть точнее – 49% от общего числа выделенных единиц) представлены широко известные и часто употребляемые пословицы и поговорки, фразеологизмы, цитаты из песен и литературных произведений. Ср. (авторская орфография и пунктуация сохраняется во всех приведенных ниже контекстах):

- *Вообще, с нуля делать проще, чем переделывать старый двор. Заливали его как **Бог на душу положит**, ни о каком уровне и речи нет. Но то были 90-е.*
- *Поздно пить **Боржоми**, когда живот перестал помещаться в штаны.*

Подобные единицы можно определить как прецедентные высказывания (ПВ). В большинстве случаев они являются экспрессивной формой выражения компонентов пропозиции высказывания (ср.: *как бог на душу положит* = плохо, непродуманно и т. п.). Однако чаще ПФ, выполняющие эту функцию, дополняют уже выраженное основное содержание и могут находиться между основными пропозициональными структурами (ср.: *И значит ли это, что вы без удовольствия делаете свою работу? Ну типа: «от звонка до звонка». Расскажите...*).

ПВ данного типа (фразеологизмы, пословицы, поговорки и др.) были выделены в речи в доинтернет-эпоху и практически не изменились в новых условиях коммуникации.

Второе место среди ПФ в жанре сетевого поста (около 30% от общего объема материала) составляют прецедентные имена (ПИ) – упоминания различных реально существующих (или существовавших) людей (русских царей, политиков, писателей, современных музыкантов и певцов), фильмов или телепередач, а также сказочных персонажей и героев мультфильмов:

- ***Ешкин кот** – это кот **бабы Яги**. Типа у неё был целый штат помощников из животного мира, в том числе кот.*
- *До ближайших соседей всего лишь пару километров, до них даже **Басков** не доорётся, связь не ловит, полиция не доедет.*

Нередко ПИ служит элементом расширения пропозиции, усиливая основное содержание высказывания (см. последний из приведенных примеров).

В некоторых случаях ПИ используются не как самостоятельный вид прецедентности, а как способ апелляции к некоторому прецедентному тексту (ПТ), упоминание индивидуальных имен отсылает к широко известным текстам:

*30% флоры и фауны, которые вы встретите тут в огромных количествах, растут и живут только тут. Это какая-то фантастика... Чувствуешь себя **Алисой** в сказочном мире (здесь употреблено ПИ, восходящее к произведению Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес»).*

В данном случае ПИ не только апеллирует к известному ПТ, но также и известной по данному тексту прецедентной ситуации, ПИ употребляется в качестве символа необыкновенной красоты, не свойственной нашему реальному миру.

ПИ могут также быть способом апелляции к прецедентной ситуации (ПС), то есть входить в её состав:

Итого: пятеро детей, работы нет, здоровья нет, есть долги и страшные перспективы. Мы продали машину. Ту самую, которую купили на декретные. Мы продали квартиру. Ту самую, любимую, с гардеробной, ящичками, потолками

и полами. Я была подавлена и напугана. Даже не я, а моя ведическая Женщина внутри. Она умела цвести в благополучии, а на **Титанике** она меркла, и вместо аффирмаций и женских практик скатывалась в примитивную истерику.

В данном случае ПИ является апелляцией к известной ПС (крушение лайнера «Титаник» в 1912 г.) и употребляется в качестве символа большой беды, трагедии (для описания событий, произошедших в жизни автора поста).

Среди ПИ есть как традиционные единицы (Плюшкин, Обломов, Наполеон и т. п.), так и относительно новые (Басков, Спанч Боб, Халк и под.), связанные с актуальными для современной действительности людьми, персонажами, наименованиями.

В онлайн-постах встретились также примеры апелляции к ПС через сравнительные обороты. Объектами сравнения в этих случаях выступают наименования относительно новых для российской действительности явлений (*айфон, шведский стол* и т. п.). Такие выразительные сравнения регулярно дополняются метакомментариями, характеризующими те компоненты ситуации, которые находятся в фокусе внимания адресанта:

У меня нет детей, огорода, я даже готовлю раз в неделю. И думаю, что капец как выматываюсь. А потом смотрю на свекровь и понимаю, что она робот. Ее сделали в советском союзе из нержавеющей деталей, неломающихся запчастей и на безлимитном топливе. Таких людей уже не производят. Невыгодно. Я же, как айфон. Пару лет и надо новый покупать. Скачать обновления, менять батарейку. Иначе постоянно выключается на морозе и глючит.

В данном случае имеет место апелляция к ситуации с телефонами фирмы Apple: всем владельцам iPhone известно, что эти телефоны плохо «переносят» низкие температуры, быстро разряжаются, а новые модели появляются каждый год. Автор текста, сравнивая себя со свекровью, делает это на примере популярной техники.

Большинство ПТ (точнее – 79% от всех выделенных ПТ), которые встретились в исследованных постах, представлены имплицитно через ПИ. Ср. приведенные выше контексты, включающие высказывания:

- та еще **миссис Марпл**;
- чувствуешь себя **Алисой в сказочном мире**;
- каждый воспитатель как **Плюшкин**: все надо, все пригодится!

Также отмечены примеры актуализации ПТ через ПВ (21% от всех выделенных ПТ), которые являются отсылками к известным ПТ:

- *Сегодня в посольстве в Стамбуле я принял гражданство Туркменистана и, наконец, получил паспорт. Смотрите и завидуйте, я гражданин <...>* (отсылка к ПТ «Стихи о советском паспорте» В. В. Маяковского);
- *Качу я, значит, на лыжах, ничто не предвещает беды...БАЦ...очнулся уже одноруким! <...> Добрый доктор выписал мне опиоидный анальгетик, взял 300 евро за рентген и пожелал удачи. В общем, оторвали мишке лапу! Но вы меня не бросайте, я хороший!* (отсылка к ПТ А. Барто «Мишка», модифицированное автором поста, что свидетельствует о том, что данная прецедентная единица находится у него в актуальном сознании).

Как и предыдущая группа ПФ, данные ПТ практически не изменились в условиях интернет-коммуникации.

Однако специфика исследованного нами жанра состоит в количественном соотношении этих единиц с точки зрения их сопоставленности с исходным текстом (классификацию ПФ по данному параметру см. в [14, 15]). Основную массу (49%) составляют ПВ, а ПИ, ПС и ПТ представлены меньшим количеством примеров (около 30%, 13% и 8% соответственно).

Если рассматривать исследуемые нами ПФ с точки зрения степени их известности, распространенности в определенной социальной группе, национальной или мировой культуре (классификацию ПФ по данному параметру см. в [15]), то можно наблюдать следующую картину: достаточно широко (немного больше половины, а если быть точнее – 51% от общего объема ПФ) представлены фразеологизмы, цитаты из произведений русской художественной литературы и сказок, русского кинематографа и мультипликации. Например:

- *Муж меня разбаловал: я ничегошеньки не делаю в машине сама. Все он. А тут приезжаю в Сочи и у авто как назло **то лапы ломит, то хвост отваливается*** (фраза из известного советского мультфильма «Трое из Простоквашино», снятого по книге Э. Н. Успенского «Дядя Федор, пес и кот»);
- *Просто когда ты полностью зависишь от взрослого, то злость на родителя и одновременное желание остаться с ним в отношениях сплетаются в клубок. Как в сказке, **налево пойдешь – коня потеряешь, направо – голову*** (отсылка к русским народным сказкам, в которых встречается эта фраза).

Подобные примеры, на наш взгляд, можно считать национально-прецедентными, то есть известными носителям русской культуры и легко идентифицируемыми ими.

Можно наблюдать отдельные случаи обрывания, модификации национально-прецедентных единиц. Например:

Что по ремонту? «Демонтаж» – как много в этом звуке для сердца Ванечки слилось.

В данном случае ПВ является отсылкой к роману в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. При этом используется не точная («Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!»), а модифицированная цитата. Очевидно, что ПВ находится в актуальном сознании у информанта, обладает особым познавательным смыслом и используется с целью украсить текст, сделать его более интересным, привлекающим внимание, но при этом показать особое отношение и важность для человека такого этапа ремонта, как демонтаж.

В значительном количестве представлены в сетевых постах социумно-прецедентные единицы (около 30% от общего объема материала) – это ПФ, источниками которых являются фильмы, телепрограммы и песни, популярные среди отдельных возрастных категорий, а также интернет-мемы.

- *Самое забавное – недавно достал из мусорки старую расчёску.*
РАСЧЁСКУ! Человек, который носит лысую причёску. Сказал Мне ННАДО! (интернет-мем, который является символом навязчивости, а также символом бесполезности приобретенных кем-то вещей).
- *Я сделала два ПОЛЕЗНЕЙШИХ ВИДЕО! Тысячи репостов и сохранений, а охваты никакие! Я такой скандал учиню! Пух и перья полетят!* (здесь представлено сразу два популярных интернет-мема, которые являются символом выражения недовольства и угрозы устроить конфликт в простой бытовой ситуации. Сочетание этих ПВ усиливает общую экспрессивность текста поста).

В меньшем количестве встречаются в нашем материале универсально-прецедентные (УП) феномены (19%): это единицы, называющие известных на весь мир политиков (*Путин, Трамп, Обама, принцесса Диана*), знаменитых героев книг и фильмов (*Штирлиц, Шерлок Холмс, Хатико*), крылатые фразы и названия, которые могут быть идентифицированы любым человеком говорящим. Ср.:

Мы Артему пока не даем играть на планшете. Но скоро откроем ему этот ящик Пандоры!)) Скачаю какие-нибудь игры логические, раскраски и т. д. (отсылка к широко употребляемому фразеологизму из древнегреческих мифов; имеет место апелляция к дифференциальным признакам ПФ – источник непрестанных бед, несчастий, проблем).

Разновидности ПФ по степени их известности достаточно неравномерно представлены в нашем материале. Преобладают национально-

прецедентные единицы, а социумно-прецедентные и универсально-прецедентные представлены меньшим количеством примеров.

Полагаем, такое широкое использование национально-прецедентных феноменов можно объяснить, во-первых, сферой их употребления (интернет-коммуникация) и наличием гипертекстовых связей, которое относится к основным особенностям исследуемого нами жанра сетевого поста. Национально-прецедентные единицы помогают реализовать эту жанровую особенность, становясь одним из связующих элементов гипертекста – единого культурного пространства, связывающего разные национальные группы между собой. Во-вторых, наличие большого количества таких единиц можно объяснить ориентацией на определенный круг пользователей. Посты в сетевых блогах, которые мы проанализировали, ориентированы на российских пользователей, отсюда широкое употребление ПФ, известных любому представителю русской культуры.

Источники ПФ в постах сетевых блогов

1. Фразеология:

- *На приеме у стоматолога у нас истерика такой силы, что этот газ что в лоб, что по лбу;*
- *Ну и возвращаясь к вопросу про обучение в декрете – полетело в тартарары мое намерение что-то там проходить раз в неделю хотя бы.*

2. Паремология:

- *Пока полет нормальный после вакцинации, хотя предупредили, что возможен жидкий стул, капризы. Но и время пока не ночь, как говорится, не говори гоп, пока не перепрыгнешь*
- *Я решила, что овчинка выделки не стоит. Если поцарапают, например, фасад кухни, то восстановить или заменить будет сложно и накладно.*

3. Художественная литература (фрагменты из художественных произведений, имена известных писателей – русских и иностранных, названия литературных произведений и упоминания персонажей этих произведений):

- *Ну посмотрите, вот он – просто настоящий Дон Жуан;*
- *Чек длиннее, чем первый том у Толстого.*

4. Фольклор (упоминания различных сказок и их персонажей)

- *Уже засыпаю, глаза слипаются, веки тяжелеют, сон протягивает свои нежные объятия, как в сознание врывается он. Тупой вопрос. А почему лиса – Патрикеевна? Откуда у животинки отчество и почему именно такое?*

- Отец был иногородний и им с мамой, как молодой семье, дали целую комнату в общежитии. Маме понравилась комната, а вот папе, видимо, не очень и **как в сказке про теремок**: прогнала мама папу из комнаты <...>

5. Телевидение (упоминания рекламы, телепередач и их ведущих, а также фраз и ситуаций из них):

- **Топ всех наших ссор с мужем – ааав-томобииль** (читать голосом **Якубовича**). Автомобиль – семейное яблоко раздора.
- Я прихожу в это МФЦ и мне говорят (ребят, я клянусь, так и было): Кирилл, вы опоздали, **деньги сгорели**. Я думаю: в смысле, я куда пришел, в **«Кто хочет стать миллионером?»**.

6. Фильмография (названия широко известных фильмов, сериалов и мультфильмов, упоминания персонажей из них или отрывков из сюжета):

- я себя чувствую очень тупой. Даже тупее **Спанч Боба**, который за 12 сезонов так и не научился водить.
- чтоб потом не оправдываться с виноватыми глазами, как у **кота из Шрека** <...>.

7. Музыка (названия музыкальных произведений, фрагменты из них, а также имена известных музыкантов):

- **Погода сегодня не летная, но у природы нет плохой погоды** (цитата из песни Алисы Фрейндлих – «Песенка о погоде»).
- И сон сразу вжух, **давай, до свидания!** (популярная фраза из песни Тимати – «Давай, до свидания!»).

8. Политика (описания политических событий, происходивших в нашей стране и мире, а также имена известных политических деятелей, царей и королей):

- **Иван Грозный** в юбке. И с указкой.
- К слову, саму Кейт регулярно обвиняют в копировании **принцессы Дианы**. А Диана кого копировала не помните?

9. Интернет-мемы (упоминания или прямые цитаты популярных интернет-мемов):

- Ну вы посмотрите на эту красоту: **покой, умиротворение и... толпа туристов!** (модифицированный интернет-мем «Идущий к реке», является символом тоски по спокойствию и по возможности побыть наедине с собой).
- **Просто последние полгода я живу по принципу «слабоумие и отвага!»** (интернет-мем, ПВ, являющееся символом крайне безрассудного и рискованного поведения).

Как показывает исследованный материал, чаще всего источниками прецедентности в блогах интернет-пользователей выступают фразеология и паремология (при округлении – 30 и 20%

соответственно от общего объема материала), принадлежащие экспрессивному фонду языка, служащие украшению речи, что очень важно для написания запоминающихся постов. Устойчивые выражения, пословицы и поговорки привлекают внимание яркой, лаконичной (при этом содержательно насыщенной) формой выражения, являются средством языковой игры, делая текст менее формальным, более ярким и остроумным. Очевидно, что использование таких единиц в текстах постов способствует привлечению большего числа читателей, подписчиков, что имеет огромное значение для жанра сетевого блога.

Реже в качестве источников выступают фильмография и музыка. В равном количестве представлены такие сферы, как литература, фольклор, телевидение и политика (по 7%). И совсем редко встречаются отсылки к интернет-мемам (около 3%), что кажется странным, так как сфера интернет-коммуникации предполагает широкое использование популярных мемов. Однако в нашем материале их не так много. Полагаем, это можно объяснить, во-первых, тем, что блоги в «Яндекс-Дзен», «ВКонтакте» и подобные по своей природе ближе к традиционным формам и жанрам речи (СМИ), чем другие жанры интернет-коммуникации. Во-вторых, блогеры, чьи посты были исследованы, – это люди от 25 до 65 лет. Видимо, широкое употребление мемов в интернет-пространстве характерно для более молодой категории пользователей (< 25 лет).

Специфика ПФ в сопоставлении с другими жанрами и сферами речи

Если сравнивать ПФ в сетевых постах с другими сферами неофициального общения – например, с диалектной и литературно-разговорной речью, которые ранее были исследованы нами в контексте проблемы прецедентности (см. [17]), то можно наблюдать различия в использовании ПФ. Например, в диалектной речи (где нами исследовался комплексный информативный жанр рассказа-воспоминания, представленный в значительном числе случаев автобиографическими рассказами), как и в сетевых постах, преобладают ПВ (36 и 50% соответственно от общего объема разных видов прецедентных единиц), а в литературно-разговорной речи (где рассматривались жанры беседы, разговора, историй из жизни) на первый план выходят ПИ (64% от общего объема). По параметру известности: в сетевых постах и разговорной речи превалируют национально-прецедентные феномены (больше половины от всего объема материала, а если быть точнее – 51 и 63% соответственно), а в диалектной речи – социумно-прецедентные единицы (около 30% от общего числа ПФ). Однако

наиболее значительные различия заключаются в источниках прецедентности. Так, например, в устно-разговорной речи носителей литературного языка чаще всего встречаются ПФ, относящиеся к литературе, музыке и политике. В диалектной речи в этом качестве, как правило, выступают тексты устного народного творчества и фразеология, художественные тексты становятся источниками прецедентности крайне редко. И в диалектной, и в литературно-разговорной речи отсутствуют примеры ПФ, источниками которых являются интернет-мемы, в отличие от постов сетевых блогов, где мемы становятся фактически новым очень ярким источником прецедентности, набирающим популярность в сфере интернет-коммуникации. А в более диалогических интернет-жанрах таких единиц еще больше (см. [1]). Сходства и различия, обнаруживаемые в трех названных выше коммуникативных сферах, вероятно, связаны с дискурсивными особенностями осуществления коммуникации (ее социокультурной средой, отношениями коммуникантов). Записи диалектной речи получены в условиях общения диалектоносителя с исследователем-диалектологом – носителем иного лингвокультурного кода; пост обращен к массовой аудитории, состав которой не вполне известен адресанту, и представляет собой дистантный вид общения. В этих условиях предпочтительными формами прецедентности оказываются ПВ как наиболее эксплицированные способы ее проявления. Для жанра интернет-поста дополнительным фактором, стимулирующим усиление роли ПВ, является письменная форма коммуникации; для диалектной речи таким дополнительным фактором выступает желание диалектоносителя наиболее полно и выразительно передать знания, не известные, по мнению адресата, собеседнику. Записи литературно-разговорной речи осуществлены в ситуации контактного общения

представителей одного социокультурного сообщества, что делает оправданным сжатие ПФ до ПИ – гипертекстовых маркеров общего для коммуникантов культурного фонда. Что касается источников прецедентности, то их специфика в разных сферах коммуникации определяется социокультурной дифференциацией русскоязычного общества.

Заключение

Таким образом, опираясь на полученные данные, можно сделать вывод о том, что для жанра поста сетевого блога характерно использование разных видов прецедентных единиц. Среди них преобладают прецедентные высказывания, источниками которых, как правило, выступают фразеология и паремиология. Эти ПФ чаще всего известны любому представителю русской культуры (т. е. являются национально-прецедентными). Такие единицы являются частью языковой игры, способствуя «популяризации и тиражированию многих ее случаев» и становятся «элементами субнормы» в жанре поста сетевого блога [18: 296]. ПФ, по-видимому, являются значимыми элементами жанра сетевого поста, так как они согласуются с важными для него целеустановками привлечения и удержания аудитории, передачи информации, демонстрации уровня профессионализма и компетентности в том или ином вопросе. Обладая признаками узнаваемости, оценочности, экспрессивности, ПФ способствуют реализации задачи жанра. Сочетание названной целеустановки с краткостью сетевого поста усиливает значение ПФ в структуре таких текстов, поскольку интертекстуальный характер ПФ (их связь с другими, известными культурными текстами, а также интернет-мемами) расширяет и углубляет смысловое наполнение ограниченных по объему жанровых форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
2. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // *Российская и зарубежная филология*. Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131.
3. Белых К. С., Шишкина И. С. Лингвистические особенности интернет-блогов // *Вестник ШГПУ*. 2022. № 3 (55). С. 136–141. https://doi.org/10.52772/25420291_2022_3_136
4. Шляхова Д. А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // *Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8, № 4. С. 939–948. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>
5. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический

потенциал, проблемы классификации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>

6. Канашина С. В. Интернет-мем и прецедентный феномен // *Вестник ТГПУ*. 2018. № 4. С. 122–127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>

7. Самыличева Н. А. Особенности трансформации прецедентных феноменов на разных языковых уровнях в современных медийных заголовках (на материале «Новой газеты») // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 6. С. 177–184.

8. Филичина Т. П. Оценочность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе // *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2018. № 2 (79). С. 186–189.

9. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 96–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>

10. Кислицына Н. Н., Норец М. В. Жанр «блог» в аспекте лингвокогнитивного консонанса и диссонанса участников коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 70–85. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-5>

11. Шурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 147–153. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-147-153>

12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

13. Петрова Е. В. Когнитивный потенциал прецедентного имени : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2024. 194 с.

14. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.

15. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

16. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.

17. Древоотень Е. А. Виды прецедентных феноменов в разных лингвокультурных формах неофициального общения (на материале русского языка) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 418–422. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-418-422>

18. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

REFERENCES

1. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

2. Bazhenova E. A., Ivanova I. A. Blog as an internet genre. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, iss. 4 (20), pp. 125–131 (in Russian).

3. Belykh K. S., Shishkina I. S. Linguistic features of Internet blogs. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2022, no. 3 (55), pp. 136–141 (in Russian). https://doi.org/10.52772/25420291_2022_3_136

4. Shlyakhova D. A. Genre features of blogs as electronic means of mass communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 939–948 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>

5. Kolokoltseva T. N. Internet comments as a network genre: General characteristics, dialogical potency, classification problems. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 164–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>

6. Kanashina S. V. Internet meme and precedent phenomenon. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 122–127 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>

7. Samylicheva N. A. Peculiarities of transformation of precedent phenomena at different language levels in modern media headlines (on the material of “Novaya gazeta”). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2020, no. 6, pp. 177–184 (in Russian).

8. Filichkina T. P. Evaluation of precedent phenomena in the english language political discourse. *Scientific Notes of Orel State University*, 2018, vol. 2, no. 79, pp. 186–189 (in Russian).

9. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 96–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>

10. Kislitsyna N. N., Norets M. V. The “blog” genre in the aspect of linguocognitive consonance and dissonance of communicators. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 2 (119), pp. 70–85 (in Russian). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-2-119-5>

11. Shchurina Y. V. Internet memes in the structure of comic speech genres. *Speech Genres*, 2014, no. 1 (9), pp. 147–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-147-153>

12. Karaulov Yu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Izd-vo LKI, 2007. 264 p. (in Russian).

13. Petrova E. V. *The cognitive Potential of a Precedent Name*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnoyarsk, 2024. 194 p. (in Russian).

14. Gudkov D. B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis, 2003. 288 p. (in Russian).

15. Krasnykh V. V. “Svoi” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'? [“One's own” among “strangers”: Myth or reality?] Moscow, Gnozis, 2003. 375 p. (in Russian).

16. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiia: Kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures]. Moscow, Gnozis, 2002. 284 p. (in Russian).

17. Drevoten E. A. Different types of precedent phenomena in cultural linguistic forms of informal communication (on the example of the Russian language). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 418–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-418-422>

18. Viktorova E. Yu. Potential capacity of linguistic creativity in internet communication (based on the genre of social networks). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

Поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 23.05.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 23.05.2024; published online 30.05.2025

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 204–211

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 204–211

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-204-211>, EDN: XRILUA

Информация о конференции

УДК [[[37+316.7+81'23'27'42]:005.745]:378.4](470.44-25)(06)+929Седов

**Жанры речи, жанры научной жизни:
конференция памяти профессора К. Ф. Седова**

Т. А. Бочкарева, О. В. Кошечева, В. П. Крючков✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бочкарева Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
логопедии и психолингвистики, tab1161@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7239-418X>

Кошечева Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры логопедии
и психолингвистики, olga-kosheeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Крючков Владимир Петрович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
логопедии и психолингвистики, vpks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7479-0779>

Аннотация. Резюмированы итоги международной научно-практической конференции «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2024: актуальные проблемы коррекционной педагогики, специальной психологии, психолингвистики», посвященной 70-летию со дня рождения выдающегося ученого, одного из основателей Саратовской жанроведческой школы, профессора К. Ф. Седова. Конференция была организована Саратовским национальным исследовательским государственным университетом имени Н. Г. Чернышевского, факультетом психолого-педагогического и специального образования Педагогического института СГУ, кафедрой логопедии и психолингвистики. Дан обзор мероприятий, предусмотренных форматом конференции: пленарные и секционные заседания, круглые столы, мастер-классы, конкурс студенческих работ. Представлена проблематика программных пленарных и секционных докладов, тематика круглых столов, мастер-классов в ракурсе междисциплинарного подхода к изучению смежных проблем коммуникативной лингвистики, жанроведения, психологии, общей и специальной педагогики.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, жанроведение, специальное образование, социокультурная интеграция, коррекционная педагогика, специальная психология, логопедия, психолингвистика, научные персоналии: К. Ф. Седов

Для цитирования: Бочкарева Т. А., Кошечева О. В., Крючков В. П. Жанры речи, жанры научной жизни: конференция памяти профессора К. Ф. Седова // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-204-211>, EDN: XRILUA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Conference Proceedings

**Speech genres, genres of scientific life:
Conference in memory of professor K. F. Sedov**

T. A. Bochkareva, O. V. Koshcheeva, V. P. Kryuchkov✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana A. Bochkareva, tab1161@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7239-418X>

Olga V. Koshcheeva, olga-kosheeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Vladimir P. Kryuchkov, vpks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7479-0779>

Abstract. The article summarizes the results of the International scientific-practical conference “Special Education and Sociocultural Integration – 2024: Current Issues in Remedial Education, Special Psychology and

Psycholinguistics”, dedicated to the 70th anniversary of the distinguished scholar and one of the founders of the Saratov School of Genre Studies, Professor K. F. Sedov. The conference was organized by Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, the Faculty of Psychological, Pedagogical, and Special Education of the Pedagogical Institute and the Department of Speech Therapy and Psycholinguistics. The article provides an overview of the events planned within the conference format: plenary and sectional sessions, round-table discussions, workshops, and a competition of student papers. The issues of the program’s plenary and sectional reports, topics of round tables, and workshops are presented from the perspective of an interdisciplinary approach to studying related problems of communication linguistics, genre studies, psychology, general and special education.

Keywords: communicative linguistics, genre studies, special education, sociocultural integration, remedial education, special psychology, speech therapy, psycholinguistics, scientific personalities: professor K. F. Sedov

For citation: Bochkareva T. A., Koshcheeva O. V., Kryuchkov V. P. Speech genres, genres of scientific life: Conference in memory of professor K. F. Sedov. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-204-211>, EDN: XRILUA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2024 г. известному ученому, одному из основателей Саратовской жанроведческой школы, профессору Константину Федоровичу Седову исполнилось бы 70 лет. О достижениях К. Ф. Седова в сфере современной лингвистики, психолингвистики, других областях гуманитарного знания сказано немало [1–5 и др.]. В центре внимания ученого всегда находился «человек говорящий», человек в многообразии своих коммуникативно-жанровых, поведенческих, личностных проявлений. Не случайно одним из ведущих направлений в научно-исследовательской деятельности К. Ф. Седова стало жанроведение.

К. Ф. Седов является автором многих концептуальных работ по речевым жанрам [6–10 и др.], редактором сборника «Антология речевых жанров: повседневная коммуникация», вышедшего в московском издательстве «Лабиринт» в 2007 г. [11]; был членом редколлегии сборника / журнала «Жанры речи» с момента его основания. В исследованиях ученого отражены не только теоретические проблемы общего жанроведения. К. Ф. Седов выдвинул целый ряд основополагающих идей о становлении речевых жанров, роли речевого фактора в изучении индивидуального речевого стиля человека и др. [12, 13 и др.].

В настоящее время идеи К. Ф. Седова становятся отправной точкой новых научных (и что особенно важно – междисциплинарных) исследований в самых разных отраслях гуманитарного знания, расширяя в том числе «жанровый» потенциал научного дискурса [1, 14–16]. Подтверждением тому служит и проведенная на базе Саратовского университета международная научно-практическая конференция «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2024: актуальные проблемы коррекционной педагогики, специальной психологии, психо-

лингвистики», посвященная 70-летию ученого.

Конференция состоялась 15–16 ноября 2024 г. Организаторами мероприятия выступили кафедра логопедии и психолингвистики, факультет психолого-педагогического и специального образования Педагогического института СГУ. Основные направления работы конференции отвечали ее целям: рассмотрению актуальных проблем коррекционной педагогики, специальной психологии и психолингвистики и осмыслению в этом контексте научного наследия профессора, доктора филологических наук, первого заведующего кафедрой логопедии и психолингвистики К. Ф. Седова.

В конференции приняли участие около 400 человек – преподаватели вузов, лингвисты, практикующие логопеды, дефектологи, психологи, методисты организаций общего, специального и дополнительного образования, представители системы здравоохранения и социальной защиты, молодые ученые, магистранты, студенты, изучающие проблемы логопедии, психолингвистики и смежных дисциплин из России (более 20 городов) и стран ближнего и дальнего зарубежья: Армении, Казахстана, Республики Беларусь, США.

Ключевые аспекты в работе конференции были обозначены на ее пленарном заседании.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Алексей Александрович Короновский, доктор физико-математических наук, профессор, проректор по научной работе и цифровому развитию СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Он акцентировал внимание присутствующих на том, что конференция органично вписывается в план мероприятий по празднованию 115-летия СГУ, а актуальность и значимость проблематики конференции в связи с развитием антропоцентри-

ческой парадигмы в науке и пристальным интересом к человеческой личности в разных аспектах ее проявления не вызывает сомнения.

Танзиля Фаатовна Рудзинская, и. о. декана факультета психолого-педагогического и специального образования, кандидат психологических наук, отметила знаковость события в контексте празднования Дня логопеда, неподдельный интерес логопедического сообщества к конференции. Как бывшая студентка К. Ф. Седова Т. Ф. Рудзинская с большой теплотой вспомнила его лекции и отметила мастерство К. Ф. Седова и как ученого-исследователя, и как педагога-методиста.

Программным и определяющим, одним из доминантных направлений работы конференции в ракурсе осмысления научно-педагогического наследия К. Ф. Седова стало выступление доктора филологических наук, заведующего кафедрой логопедии и психолингвистики *Владимира Петровича Крюкова*. Тему своего доклада он обозначил как «Гуманитарий, психолингвист, исследователь детской речи Константин Федорович Седов», уже тем самым подчеркнув широту и многогранность научных интересов ученого. Были представлены основные вехи биографии Константина Федоровича, охарактеризованы его научное и научно-методическое наследие и его вклад в развитие психолингвистики, онтолингвистики, нейропсихолингвистики. Отмечены личные качества К. Ф. Седова: его увлеченное отношение к жизни, психолингвистической науке как полю постоянного научного эксперимента, его лидерские качества, демократичный стиль общения с коллегами и студентами. Личное многолетнее знакомство и совместная с ученым работа в университете и на факультете позволили В. П. Крюкову привнести в выступление теплые неформальные ноты, нашедшие отклик в сердцах всех присутствующих, многие из которых также лично знали К. Ф. Седова, блестящего ученого и неординарного человека.

Тема научного наследия К. Ф. Седова была развита в выступлении *Вадима Викторовича Дементьева*, доктора филологических наук, профессора кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ, главного редактора журнала «Жанры речи». Он уделил внимание одной из научных ипостасей К. Ф. Седова: его лингвистическим интересам. В. В. Дементьев отметил, что К. Ф. Седов обогатил современную лингвистику целым рядом оригинальных и плодотворных идей, особое место среди которых занимает предложенная им типология современной лингвистики. Штрихи

к портрету языковой личности К. Ф. Седова, его речевые предпочтения вызвали большой эмоциональный отклик аудитории.

Последовавшие затем доклады раскрыли значимость психолингвистического, междисциплинарного подходов в изучении нарушений коммуникативно-речевой деятельности, которые успешно применял в своем научном поиске и К. Ф. Седов.

Так, *Александр Николаевич Корнев*, доктор психологических наук, заведующий кафедрой логопатологии и лабораторией нейрокогнитивных технологий Научно-исследовательского центра Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, со ссылкой на идеи К. Ф. Седова обосновал необходимость разработки возрастных психолингвистических нормативов как теоретической основы логопатологии детского возраста.

Ольга Евгеньевна Грибова, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории образования и комплексной реабилитации детей с нарушениями речи Института коррекционной педагогики (г. Москва), представила гипотетическую модель роли языковой и метаязыковой способностей в развитии речи ребенка без речевых нарушений и с нарушениями речи.

В докладе сотрудников кафедры логопедии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург) заведующей кафедрой логопедии профессора *Людмилы Владимировны Лопатиной*, доцента *Марии Геннадьевны Ивлевой* и профессора кафедры управления образованием Новосибирского государственного педагогического университета *Людмилы Борисовны Баряевой* раскрыты структура клинических проявлений в синдроме двигательных расстройств при детском церебральном параличе. Ими представлен критический анализ подходов к реабилитации детей с двигательной патологией и обосновывается значимость и продуктивность реализации полифункционального подхода к реабилитации детей-инвалидов данной категории.

Татьяна Вячеславовна Кошечкина, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории образования и комплексной реабилитации детей с нарушениями речи Института коррекционной педагогики (г. Москва), выступила с докладом «Об интерпретации текстовой деятельности с позиций теоретической модели психолингвоперсоналогии К. Ф. Седова». Ею было убедительно показано, что идеи К. Ф. Седова о том, что характер формирования способности к порождению и пониманию многообразных текстов отражает путь формирования дискурсивно-

го мышления языковой личности, который, в свою очередь, создает уникальное сочетание черт ее речевого портрета, нуждаются в дальнейшем развитии и проекции не только на нормотипичных детей, но и на детей с речевыми патологиями.

Завершил пленарное заседание доклад заведующей кафедрой логопедии и детской речи Новосибирского государственного педагогического университета *Ларисы Валентиновны Ковригиной* (г. Новосибирск). Она осветила вопросы особенностей формирования готовности к грамматическим обобщениям у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в процессе логопедической работы как необходимом условии формирования речевой компетенции указанной категории детей.

Работа конференции продолжилась в 13 секциях. Перечислим их проблематику для панорамного обзора векторов научного поиска участников конференции: междисциплинарный подход в системе специального (дефектологического) образования; научное и методическое наследие К. Ф. Седова в теории и практике подготовки логопедов; учитель-логопед в системе современного дошкольного образования; актуальные проблемы взаимодействия специалистов дошкольной образовательной организации; актуальные проблемы логопедического сопровождения школьников; логопедическая работа в реабилитационных центрах и системе здравоохранения; традиции и инновации в системе образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; интегрированный подход в процессе коррекционно-педагогического сопровождения воспитанников и обучающихся с задержкой психического развития; подготовка будущих учителей технологии в условиях инклюзивного образования; современные проблемы коррекционной педагогики и специальной психологии в образовательном процессе; исследования молодых ученых.

Так, в секции «*Междисциплинарный подход в системе специального (дефектологического) образования*» представлена общая характеристика коммуникативного «старта» ребенка и уникальность формирования его речевых способностей, рассмотрено соотношение понятий «языковая личность» и «речевой портрет» в концепции К. Ф. Седова, представлены различные аспекты логопедического консультирования в системе профессиональной помощи, проблемы логопедической терминологии, формирование устного дискурса как приоритетная цель логопедической работы; профилактика нарушений письма у младших школьников с нарушениями

ями речи; логопедический потенциал уроков литературного чтения для младших школьников с тяжелыми нарушениями речи (ТНР). Была затронута также проблема различий в интерпретации речевых жанров и коммуникативных стратегий адресанта адресатом. Были обсуждены вопросы эффективности оказания ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья; модель дифференциальной диагностики нарушений речи у неговорящих детей раннего и дошкольного возраста (опыт лаборатории «ЛОГОПЕДИЯ» Северо-Кавказского федерального университета).

В секции «*Научное и методическое наследие К. Ф. Седова в теории и практике подготовки логопедов*» рассматривались реализация и развитие научных идей К. Ф. Седова в содержании технологии профессиональной подготовки логопедов, а также были обозначены перспективные направления работы кафедры логопедии и психолингвистики на факультете психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н. Г. Чернышевского.

Внимание докладчиков привлек логопедический инструментарий: ассоциативный эксперимент в диагностике речевых расстройств, варианты разнообразия артикуляционной гимнастики в ходе коррекции.

Компетентностный подход в исследованиях отмечен в докладах на темы «Формирование социокультурной коммуникативной компетенции в речи детей (на материале советской и современной российской мультипликации)» и «Формирование нормативно-правовой компетенции учителя-логопеда».

Социолингвистическим и речевым аспектам коммуникации были посвящены доклады о роли дедушек в речевом развитии дошкольников с моторной алалией; о жанре рассказа в семейном общении детей разного возраста. Рассмотрена роль детско-родительского сотрудничества в дополнительном образовании (театральной деятельности) детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в их социальной адаптации.

Направление «*Учитель-логопед в системе современного дошкольного образования*» традиционно привлекает внимание практиков, поэтому в рамках конференции работало 3 секции с одноименным названием. В их деятельности можно выделить три ключевых аспекта: инновационные подходы к диагностике и коррекции речевых нарушений первичного и вторичного генеза; использование разного рода игровых технологий и авторских пособий в коррекционном процессе; особенности работы с родителями детей с тяжелыми множественными нарушениями развития

(ТМНР), расстройствами аутистического спектра (РАС), задержкой психического развития (ЗПР) в современных условиях.

Работа следующей секции *«Актуальные проблемы взаимодействия специалистов дошкольной образовательной организации»* логически продолжала полилог о роли учителя-логопеда в коррекции речевых расстройств, но уже в качестве «командного игрока». Были затронуты вопросы координативной деятельности: направления взаимодействия логопедов и нейропсихологов, инструктора по физической культуре и учителя логопеда в работе по формированию предпосылок правильной речи; особенности работы с двуязычными дошкольниками в группах компенсирующей направленности с ТНР; развитие цифровой образовательной среды для обучающихся с ОВЗ; аспекты корректного и эффективного взаимодействия в группе логопед – учитель-дефектолог, родитель ребенка с ОВЗ.

В секции *«Актуальные проблемы логопедического сопровождения школьников»* рассматривались проблемы оказания логопедической помощи детям, перешагнувшим порог школы. Особое внимание было уделено проблеме изучения понимания текстов и формирования текстовой и жанровой компетенции младших школьников с нарушениями речи различной этиологии в специальных условиях и в условиях инклюзии; особенностям организации логопедической помощи по преодолению речевых нарушений у детей младшего школьного возраста в билингвальной среде, коррекции дисграфии и дизорфографии у детей с общими недоразвитием речи (ОНР).

Секция *«Логопедическая работа в реабилитационных центрах и системе здравоохранения»* отражала основные направления работы логопедов, в отделениях реабилитации клинических больниц с пациентами, перенесшими острое нарушение мозгового кровообращения (ОНМК) и страдающими афазиями; работы специальных психологов с людьми с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), с лицами с умственной отсталостью. Особое внимание было уделено практической подготовке студентов по специальной психологии на базе Центра адаптации и реабилитации инвалидов трудоспособного возраста, изучению особенностей детско-родительских отношений в семьях с детьми, имеющими нарушения речи, и их учету в коррекционном процессе.

В работе секции *«Традиции и инновации в системе образования лиц с ограниченными возможностями здоровья»* отчетливо прослеживалось несколько направлений научно-практических исследований как в докладах

опытных специалистов, так и начинающих исследователей.

Первое направление отражает опыт развития разных сторон речи у детей с нарушениями зрения, слуха, интеллектуальной недостаточностью с использованием традиционных и инновационных технологий, пути развития механизмов социальной адаптации.

Второй блок докладов был посвящен подготовке специалистов к работе с детьми с ОВЗ: формирование интегральных инклюзивных компетенций педагога, дефектологических компетенций у учителей начальной школы, методического потенциала студентов через речетворческий практикум, обучение жестовому пению студентов профиля сурдопедагогика.

Обсуждалась также роль родителей (и прародителей) в семейном воспитании дошкольников с ТНР, особенности психоэмоционального состояния родителей, воспитывающих детей с синдромом Дауна, взаимодействие родителей и специалистов в условиях инклюзии.

На базе ГАОУ СО «ШКОЛА «УНИКУМ» работала научно-методическая площадка, целью которой было обобщение педагогического опыта сопровождения воспитанников и обучающихся с задержкой психического развития: «Интегрированный подход в процессе коррекционно-педагогического сопровождения воспитанников и обучающихся с задержкой психического развития (ЗПР)». Были рассмотрены вопросы особенностей развития детей с ЗПР на разных возрастных этапах, специфика диагностики и коррекционной работы с детьми с ЗПР, представлен психологический портрет выпускника.

Секция *«Подготовка будущих учителей технологии в условиях инклюзивного образования»* сконцентрировала внимание при обсуждении на особенностях проектирования уроков технологии для учащихся с ОВЗ, необходимости формирования практических умений и навыков на уроках технологии для обучающихся с ОВЗ, формировании доступной образовательной среды для этих детей, социокультурной интеграции и инклюзии обучающихся с ОВЗ через трудовые практики и овладение технологическими приемами продуктивной деятельности.

На базе МАОУ «Медико-биологический лицей» г. Саратова проходила работа секции *«Современные проблемы коррекционной педагогики и специальной психологии в образовательном процессе»*, четко обозначившая прежде всего актуальные проблемы учителей начальных классов. Среди них выделялись проблемы диагностики и коррекции нарушений письменной речи у младших школьников

с общим недоразвитием речи: дизорфографии, дисграфии, дислексии, отмечалась необходимость взаимодействия логопеда и учителя начальных классов в работе по преодолению нарушений письма, роль родителей в коррекции речевых нарушений у детей младшего школьного возраста. Отмечалась ключевая роль коррекции нарушений устной речи как основы профилактики проблем обучения в дошкольный период.

Отметим и секцию «Исследования молодых ученых» в плане интереса ко всем сферам коррекционной работы: с дошкольниками с ЗПР, с умственной отсталостью, с расстройствами аутистического спектра, с синдромом Дауна, с нарушениями слуха. Начинающих исследователей интересовали и проблемы собственной готовности к участию в коррекционной работе, и формирование эмоционального интеллекта у детей с ЗПР, вопросы подготовки к школе дошкольников с РАС, развитие и коррекция наглядно-образного мышления младших школьников с умеренной умственной отсталостью, особенности социально-бытовой подготовки младших школьников с синдромом Дауна, профессиональная ориентация старшеклассников с нарушением слуха.

Конференция работала и офлайн, и в онлайн вариантах, что позволило максимально широко организовать научный дискурс. С этой же целью, помимо традиционных секционных выступлений, были представлены 29 стендовых докладов.

Обменяться мнениями по конструированию и практическому применению коррекционно-логопедического инструментария участники конференции имели возможность на *тренинге* «Проектирование адаптированных программ в сфере дополнительного образования»; *дискуссионной площадке* «Вариативное использование авторских пособий Т. Ю. Бардышевой и Е. Н. Моносовой в логопедической практике», а также посетив два *мастер-класса* «Куклотерапия как эффективный метод в работе с семьями, воспитывающими детей с ОВЗ» и «Опыт использования пособия “Сенсорные радости” в работе по развитию речи детей раннего возраста с ЗПР».

По завершении первого дня работы конференции состоялся *круглый стол* «Константин Федорович Седов – в памяти коллег, друзей, учеников», который включал видеосфрагменты из преподавательской деятельности К. Ф. Седова, воспоминания тех, кто многие годы работал с ученым на факультете коррекционной педагогики и специальной психологии, на кафедре русского языка и русского как иностранного в Институте филологии и журналистики СГУ, а также ученых из разных

городов России, которые высоко оценили научное наследие ученого и востребованность его идей в современной практике преподавания различных вузовских дисциплин психолингвистического цикла.

В рамках конференции работали также секции молодых ученых, состоялся Конкурс научно-исследовательских работ студентов, участниками которого стали 35 обучающихся из вузов Саратова, Санкт-Петербурга, Омска, Оренбурга, Самары и других городов.

Тема конференции и имя известного ученого К. Ф. Седова вызвали широкий отклик научной общественности. Конференция явилась значимым научным событием в ряду мероприятий, посвященных 115-летию юбилею Саратовского университета.

Все участники конференции – организаторы, выступающие, слушатели – отметили высокий интерес со стороны научного сообщества и специалистов-практиков к теме конференции, к научному наследию ученого, широту и разнообразие предложенных форматов взаимодействия.

Завершив проведенный обзор основных направлений работы конференции коммуникативным посылом самого К. Ф. Седова специалистам и родителям: «Ученый-языковед, который обращается к вопросам развития языка у ребенка, не может глубоко интерпретировать факты речевого онтогенеза, не обладая знаниями в области психологии (возрастной, социальной, психологии мышления и др.). Психолог не даст квалифицированной консультации родителям, если у него нет представления о последовательности в овладении ребенком элементами различных уровней языковой структуры. Логопед не способен корректировать патологические проявления речи ребенка, если он не знает закономерностей нормы речевого развития. Педагог не способен помочь ученику, если он не владеет знаниями о законах формирования коммуникативных черт его характера и т. д.» [12: 6].

«Каждый родитель, воспитатель, школьный учитель, психолог, логопед, тренер, вузовский преподаватель, врач и т. п. должен (я подчеркиваю это слово – должен) знать, как в норме происходит становление способности ребенка, подростка, юноши к общению... Знания эти смогут избавить маленького человека от больших проблем в его будущей жизни. Смогут помочь нам всем вместе воспитать здоровое жизнеспособное поколение, поколение будущих граждан нашей страны» [12: 2, 3].

Таким образом, главным посылом и знаковой идеей состоявшейся конференции можно считать положение о необходимости интеграции теоретических и практико-ориентирован-

ных исследований в области коммуникативной лингвистики, жанроведения, психологии, общей и специальной педагогики для созда-

ния эффективных моделей изучения человека, а также предупреждения и преодоления возможных нарушений его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.
2. Алпатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика» // *Жанры речи* : сб. науч. ст. М. ; Саратов : Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 109–122. EDN: MKASMT
3. Дементьев В. В. Творческое наследие К. Ф. Седова: попытка осмысления // *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 367–390.
4. Дементьев В. В. Что означает «вперед в изучении речевых жанров»? К выходу посмертной книги избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и антропоцентрическая лингвистика» // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 123–129. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129>
5. Салимовский В. А. О речеведческой концепции Константина Федоровича Седова // *Коммуникация. Мышление. Личность* : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 52–62.
6. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 13–26. EDN: YNQGPJ
7. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // *Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация* / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.
8. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40. EDN: VMVLUU
9. Седов К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // *Хорошая речь* / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротиной. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. С. 107–118.
10. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 40–52. EDN: YNDDJJ
11. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. проф. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
12. Седов К. Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека. М. : Лабиринт, 2008. 320 с.
13. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 336 с.
14. Крючков В. П. Филолог, психолингвист, исследователь детской речи Константин Федорович Седов (памяти коллеги, друга, к 70-летию со дня рождения) // *Наука и школа*. 2024. № 5. С. 273–282. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-5-273-282>
15. Бочкарева Т. А., Коцеева О. В. Реализация и развитие научных идей К. Ф. Седова в содержании технологии профессиональной подготовки логопедов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Се-*

рия : Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 2 (50). С. 104–115. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-2-104-115>, EDN: UJBNNHW

16. Есупова Т. В. Список трудов К. Ф. Седова // *Специальное образование и социокультурная интеграция : сборник научных статей. Вып. 7. Материалы Международной научно-практической конференции «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2024»*, Саратов, 15–16 ноября 2024 г., Саратов : Саратовский университет, 2024. С. 25–42. URL: <https://www.sgu.ru/struktura/uprid/nauchnye-izdaniya-sgu/sborniki-iprodolzhayuschiesya-izdaniya/specialnoe/arkhiv-5>

REFERENCES

1. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 338 p. (in Russian).
2. Alpatov V. M. Linguistics yesterday and today: Reflections on the article by K. F. Sedov “Linguistics. Speech Science. Henrics”. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 8. Zhanr i tvorchestvo* [Speech Genres : Coll. of sci. arts. Iss. 8. Genre and Creativity]. Moscow, Saratov, Labirint, 2012, pp. 109–122 (in Russian). EDN: MKASMT
3. Dementyev V. V. The creative legacy of K. F. Sedov: An attempt at understanding. In: *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, pp. 367–390 (in Russian).
4. Dementyev V. V. What does “forward in the study of speech genres” mean? To the edition of a posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011) “General and anthropocentric linguistics”. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 123–129. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129> (in Russian).
5. Salimovsky V. A. On the speech theory concept of Konstantin Fedorovich Sedov. In: *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost' : materialy mezhdunar. nauch. konferentsii, posviashchennoi pamiati professorov I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the memory of professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITs “Nauka”, 2012, pp. 52–62 (in Russian).
6. Sedov K. F. On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres : Coll. of sci. arts. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 1999, pp. 13–26 (in Russian). EDN: YNQGPJ
7. Sedov K. F. The man in the genre space of modern communication. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: Povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod obshch. red. K. F. Sedova* [Sedov K. F., total ed. Anthology of Speech Genres: Daily Communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).
8. Sedov K. F. Linguistics. Speech production. Genrics. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres : Coll. of sci. arts. Iss. 6. Genre and Language]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 23–40 (in Russian). EDN: VMVLUU
9. Sedov K. F. Genre and communicative competence. In: *Khoroshaya rech' . Pod red. M. A. Kormilitsinoi,*

O. B. Sirotininoi [Kormilitsina M. A., Sirotinina O. B., eds. Good Speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2001, pp. 107–118 (in Russian).

10. Sedov K. F. Psycholinguistic aspects of the study of speech genres. *Zhany rechi : sb. nauch. st. Vyp. 3* [Speech Genres : Coll. of sci. arts. Iss. 3]. Saratov, ITs "Nauka", 2002, pp. 40–52 (in Russian). EDN: YNDDJJ

11. *Antologiya rechevykh zhanrov: Povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod obshch. red. K. F. Sedova* [Sedov K. F., total. ed. Anthology of Speech Genres: Daily Communication]. Moscow, Labirint, 2007. 320 p. (in Russian).

12. Sedov K. F. *Ontopsikholingvistika: stanovlenie kommunikativnoy kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistics: The Formation of Human Communicative Competence]. Moscow, Labirint, 2008. 320 p. (in Russian).

13. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestiya: irratsional'noe vozdeistvie v mezhluchnostnom obshchenii* [Discourse as Suggestion: Irrational Influence in Interpersonal Communication]. Moscow, Labirint, 2011. 336 p. (in Russian).

14. Kryuchkov V. P. Philologist, psycholinguist, child speech researcher Konstantin Fedorovich Sedov (in memory of a colleague, friend, to his 70th anniversary). *Science and School*, 2024, no. 5, pp. 273–282. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-5-273-282> (in Russian).

15. Bochkareva T. A., Koshcheeva O. V. Implementation and development of K. F. Sedov's scientific ideas in the content of the technology of professional training of speech therapists. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 2 (50), pp. 104–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-2-104-115>, EDN: UJBNIHW

16. Esipova T. V. List of works by K. F. Sedov. *Spetsial'noe obrazovanie i sotsiokul'turnaia integratsiia: sbornik nauchnykh statei. Vyp. 7. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Spetsial'noe obrazovanie i sotsiokul'turnaia integratsiia – 2024", Saratov, 15–16 noiabria 2024 g.* [Special Education and Socio-cultural Integration: Collection of scientific articles. Iss. 7: Materials of the International scientific and practical conference "Special education and socio-cultural integration – 2024", Saratov, November 15–16, 2024]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024, pp. 25–42 (in Russian). Available at: <https://www.sgu.ru/struktura/uprid/nauchnye-izdaniya-sgu/sborniki-iprodolzhayushiesya-izdaniya/specialnoe/arkhiv-5>

Поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 19.12.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 26.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 19.12.2024; published online 30.05.2025

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 26.05.2025. Подписано в свет 30.06.2025. Выход в свет 30.06.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12.13 (13.0). Тираж 100. Заказ 62-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.